

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Л.Ю. Зорина

**ВОЛОГОДСКИЕ
ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ
НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Монография

**Вологда
2012**

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–67
З–86

Печатается по решению
редакционно-издательского совета ВГПУ
от 18. 04. 2012 г.

Печатается в соответствии с государственным заданием Министерства образования Российской Федерации на выполнение проекта «Электронная лексикография Русского Севера».

Рецензенты:

доктор филологических наук профессор Кузбасской государственной педагогической академии *А.Г. Балакай*

доктор филологических наук профессор Вологодского государственного педагогического университета *Г.В. Судаков*

Зорина Л.Ю.

З–86 Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография / Л.Ю. Зорина; Мин-во образ. и науки РФ; Вологод. госуд. пед. ун-т. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.

ISBN 978-5-87822-494-9

Монография является первым опытом описания системы вологодских народных благопожеланий в структурно-семантическом и коммуникативно-прагматическом аспектах. В основе исследования лежат материалы, зафиксированные в процессе экспедиционных наблюдений над живой речью населения Вологодского края.

Книга будет интересна специалистам по диалектологии, истории русского языка, коммуникативной лингвистике, а также широкому кругу читателей – историкам, краеведам, писателям, педагогической общественности.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2–67

© Зорина Л.Ю., 2012
© ВГПУ, 2012

ISBN 978-5-87822-494-9

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Теоретические основы исследования вологодских диалектных благопожеланий	7
§ 1. Средства выражения оптативности в русском языке и его диалектах	7
§ 2. Особенности благопожеланий как лингвистического феномена	11
§ 3. Картотека Словаря вологодских говоров как база исследования диалектных благопожеланий.....	14
§ 4. Методы сбора диалектных благопожеланий и реконструкции их системы	25
§ 5. Терминологическая база проводимого исследования	28
Глава 2. Тематический состав и этнокультурное содержание вологодских народных благопожеланий	31
§ 1. Классификация прагматических ситуаций в деревенской жизни.....	31
§ 2. Благопожелания в сфере сельскохозяйственных работ.....	33
1. Благопожелания при полевых работах	34
2. Благопожелания при огородных работах	39
3. Благопожелания при сенокошении.....	46
§ 3. Благопожелания в сфере животноводства	52
1. Благопожелания при доении коровы	52
2. Благопожелания при стрижке овцы.....	67
3. Благопожелания при забое домашнего животного	71
§ 4. Благопожелания в сфере промыслов и ремёсел	76
1. Благопожелания при ткачестве	76
2. Благопожелания при кладке печи	83
3. Благопожелания при рыболовстве	92
§ 5. Благопожелания в сфере приготовления пищи.....	97
1. Благопожелания при приготовлении теста	97
2. Благопожелания при сбивании масла.....	103
3. Благопожелания в ситуации приготовления пива.....	110

§ 6. Благопожелания в сфере бытовых действий и процессов	114
1. Благопожелания при черпании воды из источника	114
2. Благопожелания при стирке и полоскании белья	125
3. Благопожелания при мытье избы	135
§ 7. Благопожелания в сфере физиологических действий человека	136
1. Благопожелания при чихании	137
2. Благопожелания при зевании	141
3. Благопожелания при борьбе с педикулёзом	145
§ 8. Благопожелания в ситуации дороги	150
Глава 3. Особенности функционирования благопожеланий в диалектном дискурсе	160
§ 1. Благопожелания как средство выражения оптативности в вологодских говорах	160
§ 2. Фоносемантические явления в кругу благопожеланий	163
§ 3. Риторические приёмы организации благопожеланий	169
§ 4. Процессы символизации ключевых слов в благопожеланиях	171
§ 5. Функции благопожеланий в диалектном дискурсе	179
Заключение	185
Литература	188
Словари	203
Принятые сокращения	206
Приложения	
1. Вопросник для сбора материала по народному речевому этикету	208
2. Вопросник, заполненный информантом К.И. Шамониной	211
3. Образец текста для наблюдений над средствами выражения оптативности в вологодских диалектах	215

ПРЕДИСЛОВИЕ

Внимание к особенностям коммуникативного поведения разных народов в последние десятилетия заметно усилилось [Балакай 2001, 2004, 2007; Басангова 2001; Газизов 2011; Гури 2007; Ларина 2009, Палкин 2011; Сергеева 2008; Стернин 1996; Сусов 2006; Шатилова 2009 и мн. др.]. В связи с осознанием важности изучения языка как функционирующей системы в отечественном языкознании оформилась отдельная отрасль науки – коммуникативная диалектология [Гольдин 1997]. В центре этой отрасли лингвистики стоят проблемы коммуникации в условиях территориального варьирования русского языка.

Одной из важных сфер, составляющих объект коммуникативной диалектологии, является сфера речевого этикета, которая изучается в последнее время особенно продуктивно. В этом направлении заметны исследования Е.А. Вьюгиной [Вьюгина 2009], В.Н. Гришановой [Гришанова 1998], И.Л. Желновой [Желнова 2010], И.В. Козельской [Козельская 2004], А.В. Кореневой [Коренева 2009], В.В. Плешаковой [Плешакова 1997, 2000, 2006, 2008], Г.Ф. Свиридовой [Свиридова 1997], О.А. Черепановой [Черепанова 1995], В.Н. Шемаровой [Шемарова 2004] и др. Целый ряд публикаций осуществлён и автором данной монографии [Зорина 1992–2012].

Однако подлинно народный, сложившийся в русской крестьянской среде речевой этикет всё ещё изучен недостаточно. Представляется, что работа, проведённая нами над составлением Словаря вологодских говоров [СВГ], а также многолетние личные наблюдения над реализацией категории вежливости в русских диалектах позволяют комплексно описать специфичный в этнокультурном отношении материал по этикетным выражениям, произносимым в различных коммуникативных ситуациях.

Под *этикетом* понимается составная часть культуры общества, которая выражается в детально разработанных правилах поведения, организующих жизнь этого общества [СЭТ]. Соответственно *речевой этикет* – это совокупность стереотипных вербальных единиц, используемых для проявления доброжелательного отношения к собеседнику в различных ситуациях общения [СЭТ]. Особые системы речевого этикета составляют военный, дипломатический, салонный, мещанский, купеческий, крестьянский, право-

славный этикет и т.д. Определённо разграничиваются общенародные (*Здравствуй/те! Спасибо!*) и диалектные (*Спорынья в квашню!*) средства речевого этикета.

Народный речевой этикет представляет собой динамическую систему, весьма устойчивую, но трансформирующуюся, изменяющуюся во времени и пространстве [Балакай 2007; Зорина 1995]. Этикетные обороты речи обычно отражают традиционно сложившийся архаический пласт народной культуры, состоящий из многочисленных разновременных элементов. Многие диалектные единицы речевого этикета входят в пассивный словарный запас носителей диалекта, что создает определённые трудности в их выявлении и регистрации.

В картотеке, составленной в ходе нашей работы над Словарем вологодских говоров и дополненной фактами личных полевых наблюдений, представлено весьма значительное количество ещё не изученных, но значимых во многих отношениях специфичных этикетных формул. Словарями русского литературного языка такие единицы не фиксируются, ибо они относятся не к сфере общенародного этикета, а к сфере этикета простонародного, крестьянского, функционирующего на локально ограниченной территории. В обстоятельном Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакай, содержащем 6000 этикетных единиц, некоторые из анализируемых нами благопожеланий либо не регистрируются вообще, либо приведены со ссылкой только на региональные словари и материалы [СРРЭ 2001].

В данной монографии предпринимается попытка произвести комплексный анализ обнаруженного нами в говорах Вологодской области уникального корпуса диалектных благопожеланий. В процессе анализа благопожеланий внимание уделяется их семантике, символическим значениям, структурной организации и особенностям употребления в процессе коммуникации. Ввиду специфичности исследуемого материала считаем необходимым сопроводить его описание некоторыми иллюстрациями, выполненными художником А.Н. Рябковым.

Осуществляемое нами исследование диалектных этикетных выражений пополнит, как можно надеяться, представления о культуре местного населения и особенностях реализации в его жизни коммуникативной категории вежливости.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЛОГОДСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

Круг вопросов, возникающих при анализе диалектных благопожеланий, весьма широк. Каков репертуар этих единиц? Каков их статус? Есть ли в этой массе фактов некая упорядоченность, системность? Функционирует ли система выявленных фактов на синхронном уровне или они доступны наблюдению только в диахроническом плане? Что влияет на степень сохранности единиц системы? Что из описываемого материала непременно должно быть сохранено в исторической памяти нации? Попытка приблизиться к решению некоторых из этих вопросов составляет основу проводимого нами исследования.

§ 1. Средства выражения оптативности в русском языке и его диалектах

Рассмотрение особенностей диалектных благопожеланий [Зорина 2011а; Зорина 2011б; Зорина 2011в и др.] неизбежно выводит исследователя на проблемы функциональной лингвистики, в частности – на проблематику изучения желательной модальности, или оптативности.

Термин *оптатив* (и отсюда – *оптативность*) происходит от латинского прилагательного *optativus* со значением ‘желательный’. В латинском языке *modus optativus* – это желательное наклонение глагола [Дворецкий 1986: 540], унаследованное от индоевропейского праязыка и имеющее соответствующее морфологическое средство выражения – суффикс *-i-*. В «Лингвистическом словаре» Марио А. Пэй и Фрэнк Гейнор дали такую дефиницию термину: «Оптативное наклонение – это наклонение глагола, существующее как определённое, независимое наклонение в некоторых языках, используемое для выражения желания или пожелания. В других языках это наклонение было поглощено или поглощается субжонктивом или императивом» (перевод наш. – Л.З.) [DL 1954: 154–

156]. Широко используемый в российской практике «Лингвистический энциклопедический словарь» не содержит специальной словарной статьи, раскрывающей суть этого термина, однако использует его в общей статье, посвящённой грамматической категории наклонения, а также в статьях относительно грамматики отдельных языков (например, иллирийского) и групп языков (индейских атапаскских и др.) [ЛЭС 1990: 51, 172, 321]. Известно, что в индоевропейских языках (таких, как французский, немецкий) в процессе их исторического развития возрастает степень сходства оптатива и императива – вплоть до полного совпадения их в современном английском языке (ср. аналогичные совпадения этих форм и в русском языке). В этих языках наблюдаются различные стадии объединения императива и оптатива в единое волитивное «макронаклонение» [Теория 1990; Корди 2009].

Семантико-грамматическое поле оптативности в русском языке обстоятельно охарактеризовано в коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность» под редакцией А.В. Бондарко [Теория 1990]. Е.Е. Корди, автор соответствующего раздела этой монографии, рассматривает оптативность и оптативное значение по формальным, главным образом синтаксическим, признакам [Теория 1990: 170–185]. При этом конструкции со значением оптативности включаются – наряду с императивными – в волеизъявительные по цели высказывания предложения [Теория 1990: 171–172].

По своей семантике оптативные высказывания в русском языке образуют, судя по обобщённому изложению наблюдений над средствами выражения оптативности [Теория 1990: 176], четыре группы. Они могут выражать собственно желание (*Я бы сейчас чаю выпил*); желание, сопряжённое с побуждением (*Чтобы всё было сделано!*); неосуществимое желание, обращенное к прошлому (*Мне бы снять её тогда со стены*); желание, сопряжённое с указанием условия, цели, сравнения (*Пусть не работает, лишь бы глаза не мозолил*). Внутри перечисленных типов семантики желания выделяются ещё некоторые подтипы [Теория 1990: 176].

Функциональный подход к изучению русского языка активно распространяется в последние годы и на его диалекты. Исследования проводятся в основном на базе региональных словарей. Так, Е.В. Волгина, изучавшая материалы «Словаря русских говоров

на территории Республики Мордовии», посвятила свою работу семантико-синтаксическому описанию императива [Волгина 2011]. Автору удалось описать систему форм императива, способы образования этих форм, многообразие оттенков значения (семантика приказа, требования, совета, пожелания и др.), уделить внимание прохибитивным формам диалектного императива и отметить отсутствие в говорах форм с превентивным значением [Волгина 2011: 153–165]. Т.В. Парменова рассмотрела как цельный текст материалы Словаря вологодских говоров и выделила зафиксированные в нём разные типы желательной модальности [Парменова 2009]. Это ирреальное желательное действие, реализация которого невозможна (*В колодце вода чистая, только бы пить, да не пролезть туда*), ирреальное желание, отнесённое в план будущего (*Мне бы смячка найти, я бы на иной год посягла*), ирреальная необходимость пожелания и предсказание нежелательных последствий в будущем (*Дождя-то наде бы, вон как вся земля исштелялась, ничего не нарастёт*), целевые отношения, связанные с нереализованным и желательным или нежелательным действием (*Каболки наматаем на лапти, чтоб не катило под угоры*) [Парменова 2009: 11–12]. Оценивая тексты-иллюстрации в анализируемом ею словаре, Т.В. Парменова закономерно пришла к мысли, что «развитие модальных отношений, смена и взаимодействие модальных планов могут быть исследованы только в более широких контекстах» [Парменова 2009: 6]. С этим выводом нельзя не согласиться, ибо изолированные цитаты-иллюстрации в словарях весьма лаконичны, картина, создаваемая ими, чрезвычайно мозаична. В этом отношении более пригодны связные текстовые материалы, записанные от диалектоносителей в полевых условиях. Нам повезло иметь в своём распоряжении такие обширные записи связной речи. В 2011 г. они составили корпус записей на цифровых носителях общим объёмом звучания 27, а в 2012 г. – 36 часов. В перспективе материалы такого рода должны быть всесторонне изучены для полного и детального описания грамматической категории оптативности в русских диалектах.

Производным от значения *желания*, однако более сложным по сравнению с ним является значение *пожелания* [Теория 1990: 181]. В поле оптативности данное значение занимает периферийное положение [Теория 1990: 176, 181]. Пожелание – это «адресованное

слушающему изъявление желания добра, здоровья и т.п., причём слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации» [Теория 1990: 181]. Значение пожелания (здоровья и т.п.), пишут авторы упомянутой ранее монографии [Теория 1990], и именно это имеет для нас особое значение, может выражаться не только грамматическими, но и лексическими средствами.

Семантическую сферу *пожеланий* в русском языке составляют *благопожелания* и *негативные, антиэтикетные пожелания*. На протяжении последних десятилетий термин *благопожелание* активно употребляется фольклористами, лингвистами, этнологами и др. В обобщённом виде под благопожеланием понимается «принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание добра одним лицом в адрес другого лица» [Агапкина, Виноградова 1994: 186] или, что в принципе то же самое, «высказывание с коммуникативным заданием пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес» [Плешакова 2008: 355]. Чаще всего пожелание относится к тому, что от человека прямо не зависит (счастье, здоровье, долголетие) [Теория 1990: 185]. Активизация интереса к изучению благопожеланий в русском языке и его диалектах весьма заметна в последние годы [Балакай 2007; Зорина 2010–2012; Паликова 2010 и мн. др.].

Использование термина *благопожелание*, отсутствующего в большинстве нормативных словарей русского языка, но, тем не менее, широко используемого в работах по коммуникативной лингвистике, успешно обосновано Н.И. Формановской [Формановская 2011: 69–77]. Её программная статья выводит исследователей на уровень восприятия благопожеланий как концепта в основе речевого этикета [Формановская 2011: 73]. Указанное обстоятельство послужит, по-видимому, значительному ускорению в изучении системы фактов, обозначаемых термином *благопожелания*.

Специалисты полагают, что благопожелания у разных народов восходят к языческим обрядам призывания удачи, успеха [Басангова 2007; Гури 2007 и др.]. В основе употребления русских диалектных благопожеланий также лежит вера в могучую силу слова, вера, которая существует с древних, дохристианских времен.

§ 2. Особенности благопожеланий как лингвистического феномена

Вологодские диалектные благопожелания представлены многочисленными формулами, неизвестными литературному языку. Составленная нами картотека состоит из пятисот диалектных стереотипных формул, зафиксированных в экспедиционных условиях с 1981 по 2011 г. Картотека фиксаций включает в себя примерно 10 000 контекстов, причём значительную часть их составляют не минимально информативные словарные иллюстрации, а достаточно содержательные, записанные от наших информантов сюжеты.

В словарях русского литературного языка перечисленные выражения не представлены, ибо они относятся не к сфере общенародного этикета, а к сфере этикета простонародной, крестьянской жизни на локально ограниченной территории. Можно поэтому полагать, что выявленные благопожелания составляют определённую часть диалектных фразеологических средств.

Формулы не могут не привлечь к себе внимания ярким своеобразием и особым деревенским колоритом: *Пух под ножницы!* – пожелание тому, кто стрижёт овцу; *Сто локот на пришивицу!* – пожелание успеха женщине за ткацким станком; *Путём-дорогой!* – пожелание отправляющемуся в путь; *Жар в баньку!* – пожелание тому, кто направляется в баню; *Хлеб на́ под!* – тому, кто печёт хлеб; *Мо́ре под кормилицей!* – тому, кто доит корову; *Мы́ло в ко́рыто!* – тому, кто стирает бельё; *Ле́беди на б́ук!* – тому, кто полощет бельё; *Рыб на лóвлю!* – тому, кто идёт на рыбалку; *Ре́на са́лю!* – тому, кто режет домашнее животное на мясо и др.

Спектр прагматических ситуаций, порождающих существование в говорах специальных формул, весьма широк. Он простирается от неотложных каждодневных и доступных для визуального наблюдения видов деятельности – полевые (*Дежень да каша!*), огородные (*Картовница с оглоблю, картошка с колесо!*) работы, сенокосение (*Ведро на грабли!*) и др. – до таких сугубо бытовых, физиологических действий, как зевание (*Малина в рот!*), чихание (*Спица в нос!*) или (вот уж действительно, ничто человеческое нам не чуждо!) процедура борьбы человека с паразитирующими на нём насекомыми (*Конь на́ уши!*).

Таковыми формулами в речевом общении деревенских коммуникантов, зачастую малограмотных или совсем неграмотных людей, много познавших в жизни и испытавших немалые лишения, тем не менее выражается их особенная учтивость, отменная вежливость, крайне необходимые в условиях тесного контакта людей в простонародной деревенской жизни. Зафиксированные формулы отличаются повторяемостью, устойчивостью, стереотипностью. В русском литературном языке аналогичные формулы находятся на периферии способов выражения значения оптатива [Теория: 181], но в диалектах, по нашим наблюдениям, именно лексико-фразеологические средства составляют если не ядро, то важный разряд средств выражения оптативности.

Многие благопожелания суть единицы фразеологические. Однако фразеологичность их, как подмечено исследователями, особого рода. Одни авторы их совокупность называют полуфразеологией [Толстой 1995: 24–25], другие – особыми единицами незамкнутой структуры [Пермяков 1979]. Анализируемые формулы, с одной стороны, примыкают к фактам междометного характера (ср.: *Привет!*, *Пока!*), с другой стороны – близки к феномену, который именуется текстом [Агапкина, Виноградова 1994].

Лексико-грамматические разряды фразеологизмов в русском языке различны. На основании совокупности трёх параметров (общности значения, наличия одинакового набора грамматических категорий и однотипных отношений со словами в предложении) А.И. Молотков [Молотков 1985] выделяет шесть таких разрядов: именные, адъективные, адverbиальные, глагольные, глагольно-пропозициональные и междометные фразеологизмы [Кобелева 2007: 36]. При такой классификации ряд совокупностей единиц попадает в число «исключений». Именно в этом ряду оказываются, по-видимому, и так называемые модальные фразеологизмы, т.е. фразеологические единицы, выражающие различные волеизъявления говорящего: уверенность / неуверенность, желательность / нежелательность, пожелание говорящего кому-либо, обращение с просьбой к кому-либо и др. [Кобелева 2007: 95–96].

Модальные фразеологизмы являются неизменяемыми единицами. Они в большинстве своём лишены синтаксических связей со словами, употребляются «синтаксически независимо как структурно организованное единое целое», но могут иметь синтаксическое

распространение личными (реже – притяжательными) местоимениями, указывающими на того, кому то или иное пожелание адресовано [Кобелева 2007: 96].

Функционирующие в настоящее время благопожелания имеют яркий образный характер, создаваемый использованием таких средств художественной выразительности, как метафора, метонимия, сравнение, амплификация, антитеза, синтаксический параллелизм и проч., нередко характеризуются ритмизованностью и звукоизобразительностью.

Перечисленные свойства анализируемых формул подчёркивают их генетическую связь с устным народным творчеством. В истоках многих благопожелательных формул лежат сказочные сюжеты (*Серебрó в ведрó!* – при черпании воды), старинные колядные песнопения (*В закрóмах спорынья!* – при уборке зерновых культур), архаические ритуальные фразы (*Гусни, хрясни, дай Бог масла!*), пословицы и поговорки русского народа (*Не красна изба углами!* – при замешивании теста) и др. Такая связь является, как нам представляется, двусторонней, обоюдонаправленной. Это означает, что реально существующие этикетные фразы могут включаться в крупные формы разных жанров, а фразы из текстов больших жанров могут прикрепляться к порождаемым жизнью конкретным прагматическим ситуациям.

Традиции использования благопожеланий и, через них, проявления этикетного, уважительного отношения к собеседнику в Вологодском крае живы и по сей день. В этом нас убедили летние диалектологические экспедиции 2011 и 2012 гг., продемонстрировавшие, что речь старших диалектоносителей бывает буквально пронизана не зафиксированными в нормативных словарях благопожеланиями [Зорина 2011д, Зорина 2012г]. Однако они всплывают в памяти и используются в речи наших старших современников отнюдь не как единицы фольклорного жанра, а как лексико-фразеологические единицы современного речевого взаимодействия.

§ 3. Картотека Словаря вологодских говоров как база исследования диалектных благопожеланий

XX век ознаменовался созданием большого количества региональных словарей русского языка. Среди них определённое место занимает Словарь вологодских говоров (далее сокращённо – СВГ). В настоящее время он существует в виде двенадцати отдельных выпусков, изданных диалектологами Вологодского государственного педагогического университета под редакцией Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной. Объём изданных материалов занимает около 160 учетно-издательских листов. Общее количество опубликованных словарных статей составляет, по подсчётам студентки М.Н. Кряжевой [Кряжева], свыше двадцати шести тысяч.

Как научное предприятие этот словарь задумывался в 60-е гг. прошлого века, когда во многих регионах страны, вслед за появлением «Проекта словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина [Филин 1961], развернулась активная собирательская работа, нацеленная на изучение диалектной лексики. Говоры Вологодской области и прежде были предметом лексикографического описания [Дилакторский 2006]. Но имевшиеся ранее материалы не привлекались в качестве возможных источников Словаря вологодских говоров. Этот словарь базируется на обширной картотеке, составленной по записям живой народной речи населения Вологодского края. Наблюдения проводились на территории распространения говоров Вологодской группы севернорусского наречия – в центральных и восточных районах Вологодской области, а также в Вельском районе Архангельской области.

В диалектологической работе по изучению местной лексики были заняты многие преподаватели и студенты Вологодского государственного педагогического университета. Для составления картотеки Словаря были обследованы говоры свыше 500 населённых пунктов. В некоторых из них работа диалектологами ведётся в течение ряда лет и даже десятилетий. Такие деревни и сёла стали опорными пунктами в диалектологических исследованиях (д. Камешник Шекснинского района, д. Наволок Кичменгско-Городецкого района, д. Монастырская Сямженского района, д. Борбушино Кирилловского района и др.). Существенное пополнение материа-

лов для Словаря дали беседы с проживающими в Вологде лингвистически одарёнными информантами-билингвами. Контакты, возникавшие в процессе совместной работы с ними, содействовали получению достоверной информации относительно бытования в говорах тех или иных слов и выражений.

Словарь вологодских говоров является словарем дифференциального типа, т.е. включает в себя только диалектные, местные слова, не регистрируемые словарями литературного языка. Первые и весьма обширные записи для Словаря вологодских говоров были сделаны в 1960-е гг. в беседах с информантами, родившимися ещё в конце XIX в. и унаследовавшими традиционный строй народной речи. Современная жизнь, как видим, полна необратимых процессов, при которых традиционные формы языка и культуры испытывают нивелирующее воздействие разнообразных факторов. Помимо закономерного влияния литературного языка, это индустриализация экономики и стимулируемая ею урбанизация, депопуляция обширных сельских территорий, воздействие современных форм массовой культуры и проч. В силу этих факторов значение Словаря вологодских говоров как собрания местных, в том числе и архаичных слов, в настоящее время возрастает особенно. Словарь по своей сути становится памятником уходящей в прошлое северной деревне.

У Словаря вологодских говоров непростая судьба. Инициатором подготовки Словаря вологодских говоров была Татьяна Георгиевна Паникаровская. Ученица московского профессора П.Я. Черных, она после окончания аспирантуры по распределению оказалась в Вологде и не могла не обратить внимания на своеобразие местной речи. Поэтому вскоре, примерно с 1962/1963 уч. г., под её руководством началась активная работа по изучению лексики вологодских говоров. До этого времени диалектологическая работа на кафедре русского языка ВГПИ велась преимущественно по Программе собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка. Лексические вопросы в ней составляли совсем малую часть.

Постепенно на кафедре русского языка ВГПИ (с 1995 г. – ВГПУ) сформировалась богатая словарная картотека. К обработке её материалов и написанию словарных статей приступил большой коллектив вологодских диалектологов. В эту работу включились

Т.Г. Паникаровская и Л.Ю. Зорина, а впоследствии – Г.А. Дружинина, А.П. Ларионова, Р.Ф. Богачёва; Т.В. Парменова, Е.П. Андреева; Е.Н. Шаброва, Т.Г. Овсянникова; Е.Н. Варникова, С.Н. Ипатова; Л.Г. Яцкевич, С.Б. Виноградова, Н.В. Комлева, Е.Н. Иванова.

Подготовленные авторами словарные статьи обсуждались на заседаниях словарного коллектива. Это позволяло учитывать познания диалектологов в отдельных сферах крестьянской жизни (строительство, рыболовство, растениеводство, молочное животноводство и т.д.), а также корректировать подачу материалов с учётом мнения специалистов в разных отраслях лингвистической науки – диалектологов, историков языка, лексикологов, специалистов по морфемике и словообразованию.

В Словаре обнаруживаются, в чём убеждает сравнение со сводным академическим Словарём русских народных говоров, слова, вообще отсутствующие в говорах других территорий: *друзьба* ‘изба соседа’, *кóкорзни* ‘вид санок’, *мóрозгом* ‘беспорядочно’, *навесёлка* – ‘закваска’, *óклажий* ‘осанка’, *навторитель* ‘вторично’, *навоздыряться* ‘проработать до усталости’, *наглядёнок* ‘миловидный человек’, *нагрúдить* ‘развести костер’ и многие, многие другие. Ряд лексем отличается от соответствующих зафиксированных этим словарём слов своим значением: *зáборова* ‘перегородка в жилище’; *жýчка* ‘кольцо из проволоки, вставленное свиные в губу, чтобы животное не рыло землю’, и др. По-видимому, подобные слова узкого ареала и создают в области лексики специфику вологодских народных говоров.

В корпусе словаря обращает на себя внимание наличие особых диалектных корневых гнезд: *-гой-* (*гóить, вьгóить, гóиться, гóйный, загóиться, нагóить, угóивать, угóить, угóиться, угóйка*), *-дор-* (*дор, дорина, доринка, дорить, надорить*), *-муск-/муст-/муц-* (*сомускáть, сомúскивать, сомустить, сомуститься, сомущáть, сомущéница*), *-патр-* (*пáтрать, запатрáнка, запатрáть, запатрáться, запатрáшка, запатру́ля, запаты́рь, запаты́ря, патрáк, патрапу́ча, патрáшество, патрáшить, патрáшник, упáтрать, упáтраться*), *-роб-* (*рóбить, дорóбить, дорóбки, зарóбить, зарóбливый, порóбить*), *-шам-* (*шам, шамина, шаминка, шаминка, шаминочка, шамить, шáмный, шамовито, шамовитый, шамók*) и мн. др. Вершиной таких гнезд могут быть как вышеприведённые собственно диалектные корни слов, так и корни слов, известные

литературному языку: *-зов/-зывает-* (*на́звище, на́зoв, на́зoва, на́зoвыи, нíзoвь, на́зoвьe, на́зoв*) и др.

Диалектная лексика говоров Вологодской группы разнопланова в тематическом отношении. Представлены названия предметов местной одежды (*шубенка, шубник, шугай* – ‘полушубок’; *шубенка, шубня, шубница* – ‘рукавица из овчины’); наименования обуви (*наголёшки* ‘род чулок, закрывающих ногу от щиколотки до колена’, *кiтанки* ‘валенки’, *у́леди* ‘кожаная обувь пахаря, косца с завязками из верёвки’, *у́паки* ‘мягкие сапоги с завязками’, *чiрки* ‘кустарная женская кожаная обувь до щиколотки’, *чiбики* ‘полусапожки’, *чупакi* ‘валенки’, *чу́шны* ‘обувь в виде мягких туфель без каблука’, *шiптаники* ‘стоптанные, разношенные валенки’); наименования блюд народной кухни (*моркoвница* ‘запеканка из моркови’, *мурцoвка* ‘похлёбка из воды с хлебом, луком и толокном’, *толокoнник, толокняник* ‘пирог с начинкой из толокна’, *толкyша* ‘кушанье из толчёного варёного картофеля’, *толкyшка* ‘кушанье из толокна, залитого простоквашей’, *толстiя каша* ‘густая каша из ржаной муки’); наименования местных выпечных изделий (*намятыш, троежiтник, шумiрник, шiньга, ягодник*); названия природных явлений (*чiреп* ‘наст’, *черностoп* ‘осенние холода без снега’, *шyльгi, шурi, шух, шухi* – ‘мелкий лед во время ледостава’); названия растений (*журавiна* ‘клюква’, *убoрница* ‘клевер шуршащий’, *у́зик* ‘тысячелистник обыкновенный’, *ягель, ягeльe* ‘травянистое растение с дудчатым стеблем’, *ядoвник* ‘жимолюсть’), наименования действий человека (*басiться, гoбить, нагуздiться, надодoниться, насопeться, урoбиться, шпiрнуться, шпoкнуть, шугoвать*); глаголы, характеризующие речевую деятельность человека (*трeкать, щeкарить, щeкiтить, щeковiть, щeкoлдать, щeкчiть, щeктiть, щелковiнить*); наименования качеств человека (*просу́жий* ‘положительный, хороший’, *уворoтливый* ‘ловкий’, *угу́зливый* ‘скромный’, *шебу́тнoй* ‘беспокойный’) и мн. др.

В Словаре вологодских говоров разнообразны многочисленные наименования человека. Это лексемы *угiра* ‘смелый человек’, *шiбанник* ‘хулиган’, *шiня* ‘медлительный человек’, *шпандёр, шумeра, ягiрка, ягiбаба, ягiшна, ягшiна* ‘грубая, невоспитанная женщина’, *яxонька* ‘человек, демонстративно выставляющий себя на первый план’, *язы́чник* ‘человек, чуждающийся физической ра-

боты,' *ярко* – 'вспыльчивый человек' и мн. др. Словарь, следовательно, может быть полезным источником для исследований в русле антропоцентрической лингвистики.

Отмечены многочисленные факты вариантности слов: акцентной (*тjорик*, *тjорiк*; *тjоронный*, *торопный*, *торопной*; *хлѣбина*, *хлѣйна*), фонематической (*музгiрь*, *музгырь*; *студенo*, *стуженo*; *шiшебaр*, *шiшебoр*), морфемной (*шiшiлять*, *шiшлiть*), грамматической (*девчoшка* и *девчoшко*, *шiшебaр* и *шiшебaра*). Многочисленные подобные факты интересуют тех исследователей, кто работает в рамках современной диалектной вариалогии. Случаи трудноопределяемого морфемного состава (*шиварѣшка* 'головастик', *шiндрять* 'бродить без дела, слоняться' и др.) будут интересны специалистам по диалектной морфемике.

Обращает на себя внимание наличие в Словаре многозначных лексем: *сoгра*, *ядрѣный* – по 12 значений, *слaвница*, *стaвчик* – по 10 значений, *простой*, *ярый* – по 9, *спрaвить*, *стaвец* – по 8 значений, *стицa* – 7, *друзoзьба* – 6 значений. Многие другие слова также демонстрируют развитую систему семантических переходов и оттенков. Полисемия, как известно, свойство развитой лексико-семантической системы. Многозначность слов в диалектах доказывает способность населения к обобщѣнному видению явлений окружающей действительности.

Нередки в Словаре вологодских говоров и случаи диалектной омонимии: *стан* – 3 омонима, *станoк* – 3, *становiна* – 2, *стyпа* – 2, *тaлина* – 2, *ярушка* – 2 и т.д. Материалы Словаря показывают богатство в говорах и грамматической омонимии: так, например, лексема *тoко* выступает в роли наречия, частицы, функционирует и в качестве союза; лексема *дак* – в роли союза и частицы и т.д.

Чрезвычайно богатым выглядит в вологодских говорах класс диалектных наречий: *дѣнно* 'днѣм', *дивья* 'хорошо', *доутyры* 'досыта', *доуморшa* 'очень сильно (о заразительном смехе)', *друзoмья* 'вторично', *запроход* 'всегда', *кoйднись* 'недавно', *наблагoе* 'назло', *навѣрсы* 'верхом', *наверхосытку* 'в завершение приѣма пищи', *надѣино* 'надѣжно', *наoпако* 'наоборот', *напрoтаку* 'необдуманно', *стамикoм* 'вертикально' и др. Они отличаются вариативностью (*тaмо*, *тaмой*, *тaмока*, *тaмось*, *тaмотка*; *товдѣ*, *товдѣсь*, *товдѣся*; *тогoдни*, *тогoднись*), развивают многозначность (*тoленько* 'очень', 'много', 'слишком', 'тяжело', 'мучитель-

но'), вступают в синонимические отношения (*товды* – *тогда́лча* – *тожнó* – *то́ли*).

Лингвогеографов и специалистов по семантике заинтересуют отразившиеся в Словаре многочисленные дублетно-синонимические ряды слов: *дво́рник*, *дожива́ло*, *дамовёнок*, *домови́к*, *домовичо́к*, *домовни́к*, *домовщи́к*, *домозо́р*, *домора́д*, *живо́тник*, *завлада́й*, *прима́ки*, *приёмыш*, *подшестóчник* и др. 'мужчина, перешедший на жительство в дом жены'; *зару́ба*, *заугдльник*, *нагу́лыш*, *найдёныш*, *приу́лыш*, *приколóтыш*, *приколóток*, *по́йш* и др. 'незаконнорождённый ребёнок'; *сувёя*, *сугрёбок*, *сузём*, *суло́й*, *сумёт* 'сугроб'; *су́шка*, *су́щик*, *суц*, *суцёц*, *суцóвка* 'сушёная рыба'; *суха́рник*, *сухосто́й*, *сухосто́йник*, *сухосто́ина*, *су́ша*, *суши́на*, *сушини́к*, *сушь* 'высохшие на корню деревья'; *шульга́*, *шурá*, *шух*, *шухá* 'мелкий рыхлый лёд, идущий перед ледоставом или во время весеннего ледохода'.

Серьёзное отношение населения к труду, а также привычность, необходимость его показывает множество экспрессивных глаголов со значением 'устать, утомиться, выполняя тяжелую физическую работу': *убу́хаться*, *увóйкаться*, *увóшкаться*, *угрóбиться*, *уебрéнькаться*, *узды́каться*, *уколоти́ться*, *ула́диться*, *уломáться*, *умаря́хиться*, *умя́каться*, *упантовáться*, *уплиста́ться*, *упу́чкаться*, *устару́хаться*, *устóсаться*, *утигóститься*, *уто́ркаться*, *уторóпаться*, *утря́скаться*, *утю́каться* и мн., мн. др. Подобные материалы в их единстве с архангельскими, карельскими, вятскими, костромскими, ярославскими фактами позволят установить ареалы бытования русских слов и, кроме того, дадут надёжные свидетельства генетической связи некоторых говоров позднего образования с их материнской основой.

Представленные в Словаре материалы позволяют судить о времени появления в русском языке тех или иных слов. Так, к эпохе общеславянского языкового единства относятся слова *ба́ять*, *го́ить*, *чу́ять*. Многие словарные статьи в Словаре вологодских говоров демонстрируют глубокую архаику севернорусских говоров, проявляющуюся в сохранении старинных славянских слов: *наде́я* 'надежда', *точея́* 'ткачиха', *то́ча* 'процесс тканья; продукт ткачества', *трепея́* 'женщина, занятая трепанием льна', *мытея́* 'женщина, которая моет что-либо', *мо́ча* 'процесс мытья' и т.д.

Можно выделить слой субстратной лексики, восходящей к финно-угорским языкам, а также слова, заимствованные из этих

языков: *лы́ва* 'низменное сырое место', *мо́рда* 'ловушка для рыбы', *мя́нда* 'сосна с неплотной рыхлой древесиной', *ко́нда* 'сосна с плотной древесиной', *ряму́га* 'тряпка', *согра́* 'болотистое место, поросшее лесом', *та́йбола* 'глухой, труднопроходимый лес', *улу́к* 'палка, которой взбивают шерсть', *у́нак* 'старый валенок с отрезанным голенищем', *урёма* 'дремучий лес, чаща', *вы́рець*, *уре́ць* 'ящик для выращивания рассады', *са́рга*, *ша́рга* 'металлическая полоска, скрепляющая полотно косы с деревянной ручкой', и др.

Народная речь, как известно, отличается повышенной экспрессией и эмоциональностью. В составе обработанных материалов наблюдается большое количество эмоционально окрашенных слов: *безря́ха* 'неряха', *тощу́ха*, *трёкало*, *трепа́ч*, *трепа́чка*, *трепу́шка*, *трефи́ло*, *трёндище* 'болтливый человек', *хаба́ра* 'громкоголосый человек', *хайлу́н* 'неприветливый человек' и др. В этом материале можно выделить прилагательные, характеризующие внешность человека: *толстобри́лый*, *толстоголо́вый*, *толсторо́жий*, *толстоха́рий*, *толстопя́тый* и мн. др., которые активно выступают в качестве производящих для имён существительных: *толстобри́лик*, *толстоголо́вик*, *толстопу́зик* и т.д. Интерес представляют и такие сложные существительные, как *толстожи́р* 'богач', *толстоду́м* 'человек, медленно соображающий, тугодум'. Ряд наименований содержит положительную оценку внутренних качеств человека: *просу́жий* 'положительный по своим качествам, хороший', *тоде́льный* 'усердный, исполнительный, трудолюбивый', *торова́тый* 'ловкий, расторопный', 'весёлый', 'разговорчивый', 'гостеприимный'. От этих прилагательных также могут образовываться существительные со значением лица, например: *тоде́льница* 'рукодельница'.

В грамматическом отношении интересными будут зафиксированные Словарём целые лексико-морфологические разряды слов: адъективированные причастия *забыва́щий* 'забывчивый', *светя́щий* 'блестящий', *пиру́щий* ' устраиваемый с застольем (о празднике)', *гуля́щий* 'проходящий без застолья (о празднике)'; прилагательные, обозначающие малую степень проявления признака: *сала́* 'красноватый', *скоричня́* 'коричневатый', *ссерá* 'с сероватым оттенком' и др.

Материалы Словаря вологодских говоров могут заинтересовать специалистов в области аксиологии. Многочисленные факты Сло-

варя свидетельствуют о том, что языковая картина мира у жителей данной территории своеобразна. В этом отношении показательны, например, диалектные названия овцы. Крестьяне с присущей им скрупулёзностью обозначают отдельными наименованиями овцу вообще (*ягну́шка, ягу́шечка, ягу́шка, яру́шка, я́ра*); молодую овцу (*матёрка, я́рочка, яру́шка*); овцу, у которой вскоре будет приплод (*ягни́ца*); овцу, которая объягнчилась в первый раз (*я́рица*); ягнёнка (*ягнёнчик, ягнетко, ягнятко, ягнятíшко, ягушек*); маленькую овечку (*ягу́шка, ягну́шка, яру́шка, яру́шечка*); барана (*яру́н*), непослушную овцу (*яга́рма*) и др. Многочисленные наименования овец имеют в своей основе звукоподражательные ассоциации (*бáша, бя́ша, ча́га, ча́ка, чёга, чёка, чíга* и др.). Наименования овец по цвету шерсти (*серáвка*) оказываются менее актуальными ввиду того, что разные породы овец на северных территориях практически не разводились.

Составители Словаря убедились в том, что у жителей данной территории отмечается своеобразная фоносемантическая картина мира, отразившаяся в обилии местных звукоподражательных наименований (*фíпик, фу́пик, фы́пик* 'снегирь', *фíньгать* 'ныть, хныкать', *фу́ньгать* 'говорить гнусаво', *хамканье* 'кашель', *щекóлда* 'болтливый человек', *щекчítь* 'болтать' и др.) и подзывных слов (*тась-тась, тко-тко, тю-тю, тióти-тióти, тпрука́-тпрука́, тпруко́-тпруко́, тпру́ки-тпру́ки, тпруко́п-коп* и др.).

Зафиксированные словарные материалы показывают, что для народного сознания очень важным является обозначение различных состояний человека, жилища, природы. Для этого используются слова категории состояния, количество которых, как кажется, весьма значительно. Это такие слова, как *забédно* 'обидно', *за́рено* 'завидно', *мо́ркотно* 'тоскливо', *муковáто* 'тяжело', *наédко* 'сытно', *убóрно* 'о порядке в доме', *убрóдно* 'о большом количестве рыхлого снега', *удóбно* 'желательно', *уédно* 'сытно, не голодно', *улéжно* 'приятно, хорошо', *дивья́* 'хорошо, легко, просто' и мн. др.

Заметную часть материалов Словаря вологодских говоров составляют представленные в нём фразеологические единицы. Это такие устойчивые обороты речи, как *вй́йти с ло́жками на то́р* 'допустив какую-либо оплошность, оказаться в невыгодном или смешном положении', *тjóк о крjóк не стúкнет* 'о ленивом человеке', *тычь ты́чью* 'вплотную', *тjóком остáться* 'обессилеть', *ум отъéсть* 'о чем-либо очень вкусном' и др. Многочисленные и, как

представляется, информативные фразеологические единицы концентрируются вокруг жизненно важных понятий 'ум', 'хлеб', 'язык' и др.: *жить в разных хлебах* 'раздельно вести хозяйство', *хлеб-соль заёмные* 'о жизни в доме зятя', *идти на готовые хлеба* 'умирать', *не хлебы-колобы* 'о тяжелых жизненных условиях', *вымять шубный язык* 'освоить язык (о маленьком ребенке)', *как за язык подвешенный* 'о человек, который много говорит', *шерстяной язык* 'о способности предсказывать что-либо нехорошее'. Таким образом, диалектные фразеологические материалы вологодского дифференциального словаря рисуют выразительную картину, позволяющую судить о духовной и материальной жизни народа на данной территории и системе его ценностей.

Среди фразеологизмов особую группу составляют этикетные, благопожелательные выражения: *Хлеб на под!* – тому, кто печёт хлеб; *Море под кормилицей!* – тому, кто доит корову; *Мыло в корыто!* – тому, кто стирает бельё; *Лебеди на брук!* – тому, кто положит бельё; *Рыб на ловлю!* – тому, кто идёт на рыбалку; *Рёна сало!* – тому, кто режет скотину на мясо; *Пух под ножницы!* – тому, кто стрижёт овцу; *Масло желто да в крупиночку!* – тому, кто сбивает масло; *Сóли на язык!* 'тому, кто сквернословит', и мн. др. Значительное количество подобных благопожеланий в Словаре свидетельствует о соблюдении населением в процессе общения коммуникативного принципа вежливости.

Множество слов и фразеологических единиц в Словаре вологодских говоров (*другозьба, стáвец, стáвчик, стáн, становина, сряжаться, ярушник* и мн. др.) сопровождаются добротным иллюстративным материалом. Именно иллюстрации выгодно отличают этот словарь от многих других подобных источников. Покажем, как иллюстрируется, например, слово *ярушник* – 'выпечное изделие, в процессе приготовления которого на тонко раскатанную ржаную лепёшку кладётся начинка из ячневой крупы': *Сэдни ярушников одних напекла, да ешьте, тожьё скусныё, даром и без начинки.* (Межд. Стар.). *Наберём ярушников на сенокос да молока кувшин – вот и сыты.* (Тарн. Шиб.). Или слово *зывкать* – 'вскрикивать, произнося междометие «ой»': *Больно любит кот играть со старухой. Она сэдёт на кровать, а он и зацнёт баловать у её ногам – она только зывкаёт.* (Тарн. Ковриж.).

В Словаре содержатся и убедительные примеры того, как иллюстрируются фразеологические обороты. *Хлеб-соль заёмные (у кого где)* – ‘о жизни в чужом доме, в том числе в доме зятя’: *Надо ехать домой. Леонид мне никогда ничего кроме «мама» не ска- зал, да ведь всё равно тут у меня хлеб-соль заёмные* (К-Г. Навол.). Представленные цитаты дают полноценную информацию о реали- ях крестьянской жизни и традициях, связанных с использованием в крестьянской культуре как самих слов и фразеологических оборо- тов, так и обозначаемых ими предметов и понятий.

Уже проведенные наблюдения позволяют рассматривать воло- годские говоры как зеркало народной культуры, психологии и фи- лософии. Вологодские диалектологи видят в Словаре и его карто- теке неистощимый источник уникального материала по истории населения, устройству его быта, особенностям мировосприятия и миропонимания. Очевидно, что, помимо собственно лингвистиче- ской информации, записанные образцы народной речи позволяют исследователям судить о старинном быте населения, трудностях и лишениях крестьянской жизни, народной смекалке, мудрой иро- ничности людей. Многочисленные записанные фразы демонстри- руют особенности житейской педагогики, неистощимый юмор на- селения, позволяют наблюдать отражение в материалах словаря языкового сознания диалектоносителей и т.д. Поэтому Словарь вологодских говоров будет полезен не только лингвистам, но и специалистам самого широкого круга. Заинтересованный читатель получит из Словаря вологодских говоров и другую, не менее зна- чимую информацию, все аспекты которой трудно показать в этом материале.

Подготовка Словаря вологодских говоров проходила при суще- ственной поддержке научной и культурной общественности. На разных стадиях работы на создание Словаря откликнулись свои- ми отзывами многоуважаемые рецензенты, специалисты высокой квалификации: Ф.П. Сороколетов, Н.С. Ганцовская, И.А. Попов, Ф.Л. Скитова, Е.Н. Полякова, А.С. Герд, О.Е. Кармакова, Т.И. Вен- дина, Л.Я. Костючук и др.

Словарю вологодских говоров была присуждена первая в исто- рии Вологодской области Государственная премия по науке и тех- нике, учреждённая в 1998 г. Финансовую поддержку составителям словаря оказал Российский гуманитарный научный фонд (гранты

99-04-0017а, 03-04-0016а, 08-04-00-268а «Систематизация лексического фонда современных вологодских говоров»). Неоценимой при издании Словаря оказалась помощь Комитета по делам культуры, искусства и печати Администрации Вологодской области, личное содействие губернатора Вологодской области В.Е. Позгалёва, а также финансовая поддержка со стороны областной программы «Русский язык», координируемой профессором ВГПУ Г.В. Судаковым.

Высокой оценкой Словарю вологодских говоров является его использование в качестве источника лексического материала для уже созданных и подготавливаемых в настоящее время разноаспектных исследований, например: [Алексеенко 2004; Андреева 1983, 1997, 2000, 2008; Ганцовская 2008; Зорина 2000, 2004, 2006, 2007; Кобелева 2008; Кознева 2000; Колесова 2008; Михайлова 2008; Овсянникова 2004; Попов 2008; Попова 2008; Соколова 1996; Урманчеева 2002; Шаброва 2002, 2003, 2004, 2005, 2006; Яцкевич 2004, 2007, 2008 и мн. др.].

2008 г. был объявлен ЮНЕСКО годом исчезающих наречий и диалектов. Откликаясь на заботу мировой общественности, вологодские диалектологи активизировали свою деятельность и именно в этом году начали обработку нового диалектного материала, чтобы впоследствии влить его в корпус второго издания Словаря вологодских говоров. Планируемое издание будет, по-видимому, состоять из нескольких томов достаточно большого объёма, что делает его более удобным для читателей и исследователей. По предложению редколлегии академической серии «Памятники русского диалектного слова» (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований Российской академии наук) Словарь вологодских говоров будет опубликован именно в этой серии. Таким образом, работа над Словарём вологодских говоров продолжается и в настоящее время. В первом издании СВГ зафиксировано уже большое число этикетных формул, но готовящееся второе издание, судя по дополнениям в картотеку, включит в себя значительно большее количество таких единиц.

§ 4. Методы сбора диалектных благопожеланий и реконструкции их системы

Отметив уже основные черты исследуемых благопожеланий (см. с. 11–13), охарактеризуем далее историю их фиксации.

Формулы такого рода были впервые зафиксированы нами в живой народной речи в 1981 г. Две экспедиционные поездки того времени в деревню Плоская Кичменгско-Городецкого района Вологодской области оказались очень удачными. Участвовать в них вызвались многие сильные студенты, которые, кстати, впоследствии стали видными специалистами в области народного образования (М. Безнощенко, Е. Зайцева, Т. Мараква, Е. Серая, Т. Шишина и др.). Успеху работы способствовал установленный диалектологами контакт с населением нескольких компактно расположенных деревень. Именно тогда нам удалось зафиксировать первое, но пока ещё лишь единичное благопожелание в ситуации стирки, полоскания белья – *Бело мыть!* Но факт его фиксации был отнесён на счёт общей образности, выразительности речи конкретного информанта – Анны Ивановны Клочковой [Зорина 2008б: 213–217].

Первый выпуск Словаря вологодских говоров, опубликованный в 1983 г., материал такого рода ещё не регистрировал. Теперь уже трудно сказать, знала ли в то время о таких фактах в говорах Т.Г. Паникаровская, инициатор составления и редактор СВГ. А если знала, то не относила ли она эти выражения на счёт особенностей языка фольклора? Фольклорные материалы (пословицы, поговорки, фрагменты былин, сказок, частушки и др.) в СВГ не включались. Впоследствии – и это нам достоверно известно – Т.Г. Паникаровская благосклонно принимала информацию о единицах такого рода и, включая подобные выражения в СВГ, относила их к разряду фразеологизмов. Так, во втором выпуске СВГ уже была представлена ответная реплика на ту первую, зафиксированную нами ранее реплику-стимул – *Давай бело!* Эта реплика была ответом на приветствие «*Бело мыть!*», обращённое к женщине, которая полощет бельё: *Вот вы стираете на реке, ну вам говорят: «Бело мыть!» А отвечают: «Давай бело!»* (Сямж. Монаст.) [СВГ 2: 3]. Благопожелания записывались диалектологами обычно в широких, достаточно развёрнутых контекстах, ср.: *Я бы шла да сказала: «Бело мыть!», дак котóрая скажет: «Спасибо!», котóрая –*

«Давай белó!» [Картотека СВГ]. *Придѣшь к кому́ в дом, если хозяйка тѣсто замѣшивает, то и ска́жешь: «Спорынья в квашню!»* — чтобы у неё лучшие работалось. Ведь хорошее да доброе слово помогает в работе [СВГ 10: 183].

В 1983 г. в вологодских деревнях нам уже посчастливилось столкнуться с детализированной, строго регламентированной системой народного речевого этикета. Именно тогда состоялась наша весьма длительная диалектологическая экспедиция в деревни Режского сельсовета Сямженского района Вологодской области. Деревни этой местности стали опорными пунктами в наших диалектологических исследованиях — вплоть до экспедиционных поездок и тесных контактов с информантами, продолжающихся до настоящего времени.

В выбранном диалектологами для обследования Режском сельсовете многое отличалось своей архаичностью. Приличная дорога от г. Вологды до районного центра, села Сямжи, была проложена лишь в 70-е гг. XX в., а дорога в Режу, т.е. местность, расположенную по течению реки с таким названием (60 километров от райцентра), вообще стала приемлемой совсем недавно. До этого времени население деревень существовало практически в отрыве от цивилизации.

Особенности режского мироустройства были очень заметны как в области организации крестьянского жилища (изба с беструбной печью, например, там ещё сохранялась до недавних пор), так и в области бытового уклада и речевого поведения местных жителей. Важным в плане сохранения традиционного мироустройства обстоятельством оказался факт былого существования в этой местности Угоро-Режского Рождественского храма, поблизости от которого проживали священники, пользовавшиеся у населения чрезвычайно большим авторитетом и оказывавшие на местное население заметное воспитательное воздействие. Полагаем, что это обстоятельство могло способствовать интенсивному формированию в замкнутом коллективе и сохранению в процессе коммуникации его членов этикетных форм общения.

Существенным для диалектологов оказался и тот факт, что их постоянным информантом стал лингвистически одаренный человек — учительница-пенсионерка Клавдия Яковлевна Игнашева [Зорина 2010: 44–48]. Именно в беседах с ней был выявлен круг си-

гуаций, вызывающих к жизни употребление специфических этикетных выражений. Длительные наблюдения показали, что фиксировать местные этикетные выражения удаётся не всем и не всегда, и употребляются они далеко не повсеместно. Нам в этом случае повезло общаться с талантливым, лингвистически одарённым информантом.

Впоследствии нами были предприняты поездки, имевшие своей целью фиксацию материала по речевому этикету, в Белозерский, Вытегорский, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Тотемский и другие районы Вологодской области. Параллельно с этим наши многочисленные помощники-студенты (М.В. Дорож, К.Н. Лукошкина, О.Д. Митина, Н.А. Новожилова, Н.Д. Пахарькова, Т.И. Черешнова и др.) также работали в районах области, но уже по специально составленному нами вопроснику (см. Приложение 1).

Всё это происходило ещё до опубликования «Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [Программа 1994]. Материалы, собранные в районах Вологодской области по названной программе, затем также попали в поле нашего зрения. Особенно качественными и тщательно описанными оказались материалы диалектологической практики студентов, работавших под руководством Е.П. Андреевой (Кичменгско-Городецкий, Тотемский и Шекснинский районы) и Г.А. Дружининой (Грязовецкий, Тотемский и Харовский районы).

Ознакомление с материалами Картотеки Лексического атласа русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург) не принесло пока скольких-нибудь существенных дополнений в нашу картотеку. Это позволило думать о специфичности исследуемого нами материала, высокой степени его сохранности на вологодской территории и необходимости повторных исследований именно в говорах Вологодской области. Поэтому при проведении диалектологической практики студентов филологического факультета ВГПУ в 2008–2012 гг. нами было предложено интенсивно использовать наш вопросник по этикету для повторного обследования говоров Вологодской области.

В процессе сбора материала по диалектным вологодским благопожеланиям нами привлекались также и некоторые архивные источники, содержащие описание особенностей народных говоров на территории Вологодчины. Так, использовалось описание Фера-

понтговской волости, составленное архимандритом Макарием (Кирилловский район), привлекались материалы архивов фольклориста М.Б. Едемского (Тарногский район – по данным профессора ВГПУ М.А. Вавиловой), краеведов А.А. Угрюмова (Тарногский район) и В.Ф. Лукичева (фонд в ГАВО – Сямженский район) и др. Полезным оказалось привлечение выборки фактов, произведённой из старой вологодской печати Л.М. Козневой [Кознева 2011].

Все перечисленные источники позволили выявить примерный круг единиц с благопожелательной семантикой, а впоследствии, применяя приём аппликации, использовать такой перечень как матрицу для реконструкции системы благопожеланий в её полном виде.

§ 5. Терминологическая база проводимого исследования

Комплексное исследование диалектных благопожеланий в вологодских народных говорах предполагает использование понятий и терминов, сложившихся в рамках тех современных отраслей науки, предметом которых являются диалекты – коммуникативной лингвистики, прагматики, социологии и др. Сформулируем далее значение некоторых используемых нами в исследовании терминов.

Коммуникация – процесс передачи в речевом общении информации, чувств, эмоций.

Коммуникативная лингвистика – отрасль языкознания, изучающая языковые единицы в условиях определённого коммуникативного акта.

Коммуникативная диалектология – раздел диалектологии, в основании которого лежит представление о диалектной речи как о вербальном средстве, обслуживающем и отчасти воплощающем в себе особое коммуникативное образование — традиционную систему русского деревенского общения [Гольдин 1997].

Коммуникативная ситуация – конкретная жизненная ситуация, которая является стимулом речепроизводства.

Коммуникант – участник процесса коммуникации.

Прагматика – направление в науке, изучающее отношения между средствами языка и теми, кто этими средствами пользуется; само такое отношение.

Прагматическая ситуация – конкретные условия осуществления акта коммуникации, «положение дел» [Мустайоки 2006].

Адресат – человек, которому в процессе коммуникации адресована реплика.

Адресант – человек, который в процессе коммуникации адресует кому-либо реплику.

Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе.

Дискурс – и динамический процесс языковой деятельности, вписанной в её социальный контекст, и результат этой деятельности, т.е. текст.

Диалоговое единство – блок, единство, состоящее из реплики-стимула и реплики-реакции.

Инвектива – вербальное нарушение этического табу, средство выражения агрессии [Жельвис 1997: 8–10].

Интенция – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; в основе которой лежит желание, замысел.

Обсценная лексика – лексика, табуированная в отдельных семиотических системах [Жельвис 1997: 8–10].

Оптитив – грамматическое наклонение в некоторых языках, выражающее желательность.

Оптитивность – модальность желательности.

Пожелание – адресованное слушающему изъявление желания добра, здоровья и т.п., где слушающий является одновременно бенефициантом пожелания и субъектом желаемой ситуации [Теория 1990: 181].

Благопожелание – принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание добра одним лицом в адрес другого лица [Агапкина, Виноградова 1994: 186]; высказывание с коммуникативным заданием пожелания какого-либо блага в чей-либо адрес [Плешакова 2008: 355].

Негативное пожелание – принятая в данном социуме устойчивая формула, содержащая пожелание зла, чего-либо недоброго одним лицом в адрес другого; оно же – злопожелание, антиэтикетное пожелание.

Фразеологизм – устойчивая, воспроизводимая неоднословная единица с образной семантикой.

Этикет – составная часть культуры общества, которая выражается в детально разработанных правилах поведения, организующих жизнь этого общества.

Речевой этикет – совокупность стереотипных вербальных единиц, используемых для проявления доброжелательного отношения к собеседнику в различных ситуациях общения. Особые системы речевого этикета составляют военный, дипломатический, салонный, мещанский, купеческий, крестьянский, православный и др. этикет. Определённо разграничиваются общенародные (*Здравствуйте!*, *Спасибо!*) и диалектные (*Спорынья в кашню!*) средства речевого этикета.

Этикетная формула – устойчивое, клишированное выражение со значением вежливого отношения к собеседнику.

Клише – повторяемая коммуникантами языковая формула, выражающая представление об их социальной включённости в процесс общения.

Стереотип – устойчивое представление человека о чём-либо.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ СОСТАВ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВОЛОГОДСКИХ НАРОДНЫХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ

В этой главе даётся описание корпуса зафиксированных в вологодских народных говорах диалектных благопожеланий. Исследование ведётся с учётом представлений о сложившихся в традиции систематически возникающих, повторяющихся коммуникативных ситуациях. Индуктивный подход к построению основной части работы продиктован спецификой изучаемого материала: прежде чем делать умозаключения относительно почти экзотических, неизвестных широкому читателю исследуемых фактов, необходимо представить сами эти факты.

§ 1. Классификация прагматических ситуаций в деревенской жизни

Наблюдения над традициями народного речевого этикета в вологодских говорах убеждают в том, что на этом языковом пространстве бытует архаическая система трудовых благопожеланий. Своими корнями она уходит в далёкое прошлое, возможно, даже восходит к системе языческих магических заклинаний, но вместе с тем с течением времени впитывает в себя и более поздние элементы.

В совокупности представлений о крестьянском речевом этикете важную роль играет понятие ситуации, порождающей те или иные реплики-стимулы и реплики-реакции. Под термином «ситуация» нами, вслед за А. Мустайоки, понимается «тот фрагмент действительности, о котором говорящий намерен что-то сказать» [Мустайоки 2006: 30]. В таком конкретном фрагменте действительности реализуется коммуникативное намерение говорящего сказать что-либо. Именно ситуация является стимулом, толчком для речепроизводства.

Спектр коммуникативных ситуаций в деревенской жизни весьма широк. То, как действительность членится на отдельные ситуа-

ции, не зависит от длительности событий. По А. Мустайоки, «при желании говорящий может представить как одно целое, например, вспышку молнии, выпечку булочек ... или вечную жизнь» [Мустайоки 2006: 32]. Крайним случаем обобщения, по мнению исследователя, являются случаи, когда «разные ситуации уже не воспринимаются как отдельные отрезки действительности, а представляют собой постоянную часть рассматриваемого мира» [Мустайоки 2006: 32–33].

Попытка описать вологодские народные благопожелания привела к необходимости классифицировать материал по тем фрагментам действительности, которые значимы для крестьянской сферы русской жизни. Членение действительности на отдельные ситуации зависит от необходимости выполнения тех или иных работ, от повторяемости действий, от доступности их для визуального наблюдения и др.

Спектр коммуникативных ситуаций в деревенской жизни весьма широк. Это ситуации доения коровы (*Река молока! Море под кормилицу!*), стрижки овцы (*Пух под ножницы! Шёрстки горсточку!*), забоя животного на мясо (*Мясо – сахар! Спорина в мясо!*), стирки (*Мыло в корыто!*), полоскания белья (*Беленько мыть! Лебеди на бук!*), мытья пола (*Белые лебеди летят!*), рыбной ловли (*Ни рыбы ни моля! Щука на удю по целому пудю!*), сбора грибов и ягод (*Греби лопатой!*), кладки печи (*Дым в трубу!*), выпечки хлеба (*Спорынья в квашню!*), сбивания масла (*Сыр да масло! Масло желто да в крупиночку!*), черпания воды (*Чин да коромысло!*) и мн. др.

Анализируемые в данной монографии этикетные языковые средства лишь частично отражают всё богатство зафиксированного материала. При этом они распределяются по прагматическим ситуациям примерно следующим образом:

Благопожелания в сфере сельскохозяйственных работ

Благопожелания при полевых работах

Благопожелания при огородных работах

Благопожелания при сенокосении

Благопожелания в сфере животноводства

Благопожелания при доении коровы

Благопожелания при стрижке овцы

Благопожелания в ситуации забоя домашнего животного

Благопожелания в сфере промыслов и ремёсел

Благопожелания при ткачестве

Благопожелания при кладке печи

Благопожелания при рыболовстве

Благопожелания в сфере приготовления пищи

Благопожелания при замешивании теста

Благопожелания при сбивании масла

Благопожелания в сфере бытовых действий и процессов

Благопожелания при черпании воды из источника

Благопожелания при стирке и полоскании белья

Благопожелания при мытье избы

Благопожелания в сфере физиологических действий человека

Благопожелания при чихании

Благопожелания при зевании и икоте

Благопожелания при борьбе с педикулёзом

Благопожелания в ситуации дороги

За пределами приведённой классификации остаются пока и некоторые цельные группы фактов (например, этикетные фразы, связанные с посещением бани, благопожелания плотнику, мельнику и др.), и отдельные разрозненные, но при этом не менее интересные факты (благопожелание хозяевам в связи с постройкой дома, благопожелание человеку в связи с удачной покупкой и др.). Не исключено, что дальнейшее проведение исследования выявит лексико-фразеологический материал и ещё для некоторых, пока не заполненных ячеек сложившейся в нашей работе матрицы (см. Вопросник в Приложении). При этом отдаём себе отчёт в том, что в силу быстро меняющихся культурных и языковых ориентиров общества всё многообразие прагматических ситуаций в крестьянской жизни, а также соответствующий им набор благопожеланий нам уже едва ли когда-нибудь удастся выявить.

§ 2. Благопожелания в сфере сельскохозяйственных работ

Ориентируясь на возможности собранного материала, ниже представим самые типичные группы диалектных благопожелательных формул в сфере сельскохозяйственных работ: благопожелания при полевых работах; благопожелания при огородных работах и благопожелания при сенокосении.

1. Благопожелания при полевых работах

В крестьянской жизни заметно выделяется ситуация проведения полевых работ. Под понятие «полевые работы» можно подвести разные действия: сев зерновых культур, жатву, первичную обработку зерновых и др. В данном разделе мы рассмотрим благопожелания, отмеченные в ситуации проведения полевых работ. Внимание будет сосредоточено на работах, производимых именно в поле, засеянном какой-либо культурой. Главная особенность указанной ситуации – это одновременное выполнение соответствующей работы всем деревенским сообществом, страда, а отсюда – и её открытость, доступность для наблюдения соседям, односельчанам, прохожим.

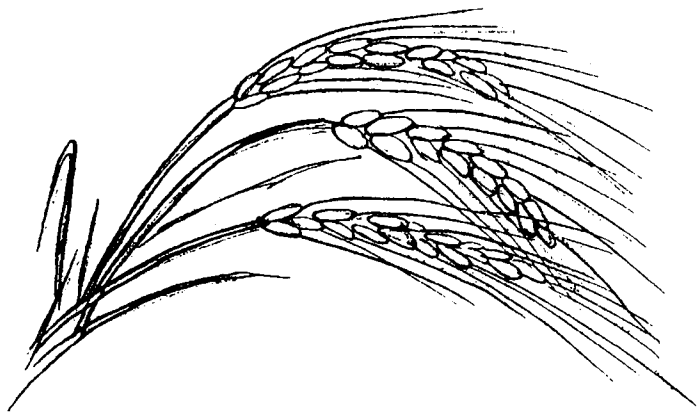
Собранный материал объединяется в несколько подгрупп. Это, во-первых, общие благопожелания; во-вторых, благопожелания при посевных работах; в-третьих, благопожелания при жатве.

Общих благопожеланий, применимых к разным видам работ, в этой ситуации зафиксировано немного: *Бог на поле!*, *Труд на пользу!* и *Труд в пользу!*

Бог на поле! – общее благопожелание при различных полевых работах, зафиксированное в Сямженском районе Вологодской области: <Пусть Бог придёт на поле> (в ломаных скобках здесь и далее показывается реконструированное, развёрнутое содержание формулы). Благопожелание вписывается в обширный ряд пожеланий со словом *Бог*: *Бог в помощь!*, *Бог в помощь!*, *Бог на помощь!*, *Божья помощь!* и др. С пометой Арх. и Астрах. оно приводится в Словаре русских народных говоров [СРНГ 2: 41].

Труд на пользу! и *Труд в пользу!* Употребление этих благопожеланий частотно, привычно и не вызывает особой необходимости их комментировать: <Пусть будет тебе (вам) труд на пользу!>. В недавнюю советскую эпоху эти выражения были в весьма широком употреблении (ср. также: *Слава труду!*). Типичность выражения для речи вологодских крестьян подмечена в языке произведений вологодских писателей [Текотев 1980: 166]. Однако людьми старшего возраста, знавшими и работу и трудовщи, за «палочки», эти благопожелания воспринимались редко отрицательно, о чем свидетельствует записанная нами остроумная речка: *Это вас трудит, а нас уж ототрали!* (Сямжк Монаст.)

Ситуация посевных работ представлена одним выражением – **В закрома́ зерна!** Это пожелание людям, сеющим зерно, зафиксировано в Великоустюгском районе: <Я желаю тебе (вам) в закрома́ зерна!>. Оно вербализует прагматичный подход крестьян к производимым работам: хлеб, т.е. зёрна злаков, нужно не только вырастить, но и убрать на хранение *в закрома*, т.е. в отгороженные в амбаре отсеки для ссыпки зерна, муки и т.п. В этой формуле используется не синонимическое наименование *сусеки*, а именно слово *закрома*. Аллитерация энергичного звука [р], как видим, придаёт выражению решительность, категоричность.

В закрома зерна!

В отличие от периода посевных работ, время жатвы созревших хлебов породило больше благопожеланий, и они разноплановы, степень их выразительности, ёмкости больше.

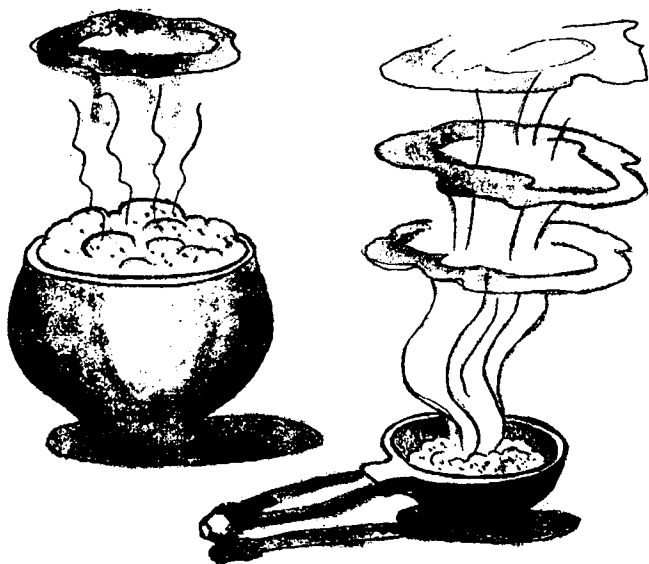
Помоги, Господи, снять урожай и сохранить его! <Помоги, Господи, тебе (вам), снять урожай и сохранить его!> или <Я желаю, чтобы Господь помог тебе (вам) снять урожай и сохранить его!>. Эти слова в деревне Наволок Кичменгско-Городецкого района в старину адресовали тому, кто жал колосья в поле. Фраза, скорее всего, восходит к традиции христианских молитв и обращена к высшей силе, в которую люди веруют.

С двумя полями сжатыми, с третьим засеянным! Выражение зафиксировано в говорах Тарногского района. Оно заключает в

себе поздравление с окончанием уже проведённой большой работы и с перспективой ожидания урожая на третьем, уже засеянном поле: <Поздравляю тебя (вас) с двумя полями сжатыми, с третьим засеянным!>. В этом благопожелании проявляются особенности той системы земледелия, при которой севооборот проводился за счёт чередования высеваемых культур и отведения одного из трёх полей под озимые культуры.

Возить не перевозить! Благопожелание тому, кто возит с поля снопы сжатых хлебных культур. Идея благопожелания такова: <Я желаю тебе (вам) возить не перевозить>, т.е. пусть урожай будет столь высоким, столь обильным, что с ним сложно будет справиться. Интересен факт энантиосемического употребления этого выражения. Оно ещё используется как недоброе пожелание и проносится, что связано со сказочной традицией (см. сказку «Набитый дурак»), при встрече с похоронной процессией. Система формул крестьянского речевого этикета, по нашим наблюдениям, пронизана подобными энантиосемическими модификациями фразеологизмов: семантика меняется со знака «плюс» на знак «минус» или наоборот.

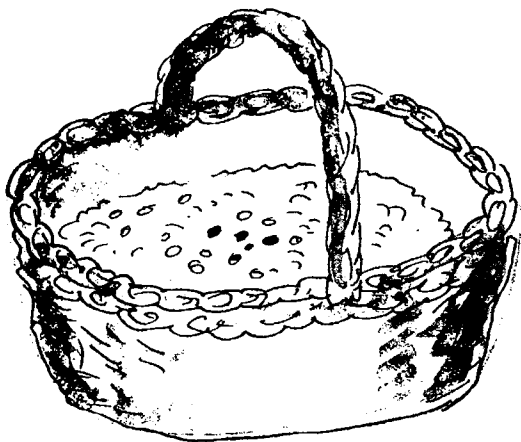
Дежён да каша! Это благопожелание зафиксировано в Кирилловском районе в ситуации окончания жатвы: *По окончании уборочной, позднее – по окончании любой большой работы, говорили: «Дежён да каша!» Дежён – овсяная мука в миске, сечётся ножом, заливается тонким слоем простокваши и схлёбывается.* И едят эту пищу особым образом: съедают простоквашу, зачерпывая густо замешенное толокно, и снова подливают жидкость. Иногда к блюду добавляют ягоды, сахар. Выражение известно также в Бабушкинском и Кичменгско-Городецком районах. В МАС, ССРЛЯ слова *дежён* нет, что свидетельствует о его диалектном характере. В вологодских говорах бытует несколько вариантов этого наименования: *дэжён, дежён, и, ж., дежён, дежён, жёня, жня, м. и дюжён, а, м.* [СВГ 2: 17]. Всё это обозначения одного и того же холодного кушанья из толокна: *Нальют водички, положат толокна, сухо замешают, ложечкой ровняют, сверху простокваши со сметаной наливают. Это дежён и называется. Сухомёс был, и дежён был* (Тот. Мелех. Почин.). С тем же значением вологодским говорам известны лексемы *дежёнье, дежня, дернь.*

Дежень да каша!

Слово *каша* в этом благопожелании может быть истолковано двояко. Во-первых, можно полагать, что оно является общенародным и в данном контексте, по контрасту со словом *дежень*, оно обозначает кашу, приготовленную не из толокна, а из измельчённых зёрен, крупы любой другой культуры (пшеницы, ячменя или др.). *Дежень*, таким образом, – это особое, лакомое блюдо. Наличие его в доме – это признак сытости и достатка, поэтому порядок слов в благопожелательной формуле именно такой. Во-вторых, можно считать слово *каша* семантическим диалектизмом: СРНГ [СРНГ 13: 148] локализует его на архангелогородской территории со значениями ‘праздник по случаю окончания жатвы’, ‘обед после свадьбы’, ‘званный вечер после крещения’, ‘группа лиц, приглашённых на коллективную помощь’ и др. Тогда должна быть иначе воспринята и общая семантика всего благопожелания: <Пусть будет у вас вкусная еда и праздник!>. В известных нам диалектных словарях анализируемый фразеологизм *Дежень да каша!* не зафиксирован.

Спорынья в лукошко! *Спорынья в лукошко!* – говорили при жатве хлеба. Это пожелание, чтобы зёрна ржи и других злаковых культур сохранялись здоровыми до сева и давали здоровый урожай (Шексн.). Как видим, в сознании говорящего это благопожелание представляет собой не что иное, как пожелание успеха, добра через пожелание неудачи. Говорящий желает, чтобы в лукошко попала спорынья – поражённое чёрное зерно, но чтобы вместе с тем прочие зёрна сохранились здоровыми: <Пусть тебе (вам) попадёт спорынья в лукошко!>. Сравним с аналогичными общенародными благопожеланиями: *Ни пуха ни пера!* – общее пожелание удачи; *Ни чешуйки ни хвоста!* – пожелание хорошего улова рыбаку. Небезынтересно и *Спорина́ вам в квашню!*, употребляемое в вологодских говорах как благое пожелание [СВГ 10: 103], а в сибирских – как шутивное пожелание чего-либо неприятного [ФСРГС, 187]. Отрицательного результата человеку желают, чтобы на самом деле результат оказался положительным. Возникновение таких противоположных смыслов объясняется существовавшими в народе старинными представлениями о том, что про хорошее вслух говорить нельзя: можно его «спугнуть», «сглазить». По существующим в народе представлениям, лучше говорить о плохом – тогда хороший результат будет обеспечен. Здесь в сфере крестьянского речевого этикета опять наблюдаем явление энантиосемии.

Спорынья в лукошко!

Слово *спорынья* и однокоренные с ним *спорыш*, *спорина*, *спорить*, *поспорить* и др. давно привлекают внимание исследователей. Обзор многочисленных упоминаний этих слов и стоящих за ними понятий, в том числе и упоминания божества плодородия, бога жатвы по имени *Спорыш*, находим у Ю.В. Розанова [Розанов 2007: 196–197]. В наиболее обобщённом виде под наименованием *спорина*, *спорынья* в русской культуре понимают «особую субстанцию силы, обеспечивающую эффективность во всех сферах человеческого бытия» [Берестнев 2007: 21].

Как видим, в каждой из коммуникативных ситуаций сказанное, изречённое может специализироваться, приобретая некие оттенки смыслов, значений. Так, *Бог на поле!* есть трансформация формулы *Бог на помощь!* Но, в противоположность этому, «даже если говорящий описывает один и тот же фрагмент действительности, он мысленно образует из него разные положения дел, которые могут существенно отличаться друг от друга» [Мустайоки 2006: 32–33]. Отсюда происходит и разнообразие дискурсивных реплик коммуникантов. Так, в ситуации жатвы употребляются разные благопожелания. С одной стороны – *Дежён да кáша!* (работникам желают сытости, благополучия), с другой – *Спорынья в лукóшко!* (желая урожая «от противного», высказывают пожелание благополучия, счастья, удачи).

Специальных ответных реплик в этой коммуникативной ситуации нами не зафиксировано. Ответом обычно служит общепринятое слово *Спасибо!* Для сравнения отметим, что у адыгейцев на благопожелание *Хороший урожай вырастить!* человек, который работает в поле, отвечает фразой: *Вместе съедим!* [Стернин 1996: 25]. Похоже, что проявляющаяся в таком случае степень дружеского расположения даже выше, чем у крестьян на Русском Севере.

2. Благопожелания при огородных работах

Данный раздел посвящён этикетным выражениям, которыми приветствуют людей, работающих на огороде. Проведение огородных работ в русской культуре имеет целый ряд особенностей. В традиционной северной деревне многие виды работ в силу их временной специфики производятся всеми жителями одновременно. Если пришла пора сажать лук, его сажают все; если настало

время посадки картофеля – одновременно этим занимаются также все сельские жители. В день окончания трудоёмкой и важной работы, которая должна была выполняться в короткий срок, в старину устраивались *докóпки, дорóбки* и прочие виды коллективной помощи и соответствующие им празднества.

Выполнение работы на огороде обычно доступно для визуального наблюдения односельчанам, поэтому работающего человека могут окликнуть, поприветствовать, пожелать ему успеха. Очень уместными в процессе коммуникации оказываются шутки, прибаутки, вызывающие чувство эмоциональной разрядки.

В этикетном отношении заметно выделяются моменты посадки какой-либо огородной культуры и, впоследствии, уборки выросшего урожая. В названной ситуации, как и во множестве других трудовых ситуаций, используются благопожелания *Бог в помощь! Бог на помощь! Помогай Бог! Божья пóмочь!* Они в силу своего общего благопожелательного характера применимы и в ситуациях стирки, полоскания белья, строительства дома, кладки печи и мн. др. В избранной для анализа ситуации регистрируются и благопожелания специфического характера, приуроченные именно к проведению огородных работ. Представим ниже такие формулы, комментируя их семантику, ареалы, символические смыслы и средства создания языковой выразительности.

Благопожелание *Садí крохáми, а убирáй ворохáми!* зафиксировано при весенних посадочных работах в Белозерском районе Вологодской области. Так сельчанам желают большого урожая при минимальных затратах посевного материала: <Я желаю тебе большого урожая!>. Действительно, сеешь *крóхи*, т.е. мелкие зёрна, – получаешь колосья; сажаешь мелкий лук-севок – получаешь крупные луковицы. Упомянутый район, кстати, является местом разведения широко известного салатного лука особого сорта «белозерский» – с крупными сочными луковицами розового цвета, которые вырастают из крошечных луковичек разводимого здесь лука-севка.

В основе анализируемого благопожелания лежит антитеза: словоформа *садí* противопоставляется словоформе *убирáй*, форма *крóхáми* (имеется в виду мелкий посевной материал) противопоставляется форме *ворохáми* (здесь видится пожелание высокого урожая). Идея, таким образом, заключается в противопоставлении понятий ‘мало’ – ‘много’. Значение ‘много’ выражается лексемой

нброх. За счет акцентологического сдвига в одном слове (*крóхами* – *крòхáми*) в этом благопожелании рифмуются синтагмы, составляющие всё выражение: *сади́ крòхáми – убира́й ворохáми*.

В такой же ситуации, т.е. при посадке какой-либо культуры, в Симженском районе звучит шутливое пожелание *На меня́, на сосе́да, на жа́дных ду́ш!* Смысл его восстанавливается при возможном развёртывании этого выражения: *<Сажай(те) на меня́, на сосе́да, на жа́дных людей!>*. Работающему человеку так желают большого урожая – такого, чтобы его хватило и самому работнику, и тому, кто его приветствует, и его соседу, и всякому прочему – жадному или нуждающемуся – человеку. Формульность благопожелания подчёркивается использованием в нём своеобразной конструкции, где винительный падеж равен родительному (ср.: *на жа́дные души*). Упоминание в благопожелании этих «жадных душ» даже создает комический эффект. Прохожий или сосед, наблюдающий за работой, – это нормально, естественно, ибо в деревне от посторонних глаз не скроешься, а упоминание чьих-то «жадных душ» – это намёк на весьма серьёзные представления, бытующие в народе. «Жадные души» всегда находятся. Чтобы они не «сглазили» работника, не повредили его делу, от них нужно, как предполагается, откупиться.

Важная процедура в крестьянском огородном хозяйстве – это посадка лука. В такой ситуации зафиксировано два своеобразных благопожелания. Каждое из них интересно по-своему.

Лук – ну́к, ре́пка – ну́к! Семантика данного благопожелания выявляется отнюдь не сразу. Очевидна антитеза, и хочется думать, что противопоставлены слова *лук* и *репка*. Однако *репа* здесь ни при чём, её и сеют в другие, чем лук, более поздние сроки. В наших материалах это выражение зафиксировано именно как пожелание женщине при посадке лука. Деревенские жители поясняют, что оно предрекает плохой урожай: желают, чтобы зелени было много, *лук*, а луковица была мелкая, несформировавшаяся, или: *<Пусть лукового пера будет много, а репчатого лука мало!>* В таких случаях в деревнях говорят: *Лук-то в этом году – ничто* (В. Устюг).

Как же возникает у этого выражения благопожелательный смысл? Формально произнося пожелание плохого результата, люди желают, напротив, результата хорошего. Подобные явления от-

нюдь не редки в этикетной сфере. Сравним: *Ни пуха ни пера!* – пожелание удачи; *Ни чешуйки ни хвоста!* – пожелание рыбаку. Так желают отрицательного результата, чтобы на самом деле он оказался положительным. Или: *Скатертью дорога!* – пожелание отправляющемуся в путь. Первоначальный смысл этого выражения, до сих пор сохраняющийся в диалектах, благопожелательный: <Пусть дорога будет ровной, гладкой, как скатерть>. В русском литературном языке пожелание *Скатертью дорога!* означает, что уходящего не задерживают, в его присутствии не нуждаются. Возникновение таких противоположных смыслов объясняется существовавшими в народе старинными представлениями о том, что нельзя говорить о хорошем, потому что хорошее можно «сглазить». По существующей традиции лучше говорить о плохом – тогда будет обеспечен хороший результат.

На смысл и мотивы анализируемого благопожелания проливают свет материалы СРНГ. Вологодское благопожелание там не фиксируется. Однако есть факты, объясняющие его семантику. Так, фразеологизм *в пук пойти* означает ‘развить цветоносный стебель, пойти в ствол (о растениях, посевах)’: *Посёвы в пук пошли — жарá не страшнá; Щавель в пук пошёл и станóвится невкусным* [СРНГ 33: 118]. Как видим, в приведённых примерах с удовлетворением говорится о посевах зерновых культур, которые уже *в пук пошли* и не страшатся жары, но с сожалением – о щавеле, растения которого *в пук пошли*, т.е. выбросили цветоносный стебель и, израсходовав на него всю силу, загубели и стали невкусными. Если растение лука даёт цветоносный побег, то плод его, «репка», в таком случае почти не развивается: *Дудка-то какáя толстúшшая! Весь рóст в дудку ушёл!* (Ник. Завр.); *Лук, видно, посадила морóженный, коли он в дудку растёт* (Сок.).

Форма *пук* современными наблюдателями может быть воспринята по-разному: *пика – пук, пук – пук, пикать – пук*. Но крестьяне, по-видимому, традиционно вкладывают в эту форму вполне конкретное, всем понятное содержание. Его опять же расшифровываем с помощью материалов СРНГ, где, по записям В.И. Чагишевой, даётся брянский фразеологизм *ни пику, ни гику* в значениях ‘ни звука’ (*Нет у меня малого: ни крику, ни пику, ни гику*) и – под знаком вопроса – ‘ничего’ [СРНГ 27: 22]. С учётом этих материалов западной зоны анализируемое нами вологодское благопожелание

при посадке лука следует буквально воспринимать так: <Пусть растение лука даст цветоносные побеги, а луковица будет плохой>, т.е. пусть не будет хорошего урожая. Правомерность такого предположения подтверждается многочисленными фактами с корнем *ник-* и «мелкой» семантикой из Словаря русских говоров Карелии: *ник* 'исчезновение чего-либо', *ника́шка* – 'крапинка', *никалёк* 'комар' и др. [СРГК 4: 506–507]. По-видимому, это диалектное слово *ник* равнозначно литературному слову *нишк* 'нечто очень малое, ничтожное; ничто' [БАС 11: 1785], и в анализируемом благопожелании *Лук – пук, репка – ник!* противопоставляются не слова, а целые синтагмы.

Второе зафиксированное нами пожелание при посадке лука – *Злись, дак лук-от больше нарастёт!* В отличие от всех предыдущих фраз это пожелание не характеризуется формульностью, ритмизованностью, каким-то эстетическим совершенством. Но сам факт его употребления свидетельствует о традиции исполнения в прошлом особого ритуала. Считалось, что «на злого человека» лук растёт лучше, то есть приобретает необходимый острый вкус и доводящий до слёз терпкий запах. Именно в этом и заключаются наилучшие качества самой культуры. Поэтому, когда сажают лук, соблюдая традицию, специально, нарочито сердятся, ругаются, бранятся или делают вид, что именно так и поступают. Бытует мнение, что такое поведение обеспечивает луку его главные качества.

Важной для крестьянского хозяйства является процедура посадки и уборки картофеля. Картофель для россиян, как известно, «второй хлеб». В связи с огородными работами по выращиванию картофеля зафиксированы четыре благопожелания.

Карто́вница с оглоблю, карто́шка с колесо́! (В. Устюг). *Карто́вница* – это 'стебель картофеля'. Если стебель картофеля крепкий, сильный, никакими вредителями и инфекциями не поврежденный, то есть, говоря образно, «с оглоблю» (а на изготовление оглобель выбирают крепкую, достаточно толстую жердь), клубни картофеля будут крупными, почти «с колесо». Таким образом, выражаемое здесь коммуникативное намерение – это пожелание, чтобы сильным был стебель картофеля и крупными – его клубни: <Пусть будет ветка картофеля толстой, а клубень крупным!> Приращение смысла создается посредством гиперболы. Степень преувеличения столь высока, что придаёт благопожеланию шуточный

характер. Средством создания выразительности благопожелания в данном случае является также синтаксический параллелизм компонентов фразеологизма и эллиптическая структура каждой его части.

Са́дом сади́ть, во́зом вози́ть! – благопожелание при посадке картофеля, зафиксированное в Белозерском районе: <Я желаю тебе (вам) своевременно садить, большой урожай собирать!>. У слова *сад* Словарь русских народных говоров фиксирует значение ‘время посадки овощей’ (Пск., Твер., Арх.): *После́дний сад овице́й; Са́ды карто́фельные подошли́* [СРНГ 36: 17]. Таким образом, можно полагать, что идея зафиксированного нами благопожелания – это пожелание своевременно и за один приём мобилизации сил произвести посадку картофеля, чтобы потом, когда придет время, для перевозки большого урожая картофеля потребовались не мешки и корзины, а самая крупная мера – возы. Не исключено, впрочем, что отношения между частями этого благопожелания условные и понимать их следует так: если *са́дом сади́ть*, то потом, собирая урожай, удастся *во́зом вози́ть*. В оформлении благопожелания опять видим синтаксический параллелизм компонентов. Обратим также внимание на дважды использованный в благопожелании лексический повтор (*са́дом сади́ть, во́зом вози́ть*).

Яма карто́ви! – это благопожелание звучит при уборке картофеля в Тарногском районе. *Карто́вь* – это диалектное наименование картофеля. В СРНГ в большом гнезде слов с корнем *картоф(в)ь* такое благопожелание не фиксируется. Но так называют картофель на весьма широкой территории распространения вологодских говоров (Баб., Верх., Арх. Вельск.): *Мно́го ли карто́ви-то у неё не оку́чено?* (Баб. Юрк.) [СВГ 3: 42]. Картофель – это продукт питания и для людей, и для домашних животных, его в хозяйстве требуется много. Выращенный и собранный картофель на зимнее хранение укладывают в специально оборудованные ямы: *Карто́в храни́ли в я́мах, кото́рые ры́ли в огоро́де* (Арх. Вельск. Сельм.). В анализируемом благопожелании слово *яма* – это обозначение большого количества выращенного картофеля. Подобные структуры с названием вместилища как обозначения большого количества вмещаемого продукта весьма характерны для вологодских трудовых пожеланий (ср., например, при стрижке овец *Ку́зов (песте́рь, короба́) ше́рсти!*). Картофельные ямы раскрывают только к весне,

возможно, поэтому благопожелание *Яма карто́ви!* – это ещё и пожелание, чтобы картофель был убран своевременно и впоследствии сохранён с должным качеством до самой весны.

Возáми не вы́возить, но́шами не вы́носить! – *Убира́ла я карто́шку у до́ма. Идёт Матрёна и говорíт: «Возáми не вы́возить, но́шами не вы́носить!»* (Тотьма). В описанной ситуации благопожелание употреблено применительно к ситуации копки картофеля. В таком же значении оно употребляется и в Сямженском районе. Однако наша картотека даёт примеры употребления этого выражения и в ситуации завершения полевых работ – то есть тогда, когда с убранного поля вывозятся сжатые снопы. Это нередкий случай, когда одно благопожелание употребляется в разных ситуациях. Многие благопожелания аккумулируют в себе универсальные смыслы и потому, становясь многозначными, применяются в разных ситуациях. Впрочем, само выделение разных ситуаций – дело весьма условное, нередко произвольное (ср.: стирка и полоскание белья – это две ситуации или одна? растопка печи и выпечка пирогов – две ситуации или одна?). Главное, что на первое место всё же выходит благая идея: <Пусть выращенного урожая будет так много, что с ним будет трудно справиться>. В структурной организации благопожелания используется синтаксический параллелизм двух инфинитивных предложений. Благопожелательный эффект фразы усиливается за счет лексического повтора (*возами не вывозить, ношами не выносить*).

Завершая анализ благопожеланий этой группы, можно перечислить основные смыслы благопожеланий в анализируемой трудовой ситуации. Людям желают удачного, обильного урожая (*Возами не вывозить, ношами не выносить!*; *Карто́вница с огло́блю, карто́шка с колесо́!*; *Яма карто́ви!*; *Сади́ кроха́ми, а убира́й воро́ха́ми!*), соблюдения оптимальных сроков посадки (*Са́дом сади́ть, во́зом вози́ть!*), экономии посевного материала (*Сади́ кроха́ми, а убира́й воро́хами!*), оптимальных качеств выращенных плодов (*Лук – пúк, ре́пка – пúк!*; *Зли́сь, дак лúк-от бо́льше нарастёт!*), оберега от сглаза, порчи (*На меня́, на сосе́да, на жа́дных дуи!*), помощи свыше (*Бог в помощь! Бог на́ помочь! Помогай Бог! Божья́ помочь!*).

Все представленные в этом разделе трудовые благопожелания являются стереотипными, устойчивыми формулами народного речевого этикета. Для создания особой художественной выразитель-

ности в них используются лексический повтор, гипербола, антитеза, ритмизованность и синтаксический параллелизм компонентов. Большинство благопожеланий обладает символическими смыслами. Все средства призваны служить достижению определенного коммуникативного эффекта, а именно – установлению уважительного, вежливого, подходящего значимой ситуации общения.

В Словаре русских народных говоров приведенные нами выражения не фиксируются. В материалах составленной за последние десятилетия картотеки Лексического атласа русских народных говоров (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург) анализируемые благопожелания также пока не обнаружены. Представленный материал, по-видимому, отражает пласт уже уходящей культуры. Скорее всего, вологодские говоры – это зона архаики, где подобные традиции культивировались веками и до сего дня благопожелания употребляются в знак соблюдения старинных ритуалов. Для фиксации подобного материала требуются, по-видимому, контакты с лингвистически одарёнными, искусными в общении собеседниками. В этом нам, безусловно, повезло.

3. Благопожелания при сенокосении

Крестьянские благопожелания как единицы языка представляют собой «...целый мир с многочисленными тонкостями его внутреннего устройства, с богатством его связей, ведущих в систему языка, в синтагматический контекст, в ситуацию общения ... в историю, культуру, в лингвистическую традицию их изучения» [Апресян 1995: 156]. Показательны в этом отношении вологодские выражения, зафиксированные в ситуации сенокосения.

Два благопожелания зафиксированы в селе Ферапонтово Кирилловского района Вологодской области: *Бóжься пóмочь!* – *Бы-ваает, сено огребаешь, а те проходящий кликнет: «Бóжься пóмочь!»* – *Так ты в ответ – «Спасибо!»*; *Бог в пóмочь!* – *Косят, дак Бог в пóмочь! говорили.* Так людям желают, чтобы любая работа шла слаженно, успешно, чтобы, сообразно религиозным представлениям, *Бог* оказал помощь, чтобы результаты работы радовали тружеников.

Именно в этой местности очень заметно функционирование системы народно-речевого этикета. Это вовсе не случайно: Фера-

понтковский монастырь с фресками Дионисия являет собой доминанту не только в природном, но и в культурном ландшафте местности и формирует особенности коммуникативного поведения населяющих её людей.

Однако варианты *помочь* и *помощь* в значении 'добровольная коллективная работа (обычно за угощение) в помощь кому-либо' известно практически повсеместно на вологодской территории [СВГ 1997: 153]: *Не справлялись с жнитвóй-то, дак помóщь собирали* (Тарн. Филим.); *Бывало и эдак: одна семья всё сжáла да другая, а третья не успела, вот и организуют помóчи – ну, помогают им все* (Влгд. Пер.); *Кто пенюгáечче, те помóщи делали* (Тарн. Ворон.); *Молодые так всё в помóщь ходили* (В-У. Мард.).

Благопожелания *Бóжься помóчь!*, *Бог в помóчь!* функционируют в речи, очень напоминая междометия – такие, как *Здравствуй!*, *Пока!* Но, как представляется, от междометий их отличает возможность выделить в структуре члены предложения, что у междометий невозможно.

Труд на (в) пользу! Употребление этого благопожелания частотно, привычно, оно даже не вызывает необходимости его анализировать. В недавнюю ещё советскую эпоху оно было в весьма широком употреблении (ср. также: *Слава труду!*). В языке произведений вологодских писателей подмечена типичность этого выражения для речи вологодских крестьян. Так, в повести сокольчанина Г.М. Текотева «Серафима» читаем: *Подошла Сима, поздоровалась. – Труд в пользу! – Спасибо! – ответили супруги* [Текотев 1980: 166]. Однако людьми старшего возраста, воспитанными в уважении к христианским ценностям (*Бог*, *Божий* – для них священные слова), благопожелание *Труд на (в) пользу!* воспринималось негативно. В Сямженском районе была записана почти агрессивная ответная реплика: *Это вас труд, а нас уж óтотрали!* Сближение омофонов *труд* и *трут* в рамках одного диалогового единства стало здесь отголоском представлений о тягостной работе «за трудодни», «за палочки».

Рассмотренные этикетные формулы применимы ко многим трудовым ситуациям. Однако ситуация сенокосения вызвала к жизни и специфические, присущие только ей благопожелания.

Вёдра! Это приветствие односельчанам, сгребаящим подсыхшую траву (Сямж. Жит.). МАС квалифицирует слово *вёдро* в значении 'ясная, солнечная, сухая погода' как устаревшее и просторечное [МАС 1: 145]. Словарь современного русского литературного языка определяет значение этого слова иначе – 'ясная, солнечная весенняя или летняя погода' [ССРЛЯ 2: 116], и это очень важно для рассуждений о предмете нашего описания. В ССРЛЯ отмечается возможность употребления слова и во множественном числе (*ишь, какие стоят вёдра!*) и использование его в переносном, образном значении: *Сумрак и ясность, ненастье и вёдро сменяются теперь в душе моей* (Карамз.). В ССРЛЯ приводится также, что весьма характерно, и ласкательное образование – *вёдрышко* 'о хорошей ясной погоде или о солнце'. Сема ласкательности демонстрирует важность, желательность для человека наступления ясной погоды.

Применительно к русским диалектам это слово никак не следует считать устаревшим, потому что в народной разговорной речи оно, судя по материалам Словаря русских народных говоров [СРНГ 4: 93], весьма активно и, более того, обрастает многочисленными производными. Из всего убедительного и широкого набора производных лексем выделим прилагательное *ведренный* с его двумя взаимосвязанными значениями: 'ведренный, солнечный, ясный' и 'убранный в ясную, солнечную погоду, вылежавшийся, выстоявшийся за вёдро (о хлебе, сене)'. Последнее значение иллюстрируется нужными нам в плане проводимого анализа примерами: *ведренный хлеб; сено ведренное: сухое, зелёное, так и гремит*. В Словаре областного вологодского наречия П.А. Дилакторского читаем: *вёдро* – 'тихая, сухая, ясная, солнечная погода': *Сегодня вёдро, слава Тебе, Господи, а то всё дожди да дожди — надоело* [Дилакт. 2006: 49]. В Словаре говоров Русского Севера обнаруживаем фразеологические сочетания *вёдро каменное* (Выт.) и *вёдро костяное* (Сямж. Ермак.). В них, что также очень интересно, доминирует идея устойчивой солнечной погоды [СГРС 1: 39].

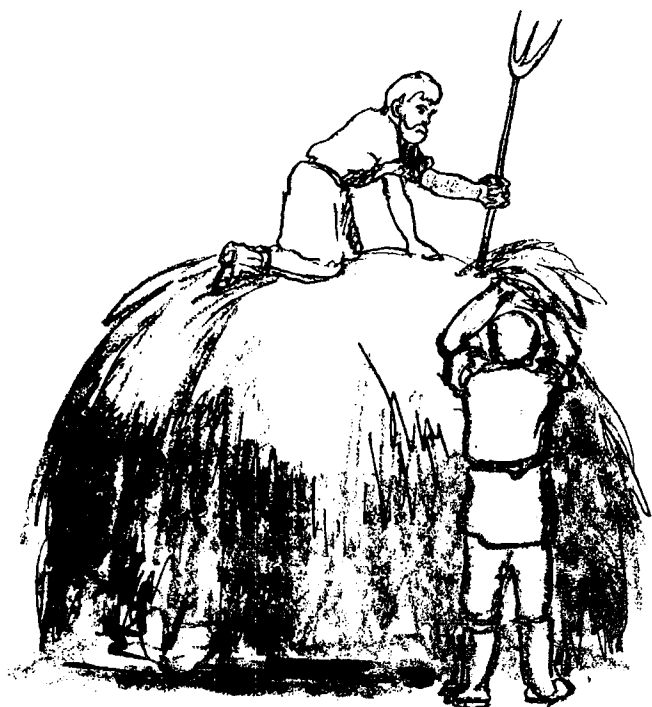
При потенциальном развертывании анализируемого благопожелания получаем следующее предложение: <*Я желаю вёдра тебе (вам)*>, т.е. 'я желаю тебе (вам) устойчивой солнечной погоды'. В реальной действительности благопожелание варьируется: *Вёдра вам! (тебе! работникам! Мариин!)*, осложняется вокативами (*Нико-*

лай Иванович! Татьяна! и под.). Предельный вариант эллипсиса структуры таков: *Вёдра!* или – в конце разговора – *Ну дак вёдра!* В последнем случае помимо доброго пожелания устойчивой ясной погоды ощущается междометная семантика: *Пока! До свиданья!* Но в структуре благопожелания члены предложения выявляются, что не позволяет принять эти выражения за междометия.

Вёдро на грабли! Это благопожелание также адресовано работникам, занятым на сенокосе, однако и семантическая структура, и синтаксическое построение этой формулы существенно отличаются от предыдущего пожелания. Но прежде чем говорить об этом, охарактеризуем саму прагматическую ситуацию сенокосения, которая в жизни крестьян занимает особое место. Июль. Жаркий, сухой день. Скошенная накануне или рано утром трава подсыхает к середине дня. На работу одновременно выходят все члены семьи – от мала до велика. В той местности, где по берегам рек простираются заливные луга, работники, как правило, собираются большой бригадой. Уборка сена обычно всем доставляет радость, большое удовольствие. Граблями производятся быстрые резкие движения, масса подсохшей травы сгребается в валы, те складываются в копны, копны – в стога или в *зароды*. Подсохшее свежее сено на граблях *шабарчит* (*Сено-то шабарчит, можно грести*. Ник. Выс.), *шерхотит* (*Как станет сено шерхотеть, убирать надо на сарай*. Сямж. Монаст.), *шерхотится* (*Загробали? – Загробали. Я посмотрела: сено-то шерхотится дак*. Сямж. Монаст.), *шорчит* (*Сено-то шорчит, дак добро высохло*. Тарн.), *шоршит* (*Чуёшь, как лист шоршит?* Тарн. Харит.) и т.д. [СВГ 12: 103]. Люди орудуют граблями, подгребая к своим ногам ароматную высохшую траву. Более опытные работники подают большой ворох поднятого на граблях сена, или *награбёльник*, тому, кто подхватывает его и укладывает в стог (*Он уж как наберёт награбёльник, дак и грабли ломаются*. Вож. Заб.). Движения у людей обычно быстрые, слаженные. Вот когда ощущается подлинная поэзия крестьянского труда! Именно в такой ситуации работнику желают, чтобы ему благоприятствовала солнечная погода, потому что даже совсем небольшой дождь может, смочив сено, нарушить заданный трудовой ритм.

Анализируемое благопожелание *Вёдро на грабли!* метафорично в своей основе. Работнику желают: <Пусть ясная погода будет устойчивой, пока ты складываешь сено в стог> (ср.: *вёдро каменное* и

вёдро костяное – ‘устойчивая ясная погода’). Возможен и другой вариант интерпретации данного благопожелания: <Если ты так хорошо держишь сено на граблях, то и погоду, т.е. *вёдро*, удержишь на них>. В этом случае, согласно коммуникативному намерению говорящего, работающему на сенокосе человеку желают быть способным властвовать над погодой. Следовательно, в основе благопожелания лежит идея управления, распоряжения ясной, солнечной погодой.

Вёдро на грабли!

По сравнению с благопожеланием *Вёдра вам!* синтаксическая структура формулы *Вёдро на грабли!* иная: <Пусть> *вёдро* <снизойдёт> *на грабли*. Зафиксированное расширение фразы, варьирование её наблюдаем в следующем перечне: *Вёдро на грабли (вам! тебе! работникам! Марии!)*. Иногда происходит осложнение благопожелания вокативами (*Николай Иванович! Татьяна!*) и т.д.

Длиное благопожелание зафиксировано в предельном, далее не подлежащем сжатию варианте структуры. Как представляется, благодаря эллипсису фразам придаётся экспрессивность, динамичность. Однако типы структурной неполноты приведённых формул различны: <Я желаю> *ведра вам!* превращается в *Вёдра!* (что? кому?); <Пусть> *ведро <снизойдёт> на грабли!* превращается в *Ведро на грабли!* (что? куда?). Вторая из этих формул может быть интерпретирована и иначе: <Я желаю вам> *ведро на грабли!* превращается в *Вёдро на грабли!* (что? на что?).

Многие этикетные формулы представляют собой фразеологические выражения, т.е. сгустки народной мудрости, информативности и выразительности. Эстетическое совершенство анализируемой формуле придаётся аллитерацией: *Вёд[r]о на г[r]абли!* Звукопись производится не просто повтором одинаковых звуков, а повторением симметричных комплексов звуков: *взрывной [d] + нибрант [p] / взрывной [z] + тот же вибрант [p]*. Эти звуки ассоциируются в сознании коммуникантов с определённым, уже известным каждому из них образом-впечатлением: *ведренное сено сухое, зелёное, так и гремит (шабарчит, шеркотит, шеркотится, шоршит)*. В описанной ситуации звук [p] в сочетании с взрывными согласными [d] и [z] создают яркий образ даже не шуршащего, а гремящего сена. Подобный звуковой символизм весьма характерен для формул крестьянского речевого этикета, ср., например: *Здравствуй, нос красный, кокова как зарево!* (шутливое приветствие встречному в морозный день); *Серебро в ведро!*; *Лук – пук, репка – пик!* и др.

Так чего же желают людям, занятым на сенокосе? Того, чего обычно недостает, того, что жизненно важно для успешного осуществления этой работы, – устойчивой ясной, солнечной погоды: *На сенокосе работай, дак только жвáривай, торопись, пока ведро, сéно обрáть* (Хар.). В Сямженском районе Вологодской области зафиксировано актуальное в плане проводимого анализа поговорочное выражение: *А ведь говорят: не тут мочит, где просят, а там летит, где косят* [Зорина 2008а: 49]. Оно лишний раз показывает, как болит из-за дождливой погоды душа у крестьянина, как незащищен он перед неотвратимостью ухудшения погодных условий: *А ведь на Бога с палкой не кинесся. На Бога не с палкой кинесся. Óболоко ведь палкой не отпéхнёшь* [Зорина 2008а: 49].

Таким образом, проведённый анализ благопожеланий в сфере сельскохозяйственных работ показал их весьма заметную детализацию, сочетание прагматичности и образности, а также их грамматическую разноструктурность.

§ 3. Благопожелания в сфере животноводства

Разведение домашних животных – это наиболее важная часть традиционной деревенской жизни. Необходимые продукты питания (молоко, мясо), крайне нужные предметы для изготовления одежды (шерсть, кожа) – всё это северяне получали, занимаясь животноводством. Любовное отношение крестьян к домашним животным, многочисленные ритуалы, связанные с разведением скота, не могли не породить в речевом общении населения этикетных формул.

1. Благопожелания при доении коровы

В сфере животноводства заметно выделяется как важная, необходимая, частотная ситуация доения коровы. В традиционной народной культуре доение коровы обставлено многочисленными ритуальными действиями и соответствующими им речевыми оборотами. Так, корову обычно старались оберегать от сглаза. Поэтому в первый день выгона животных на пастбище звучало пожелание хозяину: *Хорошему человеку в один глаз соли, в другой – песку* (В-У). Эти слова произносились для того, чтобы, по поверьям, никто не смог причинить вреда скотине. Выгон животного для летнего выпаса сопровождался также ритуальными словами самой хозяйки: *Пеструшка-матушка, поди на волю, щипи траву шёлковую, пей воду серебряную, напивайся, наедайся, к вечеру домой возвращайся!* (Ник.). В современной народной речи зафиксированы факты использования заговоров: *Стоит гора высокая, стоит она, не качается. Стой, матушка коровушка, головушкой не верти, ногам не топай, хвостиком не маши! Во веки веков. Аммиль!* (Тот.). Частотны различные приговоры: *Стой горой, дой рекой!* – так говорят, когда начинают доить корову в первый раз. (Сямж.). *Стой, коровушка, как горы стоят, не шевелятся* (Ник.). *Стой, коровушка, горой, бежи, молочко, рекой* (Ник.). *Как речка бежит, не перебежится, так моя коровушка дой, не переставай* (Ник.). *Матушка*

Бурёнушка, отдай всё молоко! (Тот.). Перед доением коровы хозяйки совершали своеобразное ритуальное действие – брызгали первыми капельками молока на копыта корове: *Первые капельки ей на копыта. Всегда делаю. Почему – не знаю, а надо* (У-К.). По-видимому, это действие совершалось из соображений гигиенического характера: вымя коровы нужно было вымыть, первые порции молока не следовало смешивать с тем, что шло в пищу. От самой хозяйки при выполнении работы требовалась опрятность, специальная одежда и определённое поведение. Женщине запрещалось, например, доить с непокрытой головой, быть при этом неподпоясанной или босой и т.п. [Бернштам 1998: 157]. Осознавая важность соблюдения всех правил, хозяйки по христианской традиции призывали на помощь и высшие силы: *Господи, благослови!* (Влгд.); *Дай Бог здоровья своей коровушке!* (К-Г.).

Выявленный нами набор благопожелательных фраз, обращённых к женщине при доении коровы, весьма значителен: *Дай бог здоровья своей коровушке! Море под коровой! Под коровой море, река молока! Море под корову! Море под кормилицей! Море под маткой! Море под Марью! Море из-под кормилицы! Море в-под кормильницу! Море под ногами! По морю в поддоенку! Река молока, озеро сметаны, гора творога! Река молока! Молочная река! Ведро молока! Лейся, молоко, рекой! Молоко рекой! Молоко мёдом! Молоко в руки! Морем доить! Чище выдоить! Доить не передоить! К удобью! Дай Бог на полный подойник!*

Перечень этикетных формул не может, на наш взгляд, не вызывать восхищения. Это трудовые благопожелания, т.е. высказывания с коммуникативным заданием пожелания добра, блага в адрес женщины, доящей корову. Они являются стереотипными, устойчивыми единицами народного речевого этикета. Формул большое количество, заметно их варьирование.

Перейдём к рассмотрению зафиксированных благопожеланий, отмечая при этом значение формул, актуализируемые в них символические смыслы, иллюстрируя, где это оказывается возможным, примерами живого употребления, а также характеризуя структуру формул. В нашей картотеке имеются сведения и о населённых пунктах, в говорах которых регистрируются анализируемые благопожелания, однако в рамках данного раздела мы ограничиваемся только указанием районов.

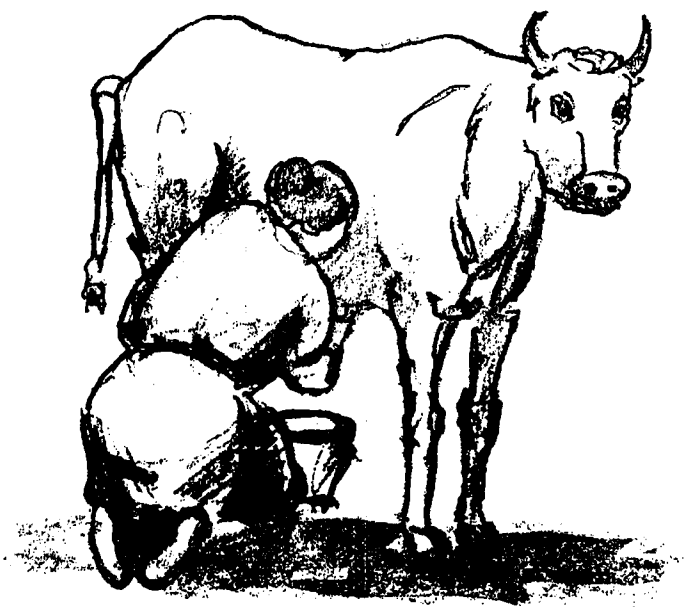
Море молока! Скажут: «Море молока!» Да мало кто на двор придёт, когда доишь. (Тарн.). *Машка-то дойт, а я говорю: «Море тебе молока!»* (Тот.). Благопожелание зафиксировано также в говорах Вологодского и Грязовецкого районов Вологодской области. Смысл благопожелания заключается в том, что женщине, доящей корову, желают *море*, т.е. большое количество, молока, – столько молока, сколько воды в море. Лексема *море* символически выражает понятие ‘много, большое количество’ и в русском литературном языке [БАС 6: 1261].

Море под коровой! Раньше-то и коров, и овец держали почти в каждом доме. Теперь уж мало у кого есь. Так когда коров-то доят, то говорят: «Море под коровой!» (Кир.). *Море под коровой, тёта Зина!* (Кир.). *«Море под коровой!» – ей говорят, а она: – «Спасибо!»* (Шексн.). *Никак Аннушка корову-то доит? Море под коровой!* (Кир.). *А вот когда коровушку-то доят, говорят: «Матушка! Море под коровой!» А ей-то отвечаешь: «Спасибо!» или «Спаси Господи!»* (Кир.). Трансформация формулы даёт такой смысл: <Я желаю тебе (вам) море (т.е. большое количество) молока>. В нашем распоряжении имеются также фиксации этого благопожелания в говорах Белозерского, Вологодского, Вытегорского, Сокольского, Сямженского, Тотемского районов.

Море под корову! Если хозяйка дойт корову, ей говорят: «Море под корову!» (Хар.). *Когда доишь корову, дак говорили у нас: «Море под корову!»* (Тот.). Благопожелание фиксируется также в говорах Великоустюгского, Вологодского, Грязовецкого и Нюксенского районов. Формула *Море под корову (коровушку, бурёнушку, кормилицу, матуху, под коровушкой)!* известна архангельским [Балакай 2001: 286], новгородским, карельским, ярославским, пермским, среднеуральским, свердловским, сибирским говорам [СРНГ 14: 349; СРНГ 18: 261]. Обратим внимание на то, что СРНГ даёт эти благопожелания без восклицательного знака. Учитывая выполняемые формулами функции (окликнуть доящую в тёмном помещении женщину, поприветствовать её, пожелать ей успеха в деле), считаем необходимым для обозначения обычно присутствующей здесь восклицательной интонации ставить этот знак.

Море под кормилицей! Море под кормилицой! (В-У.). *Кормилицей, матушкой* и другими ласковыми наименованиями корову называют в крестьянском хозяйстве, имея в виду её совершенно

неоценимую роль в жизни семьи. СРНГ фиксирует это благопожелание, а также его вариант *Море под кормилицу!* в пермских говорах и говорах Среднего Урала, а также в говорах Прибайкалья [СРНГ 14: 336; СРНГ 18: 261].

Море под кормилицей!

Море под маткой! Это благопожелание зафиксировано в Тотемском районе в составе диалогового единства: *Море под маткой!* – *Спасибо!* *Маткой* названа корова, дающая молоко. Молоко даёт отелившаяся корова, т.е. *мать*, *матка* для появившегося на свет телёнка. В русских народных говорах этим словом называют и женщину вообще, и крестную мать [СРНГ 18: 31]. В вологодских говорах словом *матка* назовут женщину по отношению к её детям, а также – но только в обращении – любую женщину [СВГ 4: 75]. Вариант *Море под матуху!* обнаруживаем в пермских и свердловских говорах [СРНГ 18: 261].

Море под кормильницу! Это благопожелание большого удоя зафиксировано в говорах Великоустюгского района. *Кормильница* – слово диалектное: оно не зафиксировано ни в нормативных сло-

варях, ни в СРНГ, ни в СВГ. В народной речи понятие 'тот, кто даёт пропитание' выражается, помимо литературных слов *кормилец, кормилица*, разными диалектными словами: *кормилка, кормильчик* [СВГ 3: 105]. Они употребляются также и по отношению к животным, ср.: *Кормильчик в стае живёт* (Сок.) [СВГ 3: 105].

Море под ногами! Благопожелание зафиксировано в говорах Сямженского района. Любопытно, что слово *молоко* здесь даже не фигурирует. *Море* – это всё то же 'большое количество, обилие'; вспомогательный компонент *под ногами* конкретизирует указание на то, откуда берётся это большое количество, обилие. Слово *вымя* тоже не произносится. Возникает некий отвлечённый образ. Возможно, это благопожелание в равной мере применимо и к ситуации доения козы.

Море из-под кормилицы! (В-У.). В этом благопожелании большого количества молока присутствует ещё один нюанс значения – молоко нужно добыть, достать *из-под коровы*.

Море под Марью! «*Море под Марью!*» – *говорят доящей корове, всё равно хоть и Анна дойт. А доярка отвечает: «Спасибо!»* (Тот.). Конкретную ситуацию, в которой прозвучало это благопожелание, восстановить уже не удастся. Но если бы корова имела кличку *Машка*, то в уважительном *Марья* мы, возможно, видели бы подчёркивание роли этого животного в домашнем хозяйстве. Не исключается, впрочем, даже представляется предпочтительным, другой вариант. В этом благопожелании могла проявиться особенность старинных народных воззрений: чтобы не повредить делу, нужно дезориентировать, «запутать» того, кто может повредить хозяйке или её корове. Упомянув некую условную *Марью*, люди верят, что отводят опасность от *Анны* или женщины с каким-либо другим именем.

Итак, самыми распространёнными благопожеланиями являются формулы со словом *море*. Оно и в литературном языке выражает значение 'много, большое количество', но не молока – *море воды, море слёз, море крови, море голов* [БАС 6: 1260]. В анализируемых благопожеланиях слово *море* обозначает большое количество молока. Слово *океан* в перечисленных формулах ни разу не встретилось. Становится понятным, что у народа, живущего вдали от моря, есть устойчивое представление о том, что именно *море* – это символ очень большого количества, обилия чего-либо жидкого.

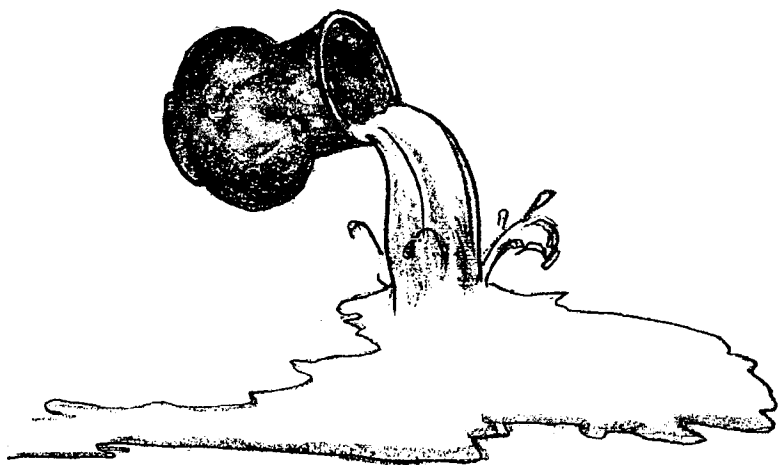
В анализируемых формулах значение 'большое количество молока' возникает за счёт вспомогательных компонентов фразеологизмов. Вспомогательный компонент выражает своё значение опосредованно: фигурирует не *молоко*, а *корова*, однако *корова* в хозяйстве существует, главным образом, для получения *молока*. Вспомогательный компонент может быть разным. Слова *корова*, *кормилица*, *кормильница*, *матка*, *матуха* при употреблении благопожеланий выступают в диалектном языке в качестве ситуативных синонимов. Они, как представляется, убедительно передают бережное, любовное, веками культивируемое отношение крестьянина к корове. Существительные могут стоять в разных падежных формах: *под корову*, *под кормильницу*, *под коровой*, *из-под коровы*, *из-под кормилицы*. Варьирование осуществляется за счёт падежа – родительного, винительного или творительного – и предлога, конкретизирующего расположение желаемого *внизу*, *под чем-то*. Понимание всех этих благопожеланий связано с конкретной ситуацией, а зависимый компонент и передаёт именно её.

Параллельно со словом *море* во многих благопожеланиях символическое значение обнаруживает слово *река*. Благопожелания с этим словом также выражают идею большого количества, обилия молока.

Река молока! Когда доят корову, дак «Река молока!» говорят (Шексн.). Если слово *море* в нашем материале, как, впрочем, и в русском литературном языке, выражает просто обилие молока, то слово *река* передаёт идею большого количества, потока льющейся жидкости [БАС 12: 1178–1179]. Так в благопожеланиях подчёркивается процесс доения. То, чего желают, выражается также через вспомогательный компонент формулы.

Под коровой море, река молока! Садисься первый раз под корову, так говорили: «Под коровой море, река молока!» (Шексн.). Иногда для усиления эффекта, для большей выразительности коммуниканты объединяют в одно целое два пожелания. Судя по приведённому контексту, фраза восходит к старинным приговорам: так хозяйка сама себе призывала, накликala удачу, т.е. большой удой молока. Возможно, уже потом фраза превратилась в доброе пожелание стороннего наблюдателя доящей женщине. Обращает на себя внимание употребление в этой фразе обоих слов – и *море*, и *река*. Почему же здесь слова расположены в порядке убывания

обозначаемого ими объёма? Потому, вероятно, что слово *река* в этой фразе рифмуется со словоформой *молока*. Многие благопожелания в анализируемой системе действительно характеризуются ритмизованной структурой. В данном случае, как кажется, такая рифмовка делает концовку фразы более энергичной.

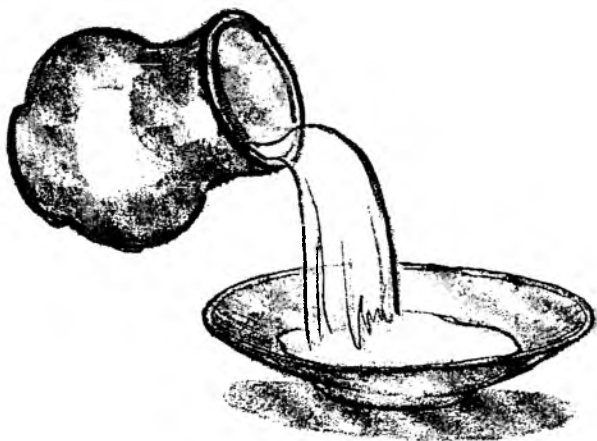
Море, река молока!

Река молока, озеро сметаны, гора творога! «*Река молока, озеро сметаны, гора творога!*» – говорят женщине, доящей корову (В-У.). Так хозяйке желают большого количества продуктов, получаемых благодаря наличию коровы в хозяйстве, – *молока, сметаны, творога*. Благопожелание строится с использованием амплификации – стилистической фигуры, благодаря которой в тексте достигается нагнетание, исчерпывающее перечисление синонимических тропов и однородных членов: *Река, озеро, гора...* – это названия больших, крупных объектов, употреблённые в символическом значении. *Река* течёт; *сметана* растекается круглым, как озеро, пятном; *гора* поднимается, возвышается. Факт фиксации этой формулы демонстрирует отменное красноречие говорящего и знание им традиционного заговора для повышения удоя молока: *Море молока, озеро сметаны, река сливок, гора творога* [Русская ведунья]. Любопытно, что слова *река* и *гора* в русском литературном языке означают ‘большое количество, много’, а слово *озеро* с таким значением оценивается словарями неоднозначно. Оно не

фиксируется Словарём русского языка в 4 тт. [МАС 12: 602], но приводится в Словаре современного русского литературного языка [БАС 8: 750].

Молочная река! «Молочная река!» – «Кисельные берега!» – обе довольны (Тот.). Как видим, здесь в отличие от формулы *Река молока!* используется согласованное определение. Реплика-стимул поддерживается репликой-реакцией аналогичной структуры. Явно ощущается фольклорное происхождение этого диалогового единства. *Молочные реки и кисельные берега* фигурируют, как известно, в сказках о сытой и привольной жизни [МАС 2: 294].

Лейся, молоко, рекой! (Ник.). Это благопожелание, но обращено оно не к хозяйке коровы, а к желанному продукту – молоку. Сравним с уже приведённым ранее приговором: «Бежи, молочко, рекой!» (Ник.). Определённую роль здесь играет употребление существительного *рекой* в наречном значении: *лейся рекой*, ср. в литературном языке: *слёзы рекой*, *слова рекой*. Такие явления, как пожелание самому себе или пожелание не работнику, а продукту хозяйственной деятельности, наблюдаются и в некоторых других ситуациях.

Лейся, молоко, рекой!

Молоко рекой! – «Петровна! Корову доишь? Молоко рекой тебе!» – когда корову доят, желают молока рекой (Сямж.). Возможно, это преобразование предыдущей формулы. Но меняется

характер интонации, смещается смысловой акцент: <Пусть молоко тебе (вам) льётся рекой>. Наречное употребление слова *рекой* 'широким потоком, обильно, в большом количестве' знает и русский литературный язык: *слёзы рекой* [МАС 3: 702].

Отдельную группу благопожеланий образуют формулы с главным компонентом, выраженным глаголом. Они также имеют общее значение пожелания хорошего, большого уdoa.

Морем доить! (Кад.). Это тоже пожелание большого уdoa, пожелание, чтобы было большое количество, *море* молока. Словоформа *морем* выступает здесь в наречном значении – 'обильно', ср. в литературном языке: *литься рекой*. Но форма *морем* с таким значением не фиксируется нормативными словарями [БАС 6: 1260–1261].

Доить – не передоить! *Доить – не передоить!* – *на хороший удой* (В-У.). В структурном отношении это благопожелание вписывается в общий ряд широко известных благопожеланий *Возить – не перевозить!* *Таскать – не перетаскать!*, употребляемых обычно при уборке урожая. По существу это тоже пожелание большого, обильного уdoa. В этой формуле нет слов с символическим значением. Используемые однокоренные инфинитивы совокупно с отрицанием *не* подчеркивают обилие, большое количество получаемого молока.

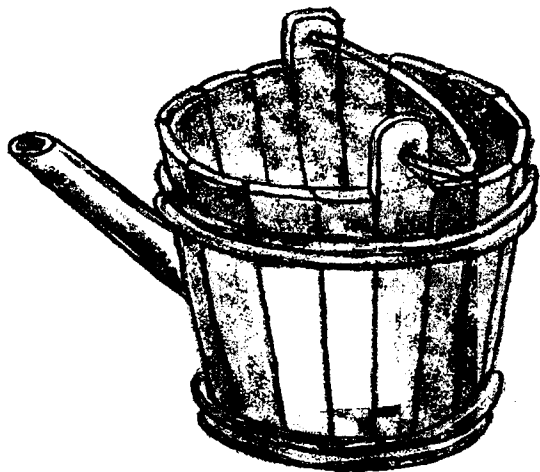
В нескольких благопожеланиях большой объём полученного молока обозначается с помощью наименования сосуда для доения.

Ведро молока! «*Ведро молока, хозяйка! Хороши удои-то?*» (Тот.). Формула фиксируется также в говорах Шекснинского района. В этом пожелании большого количества надоенного молока используется метонимия: *ведро* 'сосуд, ёмкость' – *ведро* 'количество надоенного молока'. При пожелании какого-либо измеряемого продукта подобные метонимические переносы обычны: *Яма картови!* – при уборке урожая картофеля; *Угол шерсти!* – при стрижке овцы и т.д. В русских народных говорах в ситуации доения коровы фигурируют и другие названия вместилищ, сосудов, ёмкостей – *ведро*, *дойник*, *подойник* [ЯОС 6: 55–57], *подойница*, *подоенка* [СВГ 7: 102] и др. Важно при этом заметить, что традиционно использовавшийся для доения деревянный сосуд был довольно большим, широким и вмещал в себя около 10 литров моло-

ки. Следовательно, пожелание *Ведро молока!* – это тоже пожелание большого количества продукта.

По морю в подбёнку! (В-У.). Имеется в виду, что желают каждый раз, в каждое доение (*утреннее, дневное и вечершное*, как говорят на севере) получать в сосуд для доения *по морю молока*, т.е. по большому объёму продукта. Деревянный сосуд с носиком, предназначенный для доения молока, называли диалектными словами *подбёнка, подбёница*. *Подбёнку бери на мосту да иди дой корову. Чуешь, рыкáет?* (Сямж.). *Корова утром только половину подбёнки надоила* (В-У.). *Подбёнка это была. А на штё её сейчас, как коровы не держу?* (Ник.). [СВГ 7: 102]. Как видно из примеров, половина *подбёнки* – это небольшое количество молока. Хорошая корова называлась *ведёрницей*, поскольку давала по целому ведру, по целой *подойнице* молока: *Корова-то у нас ведёрница была* (Межд.). *Корова-то ведёрница, много даёт молока* (Сок.) [СВГ 1: 59].

Дай Бог на полный подойник! «*Дай Бог на полный подойник!*» «*Спасибо!*» (Тарн.). Речь также идёт о пожелании обильного удоя. Под влиянием христианской традиции в благопожелании происходит объединение христианского и прагматического мотивов: <*Дай Бог молока на полный подойник*>.

Дай Бог на полный подойник!

В кругу зафиксированных формул встречаются и такие благопожелания, в которых содержится пожелание молока с хорошим вкусом.

Молоко мёдом! (Вож.). Это пожелание, чтобы молоко было, как и мёд, вкусным, приятным, казалось сладковатым. Образ мёда в народной системе речевого этикета всплывает не однажды. Так, по нашим наблюдениям, женщине, наполняющей ведро водой, также желают: *Водица мёдовица!* Т.е. вода должна показаться вкусной, приятной, должна доставить человеку удовольствие. Для мёда важным качеством является его сладость, для молока – его неповторимый, специфический сладковатый вкус и достаточная жирность. Любопытна в этом отношении фиксация, однако без указания географии, диалектного благопожелания *Маслом цедить, сметаной доить!* в Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакая [СРРЭ 2001: 255].

Выделяется и группа благопожеланий, касающихся самого процесса доения.

К удобию! К удобию! – пожелание хозяйке, которая доит коров (В-У.). *Удобье*, по данным словаря В.И. Даля, – это ‘свойство и состояние удобного, способствующего, содействующих обстоятельств; сподручность, способность’, а *удобить* – это ‘делать удобным, приспособливать’ [Даль 4: 473]. Приводимая в этом словаре поговорка *Удобье всякому делу подспора* как нельзя лучше оттеняет общий смысл благопожелания – <Пусть доить корову будет удобно, пусть удастся приспособиться к её нраву и поведению>. Широко известны распространённые жалобы женщин: «Корова не отдаёт молока». Если же корова стоит хорошо, хозяйку к себе подпускает, не лягается и не бодается, не размахивает хвостом, не опрокидывает ведро, то удобно и хозяйке, и корове. Так что пожелание *К удобию!* при доении коровы оказывается очень подходящим.

Молоко в руки! «Корову доить пошла? Молоко тебе в руки!» (Сямж.). *Нынче соседка доила корову, дак и я как раз тамо была. И говорю: «Молоко вам в руки!»* (Сямж.). Это – тоже пожелание удачной дойки, пожелание, чтобы молоко добывалось легко, без затруднений. Машинное доение – изобретение недавнего времени, а основным «орудием» доения всегда были руки хозяйки. Потому и сейчас от старых информантов слышишь: «Руки больные, не могу

ображаться». Но, как представляется, это благопожелание создаёт ещё и эффект бережного отношения к молоку: драгоценна каждая его капелька, ни одна из них не должна пропасть без пользы.

Чище выдоить! (Кад.). Качественное доение – залог здоровья коровы. Если её не доить должным образом, то отягощённое молоком вымя причиняет корове неудобство и животное беспокоится. Если же допускать это систематически, корова заболевает.

Таким образом, основные мотивы анализируемых благопожеланий – это большое количество молока (*море, река, ведро, подойник*), вкусовые качества молока (*Молоко мёдом!*), удобство действия (*К удобью!*), хороший результат действия (*Чище выдоить!*). В приведённом наборе языковых формул используются только благопожелания. Негативных, недобрых пожеланий в описанной ситуации не зафиксировано. Исключение, быть может, составляет реплика *Чтобы коровушка злой ходила да чёрта родила!* (Вож.). Однако строгой привязки к ситуации доения коровы эта фраза не имеет.

Исторически подобные пожелания восходят к приговорам, заклинаниям, которые необходимо было произносить перед началом важного дела. Традиция использования благопожеланий в анализируемой ситуации очень древняя. Известно, что употреблялись они и в античные времена. Так, в латинском языке засвидетельствовано благопожелание *Sic cytiso pastae distendant ubera vaccae! Да раздуются (от молока) сосцы твоих коров, вскормлённых клевером* [ЛРС 1986: 707]. В русской культуре при формировании набора этикетных формул для этой ситуации свою роль сыграли древние языческие представления народа, соответствующие им заговоры, а также уже более поздние христианские молитвы.

Вологодские благопожелания функционируют в речи как живые единицы. Их состав может осложняться вокативами (*Море под корову, Клавдия!*), указанием адресата: *Море (тебе, вам) молока! Молоко (тебе, вам) в руки!* Ряд формул имеет парадигму (*Молоко в руки! – Молока в руки!*).

В составе рассмотренных благопожеланий используется несколько диалектных слов, придающих формулам местный колорит (это существительные *кормильница, мятка, подбёнка, удобье*, предлог *в-под*). Но и общерусские слова, своеобразно комбинируясь для выражения благопожелания, создают неповторимый, отличающийся от литературного языка эффект (*Молоко в руки!, Морем доить!, Море под Марью!, Море под ногами!* и др.).

Многие благопожелания функционируют в составе диалоговых единств, т.е. на эти пожелания обычно даются ответы: 1) – *Море под коровой!* – *Река молока!* (Шексн.). 2) – *Море под коровой!* – *Спаси Господи!* (Кир.). 3) – *Море под коровой!* – *Спасибо!* (Кир.). 4) – *Море под коровой?* – *Спасибо!* (Шексн.). 5) – *Дай Бог на полный подойник!* – *Спасибо!* (Тарн.). 6) – *Молочная река!* – *Кисельные берега!* (Тот.).

В первом случае видим благопожелание и следующую за ним оригинальную реплику-реакцию, поддерживающую благожелательную тональность общения и свидетельствующую о том, что адресат настраивается на заданную ему волну приятного общения. Во втором и третьем примерах ответом служат формулы благодарности, сформировавшиеся под влиянием христианской традиции (*Спаси Господи!* и *Спасибо!* < *Спаси Бог!*). В четвёртом случае звучит этикетный вопрос, равносильный благопожеланию, и реакция-ответ, в которой звучит формула благодарности *Спасибо!* В пятом диалоговом единстве – и в реплике-стимуле, и в реплике-реакции – видим христианские мотивы. В шестом случае наблюдаем диалоговое единство с явно ощущаемой образностью, которая свидетельствует о фольклорной маркированности фраз. В процессе общения, как представляется, обе реплики таких диалоговых единств были одинаково обязательными. Неиспользование реплики-ответа, неумение или нежелание её озвучить обычно воспринималось коммуникантами как неучтивость.

В речи жителей одной местности возможно употребление разных формул. Так, в д. Куракино Кадуйского района записаны формулы глагольного типа *Морем доить!* и *Чище выдоить!* В говоре деревни Горбачёво Великоустюгского района зарегистрированы благопожелания *Море в-под кормильницу!* и *Море из-под кормилицы!* В деревне Мякинницыно Великоустюгского района возможности выбора оказываются шире: *Река молока, озеро сметаны, гора творога!*, *Море из-под кормилицы!*, *Доить – не передоить!* Возможность выбора – свидетельство того, что диалекты позволяют избирать приветствие сообразно со вкусом и фантазией говорящего. Умение использовать разнообразные языковые средства характеризует развитое языковое чутье и тонкий эстетический вкус носителей диалекта.

В традиционной русской деревне использованию этикетных выражений в различных ситуациях учили намеренно: *А как женщина на реке бельё-то полощет да ты мимо идёшь, скажи «Набелёнько!» И она тебе «Спасибо!» скажет. А как женщина корову доить станет, Море под коровой! говорят* (Кир.). Дети чувствовали ситуацию, наблюдали за общением взрослых, воспринимали необходимые реплики диалоговых единств, учились их правильно и к месту употреблять.

Некоторые наши информанты дают сведения о том, что в их говорах ситуация доения коровы словесно не оформляется. Поэтому в отдельных населённых пунктах пожелания знают, но отмечают, что звучат они редко: *Стоит корова, дак хозяйка закрывается. Иначе она не отдаёт молока. Надо тишина* (Кир.). В Кичменгско-Городецком районе собеседники сообщили диалектологам, что корову вообще доят *пóтайно*, т.е. 'тайно, скрытно'. Объяснили это так: доение коровы – действие, не подлежащее наблюдению чужих глаз, поэтому желать что-либо хозяйке в этом случае запрещается, чтобы «не сглазить», не причинить вреда. Таким образом, имеются основания говорить о характерном для некоторых говоров тематическом табу. В других же говорах этикетные формулы, оформляющие ситуацию доения коровы, свободно функционируют. Информанты подчёркивают своё знание этикетного поведения в этой ситуации: – *Море под коровой!* – *Река молока!* – *Всё время говорят, ешиш не брошено. Старый-то народ говорит, всё-таки мы ешиш держимся, а молодой – нет* (Кир.).

Наши наблюдения над ареалами исследуемых формул ещё только начинаются. Однако некоторые факты уже обращают на себя внимание. Сравнение вологодских материалов с данными Ярославского областного словаря убеждает в том, что подобный набор изучаемых формул существует и в ярославских говорах: *Ведро молока! Дойник молока! Молоко рекой! Молоко ручьём! Море молока! Река молока! Колодец молока! Родник молока! Спорынья в молоко! Спорынья в дойник!* (ЯОС 6: 55–57). Ярославская и Вологодская области – это зоны традиционного животноводства, и там не могли не появиться эти эстетически совершенные формулы. Ввиду отсутствия законченных диалектных словарей других территорий преждевременно судить о бытовании подобных благопожеланий в Архангельском, Костромском, Вятском или каких-то

других регионах. В Словаре русских говоров Карелии в словарных статьях *ведро, кормилица, молоко, море, река, корова, дойник, мёд* и др. аналогичная информация не обнаружена, хотя в составе словника этого словаря встречаются даже некоторые поговорки, например: *Молоко у коровушки на языке* (СРГК 3: 251).

В вологодских диалектах, в отличие от говоров многих других территорий, система трудовых благопожеланий сохраняется. Вологодчина, таким образом, попадает в зону сохранения архаики. На Русском Севере было много очень маленьких изолированных сёл, деревень, хуторов, сохранялось больше частных, индивидуальных крестьянских хозяйств. Вследствие этого сохранялись не только такие известные культурные ценности, как монастыри, иконы, старинные книги, но и единицы народного речевого этикета.

Система вологодских диалектных благопожеланий подвижная, динамическая. Наблюдения показывают, что многое в ней архаизируется. Наблюдаются случаи дестимологизации, затемнения первоначального значения формул. Происходит разрушение стереотипных блоков, диалоговых единств. Уходит из жизни старшее поколение, и старинный этикетный лексикон оказывается в пассивном запасе диалектов. Вместе с тем с течением времени появляются и новые, ранее неизвестные формулы.

В настоящее время российское животноводство переходит на промышленную основу. Теперь в редкой вологодской семье селяне держат корову. Создаются большие новые хозяйства, осуществляется автоматизация животноводства, и в сельские магазины привозят молочные продукты в пакетах «Tetra-Pak». В этих условиях, как представляется, исчезает трепетное отношение человека к столь важному и любимому в каждой семье животному и, следовательно, к процессу его доения. Необходимость произносить ритуальные благопожелательные слова утрачивается. Но традиции вежливого, этикетного общения людей и соответствующий им набор формул заслуживают детального изучения и должны запечатлеться в народной памяти.

2. Благопожелания при стрижке овцы

Материалы Словаря вологодских говоров и его обширной картотеки позволяют говорить о высокоразвитой у жителей Севера культуре овцеводства. Разведение овец в вологодской деревне было необходимой отраслью хозяйства: она давала крестьянину продукты питания, одежду, обувь. Сельские жители с присущей им скрупулёзностью обозначают отдельными наименованиями овцу вообще (*ягну́шка, ягу́шечка, ягу́шка, яру́шка, я́ра*); молодую овцу (*ма́тёрка, я́рочка, яру́шка*); овцу, у которой вскоре будет приплод (*ягница*); овцу, которая объягнилась в первый раз (*ярица*); ягнёнка (*ягнёнчик, ягнетко, ягнятко, ягняти́шко, ягушек*); маленькую овечку (*ягу́шка, ягну́шка, яру́шка, яру́шечка*); барана (*яру́н*), непослушную овцу (*яга́рма*) и т.д. Многочисленные наименования овец имеют в своей основе звукоподражательные ассоциации (*ба́ша, бя́ша, ча́га, ча́ка, че́га, че́ка, чи́га* и др.). Наименования овец по цвету шерсти (*се́равка*) оказываются менее актуальными, вероятно, ввиду того, что разные породы овец на северных территориях практически не разводились.

Ситуация стрижки овцы обнаруживает некоторые прагматические особенности. Перед планируемой стрижкой овцу хорошо кормили, в корм добавляли муку и другие питательные продукты. Стригли овечку, заводя её *на зъед* или *на звоз* – деревянный настил, ведущий *на повить*. Шерсть, чтобы она была достаточно чистой и не сваливалась, отбрасывали в определённый угол. Во избежание испуга животного держать его за голову доверяли детям. В хозяйстве были специальные ножницы. По окончании стрижки в них со значением ‘*пусть всегда будет что стричь!*’ вкладывали клочок шерсти. Над овечкой в завершение процесса производили магическое движение рукой с клочком шерсти и произносили пожелание снова обрести «шубкой» и приходиться уже третьей по счёту – т.е. родив двух здоровых ягнят. Главная черта ситуации стрижки овцы, в отличие, например, от ситуации доения коровы, – доступность для наблюдения посторонними. Следовательно, ситуация не могла не породить специальных оборотов речи. Все они демонстрируют реализацию в народных говорах коммуникативного принципа вежливости, этикетности общения.

Пух под ножницы!

Круг зафиксированных благопожеланий весьма широк: *Бурак шерсти! Корзину шерсти! Короб шерсти! Полные короба шерсти! Готовь три короба! Пестерь шерсти! Пуд шерсти! Шерсти угол! Шёрстки гора встречу! Дай Бог тебе шубу (шубку)! Руно шерсти! На большое (полное) руно! Полного руна! Тёплые валенки да рукавицы! Шерсть – нитки! Пух под ножницы! Шелкова волоса! Шерсть на шерсть!* и др.

Требуют некоторого комментария использованные в благопожеланиях слова. *Бураком, коробом, пестерём* в народных говорах севера России называют большую корзину с двумя ручками, сплетённую из берёсты или дранок. Корзина предназначена для переноски сена, травы, мха, белья или ещё чего-либо объёмного, в нашем случае – шерсти. Слово *бурак* шире распространено в западных районах края, *пестерь*, напротив, – в восточных районах Вологодской области.

Интересно употребление в приведённых благопожеланиях слова *руно*. *Руном* в русском литературном языке называют шерсть

овцы. Ценится тонкое руно, поэтому культивируют тонкорунных овец. Вспомним также древнегреческое мифологическое *золотое руно* – «золотую» шкуру барана. Но всё это – и значение ‘шерсть овцы’, и значение ‘шкура овцы’ – имеет лишь косвенное отношение к записанным в деревенской речи благопожеланиям. Оказывается, на вологодской территории, по данным Словаря русских народных говоров, слово *руно* известно в значении ‘стадо овец’. Такая запись сделана в Верховажском районе Вологодской области в 1849 г. А это означает, что в анализируемых трудовых пожеланиях *На большое (полное) руно! Полного руна!* главный мотив – это пожелание большого количества овец в стаде.

Анализ семантики изучаемых этикетных выражений вызывает определённый интерес. В вологодских говорах частотными являются пожелания большого объёма настригаемой шерсти (*Готовь три короба! Пуд шерсти! Бурак шерсти! Корзину шерсти! Полные короба шерсти! Пестерь шерсти! Рулон шерсти! Шерсти угол! Шёрстки гора встречу!*). Фиксируются и пожелания такого количества шерсти, которого было бы достаточно для изготовления каких-либо конкретных предметов одежды (*Дай Бог тебе шубу! Тёплые валенки да рукавицы! Шерсть – нитки!*). Важными являются пожелания хорошего качества шерсти (*Шелкова волоса!*), а также пожелания удобства процесса стрижки (*Пух под ножницы! Шерсть на шерсть!*). *Руно шерсти!* – здесь, возможно, слово *руно* выступает в значении меры настриженной шерсти. *На большое руно! На полное руно! Полного руна!* – это пожелания сохранения стада. Все эти благопожелания обращены к хозяину и стоят особняком от пожеланий здорового потомства овце (*Приходи сама третья! Сама третья!*). Негативные, недобрые пожелания, как-то произносятся в иных ситуациях, здесь не зафиксированы вообще.

Особенности употребления изучаемых благопожеланий сводятся к тому, что они функционируют в составе диалоговых единств: *На полное руно!* – *говорят тому, кто овец стрижет. А тот отвечает: «Спасибо!»* (Жир.). *Вот если я корову дою, так ты мне говоришь: «Море под коровой!» А овец стригут, так – «Шёрстка к шёрстке!»* (У-К.).

Структура благопожелания может изменяться. Так, она развёртывается за счёт указания адресата (*тебе, вам*), осложняется обра-

щениями (*Бурак шерсти, хозяин, хозяйюшка! На большое руно, Мишка! Шерсть на шерсть, Николай Иваныч!*), варьируется в результате изменения порядка слов (*Шерсти бурак! – Бурак шерсти!*). Иногда общее трудовое пожелание (*Бог в помощь!* или *Труд на пользу!*) предшествует специальному, конкретно-прагматическому пожеланию: *Бог в помощь, хозяева! Шерсти бурак!* (Ник.).

В СРРЭ подобные благопожелания *Пуд шерсти!* и *Шёрстка на овечку!* включены в группу 'приветствие при встрече'. Думается, однако, что функция анализируемых благопожеланий предполагает достаточно широкий спектр побуждений: необходимо окликнуть занятого работой человека, поприветствовать его, высказать пожелание хорошего результата в работе, пожелать хозяину здорового приплода у животного и т.д.

Наблюдения, проведённые над ареалами бытования таких этикетных формул, пока не выявили чёткой картины. На территории, особенности говоров которой представлены Ярославским областным словарем (Ярославская и Костромская области), словарные статьи *бурак, корзина, пестерь, пуд, пух, руно, шёрстка, шерсть, угол* трудовых благопожеланий не содержат. Возможно, целенаправленный сбор материала такого рода и не проводился. Впрочем, аналогичная прагматическая ситуация доения коровы в этом словаре, как и в Словаре вологодских говоров, представлена большим количеством совпадающих единиц, что позволило ожидать обильного материала и в ситуации стрижки овцы.

По-видимому, ареальная характеристика данных формул вежливости, а также их полный перечень будут установлены лишь по завершении сбора материала для создаваемого в настоящее время общенационального Лексического атласа русских народных говоров. Однако подобные обороты речи уже составляют архаический пласт народной культуры и фиксировать их удаётся не всем и не везде. Так, профессор Псковского педагогического института Л.Я. Костючук, отреагировав на наше сообщение по данной проблематике, уверенно сказала, что в говорах Псковской области подобный материал сейчас не фиксируется: Великая Отечественная война по той территории прошла с непоправимыми последствиями для всего местного населения и его говоров. Вологжане же могут гордиться сохранением (пусть даже в пассивном запасе языка) подлинных жемчужин народной речи.

3. Благопожелания при забое домашнего животного

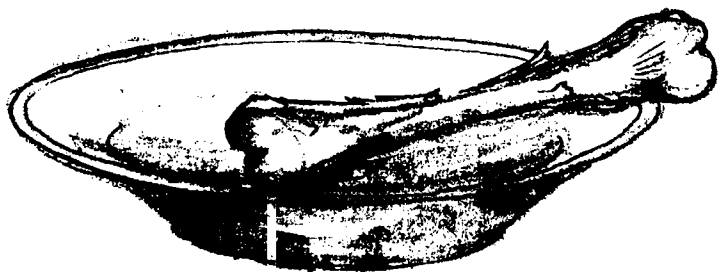
Словарь вологодских говоров и проведённые нами экспедиционные наблюдения позволяют представить материал по этикетным выражениям, произносимым в такой, казалось бы, неэтикетной ситуации, как ситуация забоя скотины на мясо. Считая, что сама эта работа не для слабонервных наблюдателей, В.И. Белов справедливо пишет: «Мало красивого в этом зрелище» [Белов 1989: 230]. Тем удивительнее, что в народной традиции эта ситуация породила множество красивых оборотов речи, сглаживающих тягостное впечатление от остроты момента.

Так, скотину, по данным Словаря вологодских говоров, не *резали*, не *забивали*, а *рушали*, *нарушали*, *сбавляли*, *убавляли*, *убирали*... В этом перечне глаголов обращают на себя внимание эвфемизмы, то есть наименования, смягчающие остроту восприятия. То, что кажется не вполне этичным или грубым назвать прямо, конкретно, соответствующим законным именем, в народе называется смягчённым, деликатным способом: *сбавляли*, *убавляли*, *убирали*...

А круг зафиксированных в народной речи благопожеланий человеку в этом трудном деле (как при каждом виде работ, они используются и здесь) просто поражает своей широтой и яркой образностью: *Мясо – сахар! Сахар – мясо! Мясо сахарное! Сахар да мясо! Мясо – сало! Рена – сало! Ведро сала! Спорина в мясо! Со свежиной! Со коровушкой! Со скоромьем! Без греха на ножге! Лыткой по загривку!* Не исключено, что это отнюдь ещё не полный перечень.

Центром группы таких благопожеланий являются формулы *Мясо – сахар! Сахар – мясо! Мясо сахарное! Сахар да мясо вам!* Все четыре выражения базируются на сравнении мяса с сахаром. Мясо должно быть приятным, вкусным, «сладким, как сахар». Напрашивается сопоставление этих формул с литературным наименованием *сахарная косточка* – ‘кость с губчатым строением ткани’. Такая кость по внешнему виду похожа на сахар. Известно, что при варке бульона из *сахарной косточки* он получается особенно вкусным, ароматным. Таким образом, и в диалектах, и в литературном языке сравнение мяса с сахаром – дело обычное, продиктованное особенностями народного видения жизни. Однако если в литературном языке при назывании косточки учитывается её сход-

ство с сахаром по внешнему виду, то в диалектах в основе формул благопожелания лежат вкусовые ощущения.

Мясо – сахар!

Мясо – репа! Репа – сало! Нигде, кроме вологодских говоров, эти выражения пока не зафиксированы. Но аналогичное выражение *Репа мясо!* было записано, по данным Словаря русских народных говоров, в 1873 г. в сибирских говорах: *Мяснику говорят – Репа мясо! А он – Режь да ешь!; А ты бы сказал: Репа мясо! Дай тебе, Господи, этим заговеться, этим в Христов день и разговеться.* Упоминание *репы* здесь не случайно: свежая, крепкая репа является плотной, приятной, сладковатой на вкус. Мясо, по замыслу говорящего, должно быть таким же. Следовательно, фраза *Репа мясо!* – это пожелание, чтобы мясо было плотным и вкусным, сладковатым, как репа.

Ведро сала! Главная идея этой формулы – пожелание большого количества получаемого ценного продукта. В традиционной народной культуре пожелание большого количества какого-либо продукта наиболее частотно, сравним: *Пуд шерсти!* – пожелание большого количества овечьей шерсти при стрижке овцы; *Море молока!* – пожелание хозяйке большого количества молока от коровы и т.д. Однако в ситуации, когда хозяин режет скотину, пожелание большого количества сала, а не мяса может с точки зрения нашего современного ощущения рассматриваться как пожелание от обратного: если пожелают много сала, то, наоборот, будет много того, что требуется, т.е. мяса. Сравним с литературным пожеланием удачи: *Ни пуха ни пера!* или с пожеланием *Скатертью дорожка!*, первоначальный смысл которого противоположен современному: ‘пусть дорога будет ровной, гладкой, как скатерть’.

Мясо – сало! Судя по этому необычайно интересному выражению, крестьянский люд ценил не постное, а калорийное, питательное мясо – с необходимым количеством жира, «с жиринкой». Именно такое мясо даёт энергию труженику, занятому на тяжёлых сельскохозяйственных работах. Впрочем, здесь также не исключается и использование «обратной» идеи пожелания: пожелают сала – будет мясо.

Споринá в мясо! Старинное слово *споринá* означает успех, удачу, прибавку в чём-либо. Словарь русских народных говоров фиксирует его в таких этикетных выражениях: *Споринá в квашню!* *Споринá в тесто (встряню)!* *Споринá в дело!* *Споринá в корыто!* *Споринá в крósна!* *Споринá в руки!* *Споринá в торз!* *Споринá во всём!* [СРНГ 40: 224–225]. Как видим, таких этикетных выражений со словом *споринá* в русских говорах много, но вологодское благопожелание в этом самом полном диалектном словаре не фиксируется.

Со свежинóй! В Тотемском районе зафиксирована реплика *Со свежинóй, Анна! Ужó придем пробовать!* *Свежинóй* или *свежинóй* в вологодских диалектах, по данным Словаря вологодских говоров, называют свежее мясо или рыбу, а также кушанья из них [СВГ 9: 101]. Этим приветствием, следовательно, хозяев поздравляют со свежим мясом и с возможностью есть приготовленную из него сытную, доброкачественную пищу. Напрашивается сравнение с пищей из хранившегося длительное время солёного мяса: вспомним, что холодильников не было, а хранение на льду в погребе или каким-то иным способом не обеспечивало должного качества мяса.

Со коровушкой! Семантика этого приветствия вызывает особый интерес. Казалось бы, хозяев не следует поздравлять с тем, что они лишились коровы. Нередко к решению зарезать корову приводят какие-то неблагоприятные причины (низкие удои, бесплодие животного, его болезнь). В этом приветствии опять возможна идея противоположного свойства: расставшись с этой коровушкой, хозяин должен, может, как того ему желают, обзавестись новой коровой. Обращает на себя внимание форма предлога: вместо ожидаемого *с* (ср.: *с козочкой*) наблюдаем вариант с незакономерным здесь гласным звуком – *со*: *Со коровушкой!* По-видимому, эта застывшая, архаическая формула сохраняет, невзирая на общую закономерность произношения подобных предлогов, народнорече-

вую звуковую особенность: произношение становится вокализованным, плавным, приятным на слух. Попутно заметим, что в условиях вологодского, полного типа оканья в благопожелании будет звучать три одинаковых гласных звука [o].

Со скоромьем! В этом выражении прозвучат также три (а в условиях ёкающего говора – даже четыре) гласных звука [o]. *Скоромной* называют запрещённую церковными правилами к употреблению в постные дни мясную и молочную пищу. Лексема *скоромье* не фиксируется словарями – это местное, диалектное слово. Семантика выражения такова: по окончании длительных постов, во время которых продукты животного происхождения не рекомендовались к употреблению, возможность есть мясную пищу казалась праздником и порождала, как видим, поздравления.

Без греха на ноже! В ситуации забоя скотины проявилось благопожелание, характер которого определён христианскими представлениями: если убийство живого существа – грех, то очень важно пожелать, чтобы на орудии убийства греха не значилось. У некоторых народов, как известно, в такой ситуации даже читаются специальные молитвы. При анализе этикетных пожеланий, записанных в других ситуациях, нам уже приходилось отмечать своеобразное сочетание языческих и христианских благопожеланий. Так, при сбивании масла тоже говорили *Гусни, хрясни, дай Бог масла!* Здесь первая часть благопожелания порождена ритмическими действиями, вторая – христианскими верованиями. Повторим здесь и ранее цитированное: *Рена мясо! Дай тебе, Господи, этим заговеться, этим в Христов день и разговеться.*

Лыткой по зазривку! – это, по-видимому, шуточное пожелание человеку, который режет скотину. Слово *лытка* в говорах имеет множество разных значений, однако все они так или иначе связаны с понятием ‘нога’. Среди них есть и значение ‘пятка’. Можно полагать, что приветствующий желает хозяину, чтобы действие осуществлялось энергично, но просто, легко, как движение ног. Шуточный характер формулы, как кажется, достигается двусмысленностью выражения: возможно, следует подумать о том, кто кому нанесёт удар. Хотя, не исключаем, что у этого выражения какая-то иная основа. Но какая? На этот вопрос пока не удаётся найти ответ.

Итак, в народном сознании ситуация забоя животного на мясо оформляется благопожеланиями. Что желают хозяину в рассматриваемой ситуации? Желают хорошего, словно бы сладкого на вкус мяса (*Сахар – мясо! Мясо – сахар! Мясо сахарное! Сахар да мясо (вам)!;* удачного протекания самого процесса (*Без греха на ножге!;* эмоциональной разрядки с помощью шутки (*Лыткой по задривку!;* Хозяев поздравляют со свежим мясом (*Со свежиной!;* с возможностью употреблять скоромную, а не постную пищу (*Со скоромьем!;* радуются возникающей необходимости обзавестись новой, лучшей по своим природным данным коровой (*Со коровушкой!;*

Исследуемые формулы благопожеланий в вологодских народных говорах могут варьироваться за счёт изменения порядка слов (*Сахар – мясо! Мясо – сахар!;*) и за счёт указания адресата (*тебе, вам*). Иногда они осложняются обращениями (*Со скоромьем, хозяин! Со скоромьем, хозяйка!;*). Особенность набора анализируемых этикетных выражений состоит в том, что все они представляют собой фразеологические единицы. Однословных благопожеланий в этой ситуации не отмечено. Некоторые формулы являются не просто благопожеланиями, а фразами-поздравлениями (*Со коровушкой! Со свежиной! Со скоромьем!;*

Как правило, подобные благопожелания функционируют в составе диалоговых единств: за этикетной формулой приветствия, благопожелания следует ответная реплика, звучат слова благодарности: *А скотину режут, дак «Сахар – мясо!» говорят. А он отвечает: «Цапай горстью!»* (Сямж.). *«Мясо – сахар!» – «Сцапай горстью!» Это уж когда скотину какую убирают* (К-Г.). В процессе полевых исследований нами зафиксированы различные ответы: *Мясо – сало!, Спасибо!, Цапай (сапай) горстью!, Сцапай горстью!, Проходи, отведай!, Режь да ешь!* Как видим, общая идея большей части реплик-ответов заключается в том, что хозяин может угостить соседа, готов поделиться с очевидцем события. Впрочем, не исключено, что реплики-благопожелания в этой ситуации часто произносятся именно в расчёте на угощение.

Особая ценность фиксации рассмотренных благопожеланий заключается в том, что они отсутствуют и в нормативных, и в диалектных словарях русского языка. Исключение составляет лишь формула *Рена – мясо!* Она приводится в Словаре русских народных говоров с пометами *сибирское, свердловское* [СРНГ 34: 65].

Эти трудовые пожелания уже, безусловно, составляют область устаревших этикетных выражений. Их трудно фиксировать. Сейчас они упоминаются только тогда, когда диалектологи просят рассказать, как общались люди в поколении старших родственников. Чтобы услышать подобные реплики, нужно побывать в настоящей вологодской глубинке.

Однако ещё совсем, по меркам истории, недавно, в 1989 г., в деревне Скочково Никольского района была сделана запись, свидетельствующая о том, что этикетному поведению в такой ситуации старшие люди специально учат детей: *Пойдёшь, дак скажи: «Сахар – мясо!» У них быка режут, пусть тебя похвалят, что хорошая девочка.*

Попытка получить какие-либо сведения в среде местных торговцев на вологодском рынке не дала абсолютно никакого результата. Не слышали, не говорили, не знают... Что ж, по-видимому, этот пласт культуры безвозвратно уходит в прошлое.

§ 4. Благопожелания в сфере промыслов и ремёсел

Традиционно русская деревня обеспечивала себя почти всем необходимым. Число промыслов и ремёсел, развитых в Вологодской губернии, было очень значительным. В вологодской глубинке работали гончары, кружевницы, кузнецы, лесорубы, охотники, печники, плотники, сплавщики леса, ткачи, шерстобиты и мн. др. [Ехалов 2010]. Очень часто в процессе коммуникации люди обращались к ремесленникам, выражая им своё почтение, уважение, подчёркивая такое отношение употреблением специфических благопожеланий. Коммуникантам надлежало знать, что именно необходимо было сказать, желая успеха тому или иному мастеру.

1. Благопожелания при ткачестве

В настоящее время домашнее ткачество как ремесло исчезает, остается лишь в музейной практике. Действующие экспозиции с ткацким станком мы видим теперь в музеях-заповедниках, в краеведческих музеях, школах традиционной народной культуры. Сейчас никому уже не придёт в голову вручную ткать полотно. Если вообще в быту ткут, то ткут в основном половики.

В недавнем прошлом, судя по этнографическим источникам и материалам Словаря вологодских говоров, *крóсна*, или ткацкий станок, были в каждом крестьянском доме: *Вот у меня мать на крóснах тка́ла* (Гряз.). *Принóсят в избу, уже́ начина́ют на крóсна навива́ть* (Тот.). *Крóсны-то ра́ньше не баси́ли* (Тарн.). *На крóснах я половики́ тку сейча́с* (Межд.) [СВГ 4: 3]. Крестьянский люд был одет практически в ткани собственного изготовления – в *домотка́нину*, *домотка́ницу*, *домотка́нник*: *Домотка́ницу са́ми тка́ли да и носи́ли* (Тарн.). *Пре́ж ши́ли-то из домотка́нника* (Тарн.). *У мно́гих ве́дь не́ было ши́лковиц на Трóицию-то, вот и одева́ли домотка́нники* (К-Г.) [СВГ 2: 45]. И *ткачи́хой*, а также *тка́ницей*, *тка́хой*, *точе́ей* и *точе́й* [СВГ 11: 26, 49] называли всякую женщину, севшую за ткацкий станок, а не работницу на ткацком производстве [БАС 15: 501].

Мастерица обычно производила свою работу в избе, куда с *вѣшки*, т.е. с чердака, или с *повити* спускали и на время устанавливали *крóсна*. Происходило это обычно зимой или в самом начале весны, пока ещё не подступали важные сельскохозяйственные работы. Выткать холсты старались до мартовских дней, чтобы успеть расстелить ткани на наст для отбеливания под лучами яркого весеннего солнца.

Застав женщину за ткацким станком, человек, вошедший в дом, обычно приветствовал её. Фразы приветствий были различными. В поле нашего зрения попали следующие стереотипные формулы: *Хороший холст! Ровной кромки! Белую да чистую трубу полотна! Трубу полотна! Добро на основе! Сто локот на пришивцу! Сто рублей в карман! Сто стен на сновалочку!* Проанализируем эти благопожелания, комментируя их семантику, ареалы, символические смыслы и средства создания художественной выразительности.

Хороший холст! Хоро́ший хо́лст! (Влгд.). Заложенный в формулу смысл подчёркивается возможностью «развернуть», трансформировать изречённое: <Я желаю тебе (вам) *выткать хороший холст!*> или <Пусть будет у тебя (у вас) *хороший холст!*> В обоих случаях возможной трактовки проявляется модальность благопожелания. В действительности холст хорошо получался далеко не у всякой женщины: требовались умение, опыт, сноровка, поэтому пожелание хорошего результата – это очень нужное пожелание.

Грамматически приведённое благопожелание построено по модели, широко представленной в русском языке, ср.: *Доброе утро!*

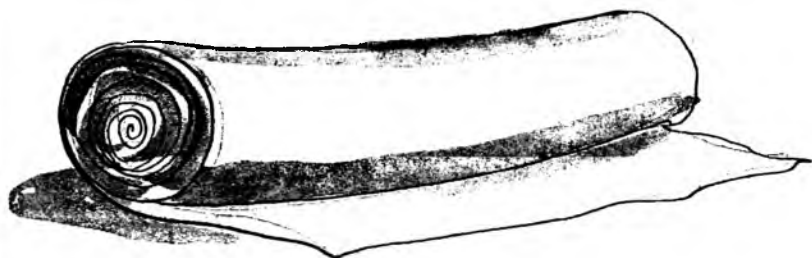
Ровной кромки! Рóвной крómки тебе́, ткачи́ха! – говорят женщине, которая ткёт (В-У). Развёртывание формулы подчёркивает заложенный в ней смысл: *<Я желаю тебе (вам) ровной кромки!>*. В этом ремесле высоко ценилось качество самого полотна, а проявлялось качество и в наличии ровного края, т.е. кромки. Создать её было непросто, следовало очень грамотно, умело проложить продольные нити, т.е. нити основы. Ошибка в их наборе приводила к большим трудностям в работе и к дефектам ткани: *А как ли́шко наснуёшь, в бе́рдо-то не влэ́зёт, дак пойдёт удо́ра, так её на крjóк завива́ют. Дёвке дак попаде́т от ма́тери: чего́ так насновáла. Это оснóванные нítки, но онí не вхо́дят ни в бе́рдо, ни в ни́ченицу (Сямж).* Грамматически благопожелание также построено по модели, широко представленной в русском языке, ср.: *Приятного аппетита!*

Ровной кромки!

Белую да чистую трубу полотна! Бёлую тебе́ да чистую тебе́ трубу́ полотна́! – говорят женщине, которая ткёт (В-У). *<Я желаю тебе (вам) выткать белую и чистую трубу полотна>*.

Полотно – очень древнее славянское слово, представленное здесь в восточнославянском полногласном варианте. Лексема с неполногласным соответствием *плáтно* также известна в вологодских говорах. Она используется в двух значениях. Первое – ‘домотканое полотно’: *Плáтно – это домоткáнина любáя* (Шексн.). *Плáтном салáт закрóешь, он тáм и томíтся* (Шексн.). Второе значение – ‘одежда, бельё из домотканого материала’: *Рáньше носíть нéчего бýло, плáтно какóе накíнут, да и всё* (Вашк.) [СВГ 7: 65]. В благопожелании как в весьма древнем жанре слово зафиксировалось в восточнославянской огласовке.

Чистую да белую трубу полотна!

Труба – это диалектное наименование меры вытканного домашнего полотна, равной двум *стенам* и составляющей примерно 16–18 метров, что, конечно же, является весьма большой мерой: *В сундукé-то у меня вон лежít ещё трубá холстíны* (Вож.) [СВГ 11: 62]. Мера вытканного материала именуется этим словом потому, что полотно наматывается на трубу, т.е. на полый лубяной цилиндр [Громов 1992: 56].

Благопожелание *Белую тебе да чистую тебе трубу полотна!* при произнесении делится на три синтагмы: *Белую тебе / да чистую тебе / трубу полотна!* Последняя синтагма – *Трубу полотна!* – может функционировать и как самостоятельное благопожелание. Первые две синтагмы подчеркивают наилучшие качества холста: *белую тебе / да чистую тебе...* Использование определений подчеркивает необходимую белизну, чистоту холста. Эти признаки являются весьма значимыми. Если вытканное полотно *белое, чистое*, то не придётся тратить много сил на его отбеливание на снегу

или во время летней тепловой обработки в *бўке*. Наименование *труба* со значением меры вытканного холста, основанное на ассоциации по форме, неизбежно сталкивается в говоре с наименованием *труба* 'дымоход'. Труба, выводящая дым, как известно, из-за накапливающейся сажи бывает *чёрная, грязная*. Благопожелание, таким образом, строится на подразумевании резкого контраста. В анализируемой формуле вместо союза *и* употребляется союз *да* с полноценным широким звуком [а]. Повтор местоимения *тебе* создаёт эффект усиления благопожелательности, причём, как кажется, он же придаёт тексту и ритмизованный характер. Местоимение, повторяясь, оказывается в постпозиции по отношению к прилагательным, что свидетельствует об инверсии в этой фразе.

Добро на основе! Добро́ на осно́ве! – говорят человеку, который *снует основу для тканья* (В-У.). *Осно́ва* – это продольные нити в ткацком станке. *Осно́вать* – значит 'подготовить на ткацком стане основу для тканья': *Принеси́ сно́вальню, дак я осную́ пряжу* (Тарн.). *Нитки осно́вать на́до. Сную́т с труби́цы на воробы́* (Тот.) [СВГ 6: 77]. Подготовка основы требовала от женщины определённых навыков: *Если всё нитки привяжешь в бёрдо, а насновано́то бо́льше, дак и говоря́т – пересновала́. Удо́ра – дак э́то ли́шняя нитка* (Ник.). *А как ли́шка наснуёшь, в бёрдо-то не влётет, дак пойдёт удо́ра. Дёвке дак попадёт от ма́тери: чего́ так насновала́* (Сямж.) [СВГ 11: 108]. По смыслу анализируемое высказывание близко, как кажется, к ирреальному, благопожелательному: *<Пусть будет у тебя всё хорошо сделано на основе>*. Грамматически выражение представляет собой неполное побудительное двусоставное предложение. Такую же структуру имеют и некоторые другие благопожелания, например, формула *Добро на масле!*, которой приветствуют человека, сбивающего масло из сметаны.

Сто ло́кот на пришиви́цу! Сто ло́кот тебе́ на при́шиви́цу! В Тарногском районе Вологодской области это благопожелание зафиксировано краеведом и этнографом М.Б. Едемским в начале XX в., причём им отмечено, что такими словами ткачиху обычно приветствует женщина: *<Я желаю тебе (вам) сто мер длины на пришиви́цу>*. Слово *пришиви́ца* обозначает передний вал, на который наматывается в ткацком станке ткань. Судя по данным СРНГ [СРНГ 32: 67], для именованя этого предмета существует много слов: *при́шива, при́шивица, при́шивельца* и др. Слово *при́шивица* распространено в основном на северных территориях: *На при́шиви́цу*

мотают холст; *Прішвица* — это второй навойчик вперёдё кро́сен, а основной навой назадё. В вологодских говорах слово *прішвица* наряду со словом *прішва* бытуют широко: *Эта прішвица уж много полови́ков замотала. Без прішвици ведь не выткёшь ни холстины, ни полови́ок* (Сямж.). *Ведь прішвичица и навой похо́жи друг на дру́жку, токо на прішвичу полотно́ накручивают, а навой — нитки* (Ник.). *На прішличу матерья́л закручивался. Садішьсё, а прісвицу кладёшь на колёни* (Межд.) [СВГ 8: 73].

Форма *ло́кот* — это, по-видимому, диалектная форма родительного падежа множественного числа существительного *ло́коть*. *Ло́коть* — ‘старинная мера длины, приблизительно равная длине от локтя человека до конца среднего пальца’ [БАС 6: 339]. Вместо ожидаемой формы *локте́й* (из *локѣтии*) наблюдаем форму *ло́кот*. В СРНГ фиксацией от 1885 г. представлен, но без знака ударения, архангелогородский вариант этого же благопожелания: *Сто локоть на прішвицу!* [СРНГ 32: 67]. Вологодским говорам известно отвердение конечного [т’]: *ночеват, видат, хот, опет, пят*. В этот ряд можно вписать и словоформу *ло́кот*. Наличие нулевого окончания, а не окончания *-ей* можно объяснить тем, что слово относится к группе лексем, обозначающих парные предметы и ведёт себя подобно некоторым из них (ср.: *глаз, плеч, рог*). Своеобразие грамматической формы усиливает, на наш взгляд, формульность всей фразы.

Сто рублей в карман! Сто рублёй тибё в корма́н! М.Б. Едемский зафиксировал это благопожелание в Тарногском районе, причём в устах мужчины: <*Я желаю тебе (вам) сто рублей в карман*>. Если женщина обыкновенно думает о том, чтобы выткать много полотна, обеспечить семью бельём и одеждой, то мужчина думает об упрочении материального достатка семьи, планируя, по-видимому, и возможную продажу вытканного холста с целью получения денег. В лингвистическом отношении это благопожелание отличается от всех прочих, произнесённых в этой ситуации: в нём не употреблено ни одной лексемы из разряда диалектных профессионализмов ткачихи. По-видимому, мужчина, желающий соблюсти установленные в сельской общине приличия, употребил такое приветствие, которое применимо как общее трудовое благопожелание, равно подходящее и к деятельности охотника, и к труду грибника — т.е. к труду, который производится ради денег, ради заработка.

Сто стен на сновалочку! Сто стёв на сновáлочку! — *тому, кто ткёт*. (В-У.). *Стена́* — это мера длины вытканного полотна:

Ско́лько стéн дéвка насновáла? Стенá — дак цетýре прýсла (Вож.) [СВГ 10: 127]. Сновáлочка — уменьшительно-ласкательное наименование очень важного для ткачества предмета. Его в вологодских говорах именуют ещё словами *сновáлка*, *сновáло*, *сновáльник*, *сновáльно*, *сновáльня* [СВГ 10: 62]. Так называют приспособление для перематывания ниток в виде четырёх столбиков на крестовине, вращающихся вокруг металлического стержня: *Я ткать умéла, и сновáльня у меня́ своя́ была́* (Сямж.). *Нитки напрядúт, оснуúт, четы́ре стóлбика — это сновáльня* (Тот.). *Пря́жу сновáли. Была́ сновáльна. Пря́жа с тру́бок на крúг идёт, смáтывается* (Межд.) [СВГ 10: 62]. Затем пряжа специальным образом наматывается на вал, создавая основу будущей ткани [Громов 1992: 54–59]. *Сто стен на сновалочку!* — это пожелание, чтобы было выткано очень много полотна. Почему *сто стен* именно *на сновалочку*? От длины нитей основы зависела длина самой вытканной ткани.

Итак, женщине за ткацким станком желают успеха, хорошего результата в деле. Результат понимается как большое количество и высокое качество изготавливаемой ткани. В проанализированных формулах вежливости отражаются, как видим, отголоски старинного русского ремесла. Являясь устойчивыми формулами, эти благопожелания бытуют не как нечто мёртвое, застывшее. Они могут осложняться вокативами (*Ровной кромки тебе, ткачиха!*), расширяться за счёт указания адресата (*Сто лóкот тебе́ на пришивицу!*), переосмысляться, переключаясь на иные коммуникативные ситуации. Благопожелания в этой ситуации отличаются лаконичностью (*Хороший холст!*), заметной прагматичностью (*Сто рублей в карман!*), ассоциативностью (*труба полотна — труба печная*), ритмизованностью (*белую тебе да чистую тебе...*) и др. Очень значимым в этой группе благопожеланий оказывается слово *сто*, выражающее идею стократного преумножения результата труда: *сто локот, сто стен, сто рублей...* Это слово в анализируемых формулах является мощным интенсификатором экспрессивности [Балакай 2001: 504].

Завершая свой обзор вологодских этикетных формул в ситуации ткачества, мы ещё раз акцентируем, что люди в прошлом, ХХ в. ещё желали друг другу *Сто стен на сновалочку! Сто локот на пришивицу!* — для блага, счастья, благополучия, удачи. Нам однажды посчастливилось получить очень информативное письмо

с одним из таких благопожеланий: *Я Вас приветствую и желаю всего самого доброго! И посылаю Вам приветствие, которое, возможно, Вам уже знакомо, а я на него только что наткнулась: «Сто стен на сновалочку!» Приветствие-пожелание ткачихе. Берез. Свердл. [СРНГ 41: 171]. Стена – мера длины ткани (или основы ткани, то есть продольных нитей, равная, как помнится, примерно 10 метрам. Так вот, Вам тоже сто стен на лексикографическую и культурологическую региональную сновалочку! Будьте здоровы! Привет всем добрым вологжанам!* [Михайлова 2008]. Как видим, старинное благопожелание, удобное по форме и очень ёмкое по своему содержанию, применимо к разным современным жизненным ситуациям. Употребляясь расширительно, оно мощно развивает свою метафоричность, способность выражать общую идею успеха, удачи, результативности в работе.

Множество таких замечательных старинных формул бытует в народе и сейчас, реализуя важный принцип коммуникации – принцип вежливости общения. Думается, что изучение подобного материала, а также широкая просветительская работа могут содействовать активизации определённой части таких формул, их внедрению в современное сознание всей нации.

2. Благопожелания при кладке печи

Круг лингвокультурологических реминисценций, связанных с русской печью, весьма широк [Байбурин 1983; Белов 1989; Богданова 1998; Киселёва 1998; Лукичев 2008; Паникаровская 1983; Топорков 1995 и др.]. Печь – это «сердце дома». С давних пор во многих российских домах именно русская печь обогревает, кормит, лечит, моет человека. Русские пословицы о печи содержат многочисленные наблюдения положительного свойства: *Печка-матушка; Печь нам – мать родная; На печи всё красное лето; Лежи на печи да ешь калачи; Всё, что есть в печи, носи на плече* и др. Известны и шуточные сентенции: *Пока баба с печи летит, 77 дум передумает* [Лукичев 2008: 30].

Печь является и одним из сакральных центров дома. «Символика печи, – пишет А.Л. Топорков, – отнесена главным образом не к сфере ритуального или *этикетного* поведения человека (курсив наш. – Л.З.), а к его интимной, «утробной» жизни» [Топорков 1995:

310]. Символические представления, по мнению автора, связаны с такими проявлениями жизни человека, как дефлорация, соитие, развитие плода, рождение человека и, с другой стороны, агония, смерть и посмертное его существование. Совмещая в себе черты центра и границы, печь играет также особую символическую роль во внутреннем пространстве дома. Печь и стол воплощают собой полноту и благополучие дома. Печь является и символическим каналом связи через печную трубу между «тем» и «этим» мирами [Топорков 1995: 310].

В привлечённых нами исследованиях сведения о печи и её роли в картине мира русского человека, по-видимому, ещё не исчерпаны. Во всяком случае, *этикетная* сторона жизни человека в связи с печью пока совсем не описана. Продолжая наблюдения над использованием трудовых благопожеланий в речевой культуре Русского Севера [Зорина 1992в, 2007а; 2008в и др.], обратимся к этикетным формулам, связанным с прагматической ситуацией кладки печи.

Профессия печника на деревне являлась одной из самых почётных. Печники ходили по деревням и не только клали печи, но и изготовляли для них кирпичи. Людей, владеющих этим ремеслом, ценили и уважали. Процесс строительства русской печи был делом ответственным. Одному хозяину или печнику с ним справиться было сложно. Поэтому на коллективную работу обычно приглашали помощников – родственников, соседей. Самым серьёзным этапом было формирование дымохода, так как дым в печи должен идти по сложному лабиринту, направляясь в ту или иную сторону специальными *толкунами*, поворотами в дымоходе. Их строительство и назначение так иллюстрируется в Словаре вологодских говоров:

Такие толкуны в печи делаются. Дым-от там толкётся то вверх, то вниз и выходит наружу (Сямж. Грид.). *Толкуны – это в печи ложат, дымоходы в печке, повороты. Чем толкунов больше, тем лучше* (Сямж. Рам.). *Шесть толкунов в печи – это чтобы печь быстрее нагревалась* (Тот. Погор.). *Вижу, знаю, где какой толкун. Большие-то толкуны, самые главные-то, нельзя ничем достать. Много в толкуны наберётся, так надо два раза в год чистить* (Сямж. Монаст.) [СВГ 11, 33].

Старожители северных деревень считают, что печники, или, по-местному, *печёклады*, могли и вред причинить не уважившим их хозяевам – сложить такую печь, которая будет дымить или пло-

хо сохранять тепло в избе. Поэтому печников старались задобрить. Перед началом работы им предлагали угощение. Сами печники вовсе не чурались намёка на его уместность. Вот как стиль их поведения описывает сямженский краевед А.Ф. Лукичев: *Заходит печник-то в избу – и к хозяйке: «Куда дым-то, хозяйюшка, пускать будем – в избу али на улицу?» – «На улицу, на улицу, милай!» Бежит к шкафчику да поллитровку ставит на стол. Печник стопочку пропустит, крикнет и за дело возьмётся* [Лукичев 2008: 30].

По окончании кладки печи хозяева устраивали печнику и его помощникам застолье – так называемое дымовое: *Целовек пець сложит, затопит пецьку. Если хорошо идёт дым, садяце кушать. Это уж не плата ему, а угощение. Дымовое должен пецьнику за то, ишо дым пустил. Без дымового не положено. Как дым пойдёт, дак хозяйка дымовое подаёт* (Сямж. Монаст.) [СВГ 2, 69]. Удачное завершение работы знаменовалось специальным действием – *пойти с дымовым*, что означало ‘успешно сложив печь и протопив её в знак исправности, получить в благодарность угощение от хозяев’: *Дым пошёл на улицу, а не в избу – хозяин и говорит: «Пойдём с дымовым»* (Тот. Погор.) [СВГ 2, 69]. Так выражалось взаимное удовлетворение хозяев и печника по поводу завершения работы.

Увидев мастера за работой, его обычно уважительно приветствовали. В разных деревнях употреблялись разные трудовые пожелания. Можно полагать, что в народном сознании существует определённый набор связанных лишь с этой ситуацией стереотипных трудовых благопожеланий: *Чтобы печка-матушка и согревала, и готовила, и лечила, и радовала! Чтоб дым пошёл! Тепло в дом! Тепла в избу! Дым в трубу! Дым в небо! Дым решетом! Хорошего дыму! Лёгкого дыму! Помолись да делай так, чтобы печка ладом топилась и не дымила! Ни дыму ни огня! Глины горсть! Глина в камень! Хороших пирогов!* Перейдём к их рассмотрению.

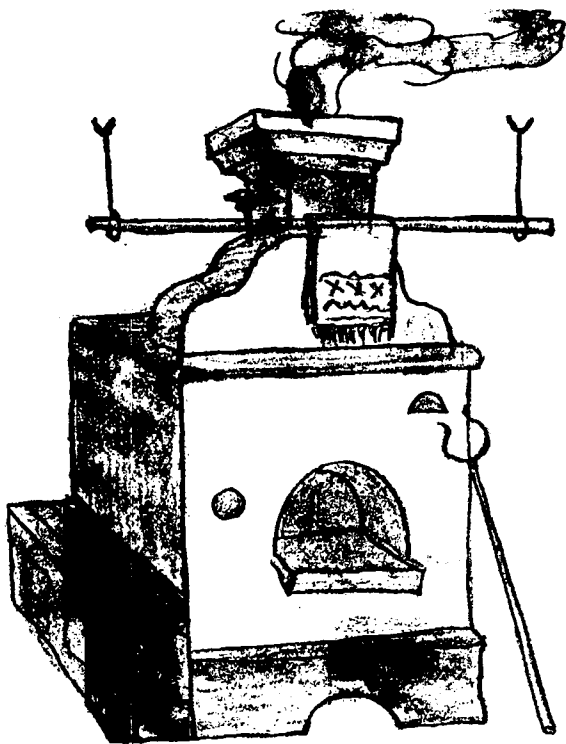
Чтобы печка-матушка и согревала, и готовила, и лечила, и радовала! Фраза, обращённая к печнику и произнесённая в присутствии хозяев, записана в Бабушкинском районе Вологодской области. Благопожелание содержит ласкательное наименование печи *матушка* и перечисление многих важных функций русской печи в крестьянском доме. Формула соответствует придаточному предложению, употреблённому без главного: <Я желаю, чтобы печка-матушка и согревала, и готовила, и лечила, и радовала!>.

Чтоб дым пошёл! Благопожелание зафиксировано в говорах Белозерского района. Суть его – пожелание самого важного при строительстве печи результата – *чтобы дым пошёл*. Выражение можно рассматривать как своего рода предостережение печнику: он должен так организовать и проделать работу, чтобы был нужный результат. Используется та же грамматическая структура: <Я желаю, чтоб дым пошёл!>.

Тепло в дом! Тепла в избу! Оба эти выражения зафиксированы в Сямженском районе Вологодской области. Смысл их абсолютно понятен: это пожелания, чтобы тепло от протопленной печи сохранялось, как и должно быть, в жилище. Сравним с шутливыми выражениями – *отопливать улицу* ‘топить печь в плохо утепленном доме’, *наша горница с улицей не спорница* ‘о жилище, в котором не держится тепло’. Грамматически эти благопожелания соответствуют следующим структурным схемам: <Я желаю, чтобы тепло шло в дом>; <Я желаю тепла в избу>.

Дым в трубу! – *Как же, как же! Видала я, как печь кладут, «Дым в трубу!» у нас говорят* (К-Г. Навол.). Это трудовое благопожелание довелось услышать от нашего постоянного информанта, талантливого билингва Р.А. Усовой. Её реакция на заданный вопрос была быстрой и определённой: говорят *Дым в трубу!* В Бабушкинском районе это пожелание зафиксировано в развёрнутом виде: *Чтобы печка хорошо топилась и грелась и дым в трубу!* Повидимому, здесь имеет место особый вид парцелляции: два придаточных предложения используются при отсутствующем главном. В Тарногском районе записано благопожелание *В двери да в окошко да в трубу немножко!* В нём речь идёт о дыме <*пусть дым идёт...*>, но само наименование *дым* не произносится, хотя по существу это вариант всё той же формулы *Дым в трубу!* Обращает на себя внимание шутливая интонация (*в двери, в окошко* – пожелание от противного) и ритмизованность фразы.

Дым в небо! Данное благопожелание фиксируется в Белозерском районе. Суть фразы заключается в указании на лучший из возможных результатов: пусть дым пойдёт не в жилое помещение, не в окна и двери, а в небо. При этом труба как сооружение, направляющее поток дыма, и не упоминается.

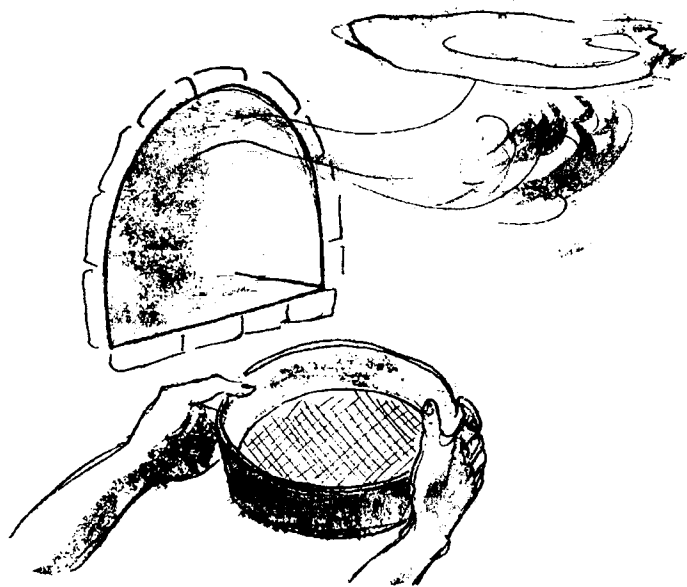

Дым в небо!

Чтоб дым шёл в трубу, а из трубы в небо! К-Г. Навол. Как видим, благопожелания могут употребляться изолированно (*Дым в трубу!* и *Дым в небо!*), а могут, при желании говорящего, нанизываться, амплифицироваться для создания большего эффекта.

Дым решетом! Благопожелание фиксируется в Вожегодском и Готемском районах. От жителей деревни Чужга Вожегодского района записана следующая фраза: *Ну и печь склал! Дым будешь решетом выносить?* Решетом часто отмерялось определённое количество чего-либо, ср.: *решето яиц* и др. Если в жилом помещении появляется дым (читаем – возникает пожароопасная ситуация), он застилает всё пространство, справиться с ним, оперируя какой-либо ёмкостью, невозможно. В этом благопожелании заключена шутка, рассчитанная на простаков. Не случайно ситуация вошла в «Анекдоты древних пошехонцев»: *...изба в дыму, а бабы и мужики*

– кто с вёдрами, кто с вилами, туда и обратно. – Что хлопочите?
– Помози, кормиличь, дым носиць. Рассердился воевода за такие слова и приказал пошехонцам носить дым решетом [Шахнович].

Дым решетом!

Рассмотрим попутно и выражение *дым коромыслом* – ‘о беспорядке, суматохе, кутерьме’ [ССРЛЯ, 3, 1199]. Его происхождение также объясняется особенностями народной культуры. В старой России (а на территории Вологодской области кое-где ещё в середине прошлого века) избы отапливали по-чёрному: дым выходил не через печную трубу (её вообще не было), а через специальное отверстие под потолком. По форме потока дыма, выходящего из избы, предсказывали погоду: если дым идёт вверх прямо, *столбом*, – будет ясно; *волоком*, т.е. пригибаясь к земле, – к туману, дождю; *коромыслом* – к ветреной погоде.

Хорошего дыму! Печнику дак при работе говорят: «Хорóшего дýму!». (Межд. Шуйск.). Здесь представлено конкретное пожелание печнику и хозяевам. Оно означает <Я желаю тебе (вам) хоро-

шего дыму>: 'пусть дым от построенной печи идёт хорошо, так, как надо'. Если дым пойдёт так, как следует, работа будет своевременно завершена и мастеру ничего не придётся переделывать.

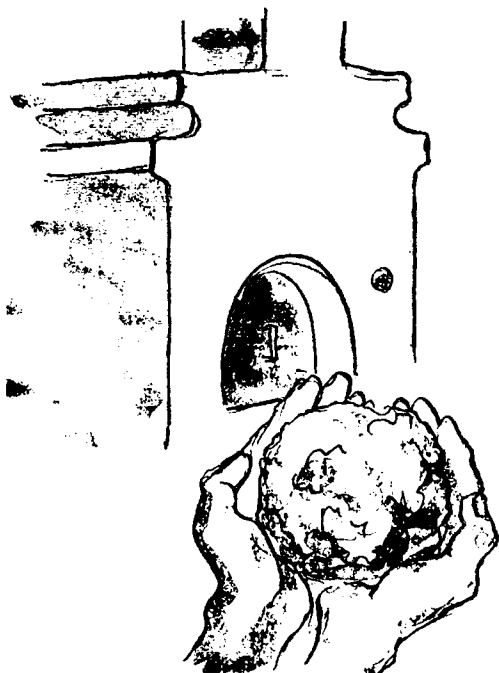
Лёгкого дыму! – *Лёгкого дыму у нас желали. Нужно ведь не угореть, нужно, чтобы печка хорошо топилась* (Выт. Ежез.). Это благопожелание с аналогичным смыслом, однако в нём подчёркивается особенность восприятия дыма человеком: ему важно, комфортно или тяжело будет от протопленной печи.

Как видим, главный результат при строительстве печи – это качество и верное направление выходящего из неё дыма. Вот ещё одно свидетельство, записанное в Бабушкинском районе: *Помолись да делай так, чтобы печка лабѡм топилась и не дымилась.*

С дымоходом! *Печнику всегда говорили: «С дымоходом!» Дымоход-то ведь самый последней делается. Вот эдак-то и говорят, чтобы печник-от быстрей стал дымоход-от делать, работу кончил* (Гряз. Запр.). Как видим, важная стадия завершения работ отмечалась специальным приветствием-поздравлением.

Ни дыму ни огня! – *Ну, ни дыму ни огня! Какую печь складѡм, так и жить будѡм* (Кир. Ферап.). В Никольском районе зафиксирован иной грамматический вариант благопожелания – *Ни дыма ни огня!* В этом выражении пожелание высказывается от противоположного: печнику желают отрицательного результата (если нет дыма и огня, то не топится, не функционирует печь). Говорится это для того, чтобы работа, напротив, завершилась успешно (ср. подобное развитие энантиосемии у оборотов *Скатертью дорожка!* или *Ни пуха ни пера!*).

Глины горсть! – *У мастера дак «Клин да гвоздь!», а печнику – «Глины горсть!»* (Сямж. Монаст.). В этих благопожеланиях содержится указание на самые необходимые для осуществления профессиональных действий предметы: плотнику необходимы *клин да гвоздь*, печнику – *глины горсть*. Обращает на себя внимание, что работнику желают минимальное количество чего-то необходимого (названы единичные предметы *клин да гвоздь*, а также малая единица измерения количества глины – *горсть*), тогда как желаемого мастеру требуется большое количество. В образной структуре благопожелания прослеживается синекдоха.

Глины горсть!

Глина в камень! – Глина в камень! – скажут, чтобы нигде не треснуло, не расщеляло (Тот. У-Печ.). Суть данного благопожелания такова: глина должна превратиться в монолит, «в камень», чтобы печь впоследствии была прочной, крепкой, не пропускала дым, нигде не давала ни единой щели. Для этой цели печники использовали только особую глину, никому не раскрывая при этом своих секретов.

Хороших пирогов! – Ну, хороших пирогов тебе, Миколаевна! Ладную печь склади! Когда прийти пробовать? (Выт. Ежез.). Действительно, наивысшая оценка печи заключается в высоком качестве выпекаемых в ней пирогов, поэтому именно такое благопожелание и звучит в этой ситуации.

Анализ семантики благопожеланий показывает, что в описываемой ситуации хозяевам дома, где строится печь, желают тепла в дом и удачно испечённых пирогов, что является наивысшей оцен-

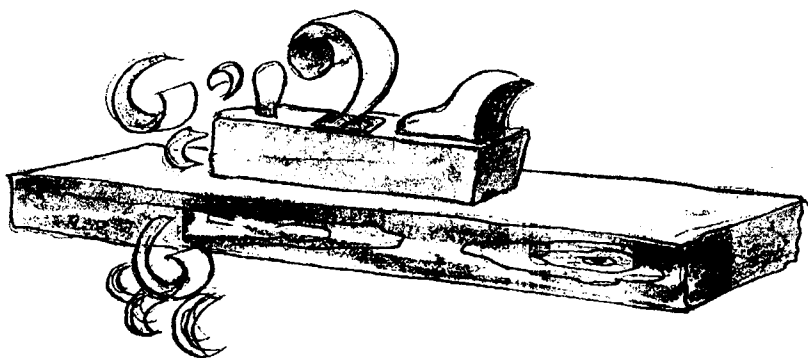
кой качеств печи. Мастеры, возводящему печь, желают *глины горсть*, т.е. удобства в работе; *глины в камень*, т.е. превращения построенной печи в монолит; *хорошего дыму* – т.е. удачного завершения работы.

Как видим, спектр благопожелательных формул достаточно широк. Сравним указанное обстоятельство, например, с также большим количеством приветствий в ситуациях доения коровы, замешивания теста, сбивания масла, стрижки овец или полоскания белья [Зорина 1992в, 2007а, 2008в и др.]. По-видимому, коммуникантам в диалектах предоставляется возможность выбора из спектра подходящих к данной ситуации благопожеланий. Все эти приветствия являются фразеологизмами, однословных трудовых пожеланий в этом ряду не зафиксировано. Реплики-ответы печника (ср. в других ситуациях: *Цапай горстью! Давай бело! Спасибо!*), в этой ситуации не отмечены. Они, по-видимому, в силу каких-то причин не предусмотрены или пока не зафиксированы. При использовании благопожеланий в такой жизненно важной ситуации диалектные слова не используются (вспомним многочисленные диалектизмы *кузов, короб, поспорить, спорина, спорынья, стена, труба* и др. в прочих прагматических ситуациях [Зорина 1992в, 2007а; 2008в и др.]).

В Словаре русских народных говоров ни одно из зафиксированных нами выражений не отражено. Однако проведённые опросы свидетельствуют, что эти трудовые благопожелания являются устойчивыми, повторяемыми, стереотипными формулами, т.е. формулами народного речевого этикета. Специфическая особенность данной ситуации заключается в том, что особым образом приветствовать печника приходилось не часто: жилища на русском севере строились на столетия, печь возводилась на продолжительный срок (ср.: даже после пожаров и других стихийных бедствий от строения остаётся остов печи). Многие наши собеседники, отвечая на вопрос об употреблении подобных приветствий, говорили, что они никогда и не видели, как строилась печь. Сравним это положение дел с ситуацией полоскания белья: там действие осуществляется с известной периодичностью и практически на виду у всей деревни.

Ни одно из приведённых благопожеланий не зафиксировано и в ТСРЭ [Балакай 2004]. Подобные обороты речи отражают уже ар-

хаический пласт народной культуры. Фиксировать их удаётся не всем, не везде, не всегда. Однако на территории распространения вологодских говоров эти трудовые благопожелания сохраняются пусть даже в пассивном словарном запасе диалектоносителей – до сего дня. Их использование свидетельствует о реализации в народной речи важного коммуникативного принципа вежливости, *этикетности* общения.

Ни сучка ни задоринки!

3. Благопожелания при рыболовстве

Территорию Вологодской области в её прежних и современных границах характеризует наличие больших и малых водных объектов – озёр, транспортных рек и малых речушек. Рыбный промысел исконно был важной в экономическом отношении сферой деятельности населения. Он давал людям пропитание, обеспечивал времяпрепровождение и развлечения местных жителей.

В ситуации встречи с рыбаками или, что чаще, рыбаками, зафиксировано большое количество благопожеланий: *Счастливой путины!*; *Рыбка да рябки – пропадай деньки!*; *Рыбка да рябки – потеряй деньки!*; *Рыбка да рябки – пролетают летние деньки;* *Бог в помощь!*; *Пойдите с Богом на рыбу!*; *Иди не за рыбой, а по рыбу!*; *Попутного ветра!*; *Улова вам хорошего!*; *Счастливого улова!*;

По пуду на уду!; Три тони тебе!; Ловцу с овцу, а нам с корову!; Рыбы куча!; Щука на уду по целому пуду!; Лов на уду!; Лов на рыбу!; Щука на уду, коряга на крючок – лови, парнечок!; Рыб на ловлю!; Ни хвоста ни чешуи!; Ни чешуи ни хвоста!; Ни кости ни хвоста!; Ни рыбы ни моля!; Удочка в воду – рыба под колоду!; Рыбак в воду, а рыба в гору! и др.

Благопожелания могут быть прямыми и обратными, т.е. энантосемическими (ср. в литературном языке: *ни пуха ни пера!* – пожелание успеха перед началом трудного дела). Зафиксированные благопожелания сохраняют связь с древними представлениями народа: многие из них восходят к старинным заклинаниям. В ряде из них обнаруживаются элементы языковой игры, которые создают впечатление шутки, вызывают улыбку, смех. Рассмотрим далее зафиксированные в такой ситуации благопожелания.

Счастливой путины! Так приветствуют, желая успеха, промысловиков на Белом озере, на Кубенском озере, где трудятся целые рыбацьи артели (Блз. Кун.).

Что же касается всего прочего населения, то крестьяне, обычно занятые земледельческими работами и уходом за животными, не имели возможности часто и надолго отвлекаться на ловлю рыбы. В деревнях, по свидетельству сямженского краеведа Н.А. Кукина, «не особо приветствовали рыбаков и охотников-любителей», иногда просто осуждали их специальными поговорками. Поэтому в адрес любителей рыбной ловли произносилось ироническое: *Рыбка да рябки – пропадай деньки!* (Вытег. Ежез.); *Рыбка да рябки – потеряй деньки* (Сямж. Монаст.). *Рыбка да рябки – пролетают летние деньки* (Сямж. Монаст.). Это говорилось рыбаку, который потратил целый день, но ничего не выловил, а также охотнику, вернувшемуся с охоты с пустыми руками, также напрасно потерявшему день (Жир. Ферап.).

Нередко информанты говорят о том, что на встречу с рыболовом они обычно реагируют молчанием: *Рыбаку – молча! А то скажет: «Встретил такую-то. Давайте воротимся. Алексаха вышла, дак ничео не наловить»* (Сямж. Монаст.). Это объясняется влиянием суеверных представлений, идущих от древней традиции, от желания не повредить словом.

Как и при любом другом виде трудовой деятельности, нередко на помощь рыбакам призывали высшие силы: *Бог в помощь!* – в

процессе рыбалки (Влгд. Майский.) или *Пойдите с Богом на рыбу!* (Тот.). Благопожелание *Пойдите с Богом на рыбу!* (Тот.) требует некоторого комментария. Это хорошее, доброе пожелание. Наряду с ним употреблялось и очень похожее на него, но всё же иное выражение: *Пойдите с Богом за рыбой!* Отличие только в словоформе *за рыбой*, но это уже – плохое, недоброе пожелание. Такие же различия наблюдались и в говорах Кич-Городецкого района: *Иди не за рыбой, а по рыбу!* (К-Г. Навол.). Как видим, отличие составляют очень тонкие нюансы. *По рыбу – по грибы, по ягоды*, т.е. затем, чтобы добыть, принести желаемое. Словоформа *за рыбой* в народном сознании воспринимается как конструкция с омонимичным предлогом *за*, т.е. ‘вслед’. Идея добычи, находки, приобретения, таким образом, теряется.

Попутного ветра! – желают рыбаку даже в той местности, где нет больших водоёмов (Влгд. Татар.).

Обычно рыбакам, а также просто любителям рыбной ловли желают хорошего улова: *Ну, улова вам хорошего!* (Сямж. Монаст.); *Счастливого улова!* (Влгд. Татар.). Идея большого улова может выражаться по-разному: *По пуду на уд!* (Ник. Аргун.); *Три тони тебе! Три тони!* – это чтобы в тоню попало много рыбы (Кир. Ферап.); *Три тони тебе! Невод – тоня. День короткий, не длинный. Если удачно – вытащили одну, другую забросят. Когда артель вот ловит* (Кир. Ферап.). Последнее благопожелание жители вспоминают с трудом: оно уже, как представляется, бытует не в живом употреблении, а лишь в традиции.

Многие благопожелания специально акцентируют идею большого количества выловленной рыбы: *Ловцу с овцу, а нам с корову!* (Тарн.); *Рыбы куча!* (В-У.). Иногда акцент делается на виде рыбы: *Щука на уд по целому пуду!* (Ник. Скочк.).

Часто рыбаку просто желают, чтобы был клёв: *Лов на уд!* (Гряз. Запр.); *Лов на рыбу! Бывало, пойдёшь ловить рыбу, дак кто тебя увидит, то и скажет: Лов на рыбу! Значит, чтоб наловишь больше рыбёшки да покрупней* (Кир. Ферап.); *Щука на уд, коряга на крючок – лови, парничок!* (Ник. Скочк.); *Рыб на ловлю! А когда, мало ль, мимо рыбака идёшь, сказать надо: «Рыб на ловлю!» А он тебе «Спасибо!» скажет* (Кир.); *Пошёл Васька рыбу ловить, так ему желают рыбу принести* (Тот. Мос.).

В описываемой ситуации фиксируются и пожелания «от противного», т.е. такие, когда желают чего-либо плохого, чтобы получилось, напротив, хорошее: *Рыбаку – чтобы рыбу-то ёму не попалю!* Это энантиосемические пожелания с общим значением <Пусть тебе ничего не достанется>: *Ни пуха ни пера!* – рыбаку. *Ни пуха ни пера!* *Грибы, рыба, ягоды – ни пуха ни пера!* *А нынче никто ничео не боится* (Кир. Ферап.). *Ни хвоста ни чешуи!* – рыбакам (В-У. Мяс.); *Ни чешуи ни хвоста!* – на рыбалку (Влгд. Татар.); *Ни кости ни хвоста!* *Ну, ты вроде на рыбалку собрался? Ну дак ни кости тебе ни хвоста!* (Кир. Ферап.); *Ни рыбы ни моля!* (Хар.). Некоторые из таких пожеланий строятся на резком противопоставлении условия и результата действия: *Удочка в воду – рыба под колоду!* (Нюкс.) *Рыбу удись? Удочка в воду, а рыба под колоду!* (Нюкс.); *Узда в воду – рыба в берег!* (Гряз.).

Иногда формулы распространяются, рифмуясь с их продолжением: *Ни рыба ни уха! – Тебе ни рыба ни уха – заколоть бы петуха!* *Рыба, охота – скрывали, бегали утрами, а не знали, когда ушёл, – чтобы рыбы больше шло* (Сямж. Монаст.); *Ни рыбы ни моля!* (Хар.) – *Ни рыбы ни моля – таракана-рогаля!* (Сямж. Жит.). *Бочка в воду, а рыба под колоду!* (Нюкс. Бобр.) *Уда в воду – рыба в берег!* (Тот.). *Рыбак в воду, а рыба в гору!* (Тарн. Верх.). *Узда в воду – рыба в берег!* (Гряз.). В последнем случае наблюдается затемнение семантики: слово *уда* ‘удочка’ меняется на *узда*. Показательно, что во многих случаях информанты не могут объяснить, почему так говорят, т.е. причём здесь *бочка, узда* – остаётся неясным.

Обычно люди из суеверных представлений боялись, что кто-нибудь «сглазит» человека, поэтому, желая успеха, специально произносили слова-заклинания и в адрес того, кто обладал такой силой: *Рыба на удочку, а злому-лихому рыба в глаз!* (Тарн.).

Некоторые благопожелания обращены непосредственно прямо к рыболову: *Уди, уди, рыбачок, чёрт на рыбу, на крючок!* (Вашк. Весёл.). Другие же обращены не к самому рыболову, а к желанной для него рыбе: *Рыба щучка, пуще удься!* (К-Г. Сармас.); *Рыба щучья, пуще удься!* (К-Г. Сармас.; Уст.). *Ловись тебе рыбка!* (Ник. Аргун.); *Ловись, рыбка большая и маленькая!* (Вож.). Эта традиция восходит к заклинательным фразам.

Уда в воду – рыба в берег!

Парасида на удú, будáн на крючок – тащи, маленький мужичок! (Тот.). Идея этой фразы заключается в том, чтобы рыбаку попалась большая рыба (ср.: контраст с наименованием *маленький мужичок*). Слово *парасида* этимологизировать нам не удалось, *будан*, оказывается, – ‘калмыцкая похлёбка, уха с мучной подболткой’ [Даль 1: 135]. Но можно также думать, что в данной фразе используются эвфемизмы. В этой ситуации, мужской по своему характеру, нередко используется обценная лексика – обырываются инвективы: *Х... на удú, п... на крючок – бейся, старайся, тяни (тащи), мужичок!* (К-Г. Навол.).

В процессе наблюдений за общением людей в ситуации рыбной ловли зафиксированы и диалоговые единства, в составе которых вслед за репликой-стимулом незамедлительно следует своеобразная реплика-реакция: *Ни пуха ни пера! – К чёрту!* (Шексн.); *Улов на рыбу! – Наварка на ушину!* (Тарн.); *Рыб на ловлю! – Спасибо!* (Кир.).

Итак, в описываемой ситуации зафиксировано большое количество благопожеланий, они разнообразны по реализуемым интенциям, синтаксической структуре и выполняемым ими функциям.

§ 5. Благопожелания в сфере приготовления пищи

Приготовление пищи в каждой семье – это необходимое каждодневное действие. Будучи связанным со многими сакральными представлениями населения, оно не могло обойтись без этикетного оформления.

1. Благопожелания при приготовлении теста

Ситуация приготовления теста прекрасно представлена вологодским писателем В.И. Беловым в очерках по народной эстетике «Лад»: *«С вечера хозяйка затваривала тесто на чуть подогретой речной воде. Домовитое ритмичное постукивание мутовки о края квашни, словно мурлыканье кота, или шум самовара, или поскрипывание колыбели, дополняло ощущение семейного уюта и основательности. ... Квашню завязывали скатертью и ставили на тёплое место... Ночью большуха заботливо просыпалась, глядела, «ходит» ли, а утром замешивала. Пока топилась печь, тесто продолжало подниматься, и хозяйка начинала его катать над сеяльницей. Она брала тесто деревянной хлебной лопаткой, клала в посыпанную мукой круглую чашу... и подкидывала тесто в воздухе. Оно на лету поворачивалось с боку на бок. Круглые, облепленные мукой лепёхи кувыркались на чистую холщовую ширинку»* [Белов: 221–222].

В прагматическом отношении у данной ситуации наблюдаются определенные особенности. Её главное действующее лицо – хозяйка, женщина, занимающаяся приготовлением пищи, по-местному – *бачеруха, большуха, обряжуха* или, конкретнее – *пекариха, пекарка, печейя*. Работа обычно производилась очень рано. Русская печь топилась в пять-шесть часов утра, только в разгар зимы это делалось позже. К внешнему виду хозяйки, её одежде, причёске, чистоте рук предъявлялись строгие требования: всё требовало опрятности, аккуратности. Процесс выпечки хлебов и пирогов был весьма продолжительным по времени. Ситуация развертывалась в условиях очень близкого расположения крестьянских домов по отношению друг к другу, в условиях тесного контакта жителей соседних изб. Поэтому главная её черта, в отличие, например, от ситуации доения коровы, – открытость, доступность для наблюдения. Иногда общение, контакт подогревался заинтересованностью в угощении. Сравним небольшой сюжет у В.И. Бело-

ва: *На этот запах и пришёл как-то парень Коляка, решив подшутить над пекарихой (история подлинная): – Тёта, ты чего? Пекёшь, что ли? – Пеку. – У нас тоже пекут. Слово за слово, парень разговорился с бабёнкой. Когда разговор вот-вот, казалось, иссякнет, он подкидывал новую тему... Потом перешли на что-то другое, потом на третье. Поговорить тётка любила. Остановилась только тогда, когда по избе пошёл синий дым [Белов 1989: 222].*

Ситуация обращения с тестом не могла не породить специальных оборотов речи. Круг стандартных формул, добрых трудовых пожеланий, зафиксированных нами, весьма широк: *Дай Бог хорошего подъёму! На хоро́ший хлеб! Хлеб на́ под! Спо́рый хлеб! Спорина́ хлебу! Спорина́ в квашню́! Спорина́ на квашню́! Оспори́на в квашню́! Спорина́ в пироги́! Спорина́ в стряпнё (в стряпню́)! Спорина́ стряпать (обряжаться)! Спо́рая стряпня́! Спорынья́ в квашню́! Спорынья́ в квашню́! Спорынья́ в кринке! Спорынья́ стряпать! Поспори́, Гóсподи! Поспóрье в квашне́! Поспóрье мукé! Вы́ше трóнется! Добро́ в ночовках! Пух в ночóвки! Марья, иди, кирпи́чом торгуют! Са́хар в тéсто! Скúсного пирога́! Пусть <пироги> вы́соко поднима́ются, румя́но налива́ются! Не красна́ изба́ угла́ми, а красна́ пирога́ми! и др.*

Спорынья в квашню!

В пользу принадлежности подобных выражений сфере речевого этикета свидетельствует их стандартность, т.е. применимость лишь в конкретной ситуации, формульность, повторяемость, частотность употребления, а также удобопроизносимость, иногда – ритмизованность, складность. Такие знаки речевого этикета – это «не «пустые формальности», не «прикраса речи», – считает А.Г. Балакай, – а самостоятельные культурно-исторические ценности, важнейшие средства регуляции поведения, без которых не может обойтись ни один человек, ни одно общество» [Балакай 2001: 4].

Некоторые выражения в настоящее время устанавливаются лишь по воспоминаниям наших информантов о том, как прежде общались жители старшего возраста. Это свидетельствует об изменчивости у людей и целых поколений представлений об учтивости, вежливости. Наличие в формулах архаичных или устаревающих слов и форм (*спорина, спорынья, ночовка*) – это определённо знак давно сложившейся, традиционной системы. Чем больше таких слов и форм, тем, кажется, выше ценность такого материала.

Покажем некоторые особенности употребления этих выражений, сопроводив материал необходимыми рассуждениями.

Практически все благопожелания обращены к хозяйке. Анализ их семантики показывает, что в вологодских говорах частотными являются пожелания успеха, удачи (*Спорина в квашню! Спорина на квашню! Спорынья в квашню!*), быстрого подъёма теста (*Дай Бог хорошего подъёму! Пух в ночовки! Добро в ночовках!*), быстрого, успешного протекания действия (*Спорынья стряпать! Спорая стряпня! Выше тронется! Пусть высоко поднимаются, румяно наливаются!*), важных ингредиентов в тесто (*Сахар в тесто!*), хорошего хлеба как результата работы (*Спорый хлеб тебе!*) и т.д. Многие этикетные выражения, как уже давно подмечено, восходят к архаичным магическим, заклинательным репликам. Одна из зафиксированных фраз свидетельствует о влиянии на ситуацию христианских традиций: *Поспорй, Господи, на сей день Господжий всех людей крешишёных!* (Кир. Ферап.).

Обратим внимание, что все эти формулы являются благопожеланиями. Очень показателен тот факт, что негативные, недобрые пожелания, каковые произносятся в иных ситуациях (например, в ситуации стирки, полоскания белья – *Жуки на буки!*) [Зорина

1992], в этой ситуации не зафиксированы вообще. Исключением, вероятно, следует считать обратное, шуточное пожелание: *Марья, иди! Кирпичом торгуют!* По наблюдениям краеведа Н.А. Кукина, это пожелание произносится для того, чтобы пирог не оказался плотным, тугим, твёрдым, как кирпич (Сямж. Монаст.).

В отличие от ранее описанных нами благопожеланий [Зорина 1992, 1995, 2006], в этой ситуации зарегистрирована реплика-предупреждение, адресованная хозяйке, замешивающей тесто: *Хозяюшка квашоночку творит, неудача в окошечко глядит!* (В-У. Горбач.). *Неудачей* называют и сам продукт неудачной выпечки, ср. у В.И. Белова: «*Неудача, то есть невыбродивший либо перекисший хлеб, ложилась на большуху позором, и она в таких случаях всегда сокрушалась. Каравай невыбродившего хлеба оседал, нижняя корка была тяжёлой и плотной. Перекисший же хлеб вызывал изжогу*» [Белов 1989: 223].

Особенности употребления изучаемых благопожеланий сводятся к тому, что они функционируют в составе диалоговых единств: *Я месила тесто. Пришла ко мне Марья и говорит: «Спорынья в квашню!» А я отвечаю: «Спасибо!»* (Тотьма). *А если тесто месят, то говорят: «Спорынья в квашню!» А отвечают: «Спасибо!»* (Тот. Мос.). Случаев, когда общее трудовое пожелание (*Бог в помощь!* или *Труд на пользу!*) предшествует специальному, конкретно-прагматическому пожеланию, как, например, при стрижке овцы [Зорина 2006: 64–66], в данной ситуации не замечено.

В некоторых говорах параллельно употребляются синонимические этикетные выражения. Так, в ситуации приготовления теста в сямженском говоре зафиксированы благопожелания «*Скусного пирога!*» и «*На хороший хлеб!*»; в великоустюгском говоре – *Спорина́ хлебу!* и *Спорина́ стряпать!*

Нередко структура благопожелания варьируется в результате изменения порядка слов (*На хороший хлеб!* – *Хлеб на под!*), осложняется вокативами (*Марья! Хозяйка!*) или повтором (*На хороший на хлеб!*), разворачивается за счет указания адресата (*тебе, вам*). Замечены факты эллипсиса структуры, характерного для устной разговорной речи (*Выше тронется!* – опускается слово *тесто*; *Пусть высоко поднимаются, румяно наливаются!* – опускается слово *пирог*). Пропуск подлежащего, по-видимому, дело не случайное: разговаривающим людям абсолютно ясно, о чем идёт речь.

Более того, пропуск подлежащего можно рассматривать как проявление желания создать своего рода оберег: если предмет ещё не назван, его нельзя «сглазить».

Приветственная фраза *Не красна изба углами, красна пирогами*, которая из всех ранее перечисленных формул известна наиболее широко, в народном сознании давно приобрела характер поговорочного выражения. Но обычно оно используется в плане одобрения гостеприимства, а в вологодских материалах было использовано как благопожелание хозяйке, пекущей пироги.

Встретился единичный факт, позволяющий говорить о всё большем затемнении внутренней формы и так уже устаревшего слова *спорина* в составе формулы приветствия *Оспорина в квашню!* Ни материалы словарей В.И. Даля и М. Фасмера, ни факты СРНГ слово *оспорина* не подтверждают.

Небезынтересно, что слова *спорина*, *спорынья*, которые варьируются в благопожеланиях, – это диалектные, местные слова. Они имеют севернорусский ареал и обозначают понятия ‘удача, успех, выгода, прибыль’ [СРНГ 40: 236–238]. Диалектным является также и слово *ночовка / ночёвка* (словари дают его в разной орфографии) – ‘деревянная продолговатая чашка под муку, используемая для замеса пирожного теста’ [СВГ 5: 113].

В СРРЭ благопожелания, подобные тем, которые анализируются нами, включаются в группу «приветственных пожеланий» [СРРЭ 2001: 500]. Думается, однако, что функция представленных здесь благопожеланий предполагает достаточно широкий спектр побуждений: необходимо окликнуть занятого работой человека, поприветствовать его, придать общению доброжелательную тональность, высказать пожелание хорошего результата в работе, иногда – позабавить, развеселить и т.д.

В ряде случаев наши поиски этикетных благопожеланий не завершились успехом, ответ получить не удавалось, точнее, он был отрицательным: *Прибегу и спрошу: «Ты пироги-то испекла? А у меня всё-т ещё на печи стоят». А чего желать? Хорбиши дрожжи, дак испекошь* (Сямж. Монаст.). Или: выспрашиваем приветствия, информатор их не может вспомнить, скорее, даже не знает каких-то особых выражений и объясняет своё незнание закрытостью ситуации для наблюдателей: *Пироги-то рано пекут, это уж вам я не скажу* (Кир. Ферап.). Между тем традиция ритуального обращения

с тестом известна ещё со времён античности. Тогда, оказывается, тесто месили в ритме, задаваемом флейтой [Античная мифология 2007: 67].

Этикетными выражениями оформлена вся ситуация выпечки хлеба и пирогов. Рядом с этикетными формулами благопожелания стоят формулы выражения благодарности за угощение выпечными изделиями. Так, нами зафиксированы похвалы женщине, которая обычно удачно выпекает хлеб и пироги: *Добра́, здоро́вья пече́е, чтоб кипéло в яче́е!* (Влгд.); *У пеце́юшки ру́цьки белы́!* – *Когда хоро́шо пекёт, так говоря́т* (Сямж. Монаст.). Рачительной, гостеприимной хозяйке, угощающей своей выпечкой гостя, адресуется формула благодарности *Добра и здоро́вья печеюшке!*: *А пришла вот одна женишшына. Я говорю: «Садись, Лидия, чайку попей с нам да пирожка поешь». Она села: «Ну-ко, которая пекла? Добра и здоро́вья пецеюшке! Вот хоро́ши пирожки-ти! Анна, ты пекла?» – Анну-то отгонили от обряду. Сноха-то вон какая пришла!* (Сямж. Монаст.).

Слово *печеюшка* – ласкательное наименование той хозяйки, которая печет хлеб, пироги. Известно, что в старину в большой крестьянской семье обязанности женщин были строго регламентированы: одна занималась приготовлением пищи для людей, другая – поила для скота. В первой из формул – *У пецеюшки руцьки белы!* – наблюдаем метафорический образ чистых, добрых рук как символа добрых намерений. Семантика белого цвета оказывается чрезвычайно значимой для народноречевого этикета, ср.: *Бело на платье!* – благопожелание в ситуации стирки, полоскания белья; *Набеленько!* – то же; *Проходи, лебедь белая!* – ласковое обращение к молодой и приятной женщине. Положительные реакции коммуникантов в силу особой семантики вызывает использование в благопожеланиях слов *пух, сахар*.

Наблюдения, проведенные над ареалами бытования таких этикетных формул, пока не выявили четкой картины. На близкой к Вологде территории, особенности говоров которой представлены Ярославским областным словарем [ЯОС], встретилось множество благопожеланий со словом *спорынья*, но из них лишь одно – *Спорынья в квашню!* – связано с рассматриваемой ситуацией. Остальные приветственные реплики порождены другими ситуациями: *Спорынья вдвойне!* – при молотье, провеивании зерна; *Спорынья*

в дойник!, *Спорынья в молоко!* – при доении коровы; *Спорынья в корыто!* – при стирке белья; *Спорынья в труде!* – при уборке урожая; *Спорынья за щеку!* – в ситуации, когда человек ест. Словарные статьи *ночовка*, *пух*, *сахар* в этом словаре не содержат интересующих нас трудовых благопожеланий. Это несовпадение удивительно: прагматическая ситуация доения коровы в этом словаре, как и в Словаре вологодских говоров, сопровождается большим количеством совпадающих единиц.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей [СРГК] также не фиксирует проанализированного спектра вологодских этикетных выражений. В говорах Тверской области фиксируется иное, чем на Вологодчине, благопожелание – *Скачки на скóвороду!* (Твер.). По-видимому, ареальная характеристика данных формул вежливости, а также их полный перечень будут установлены лишь по завершении сбора материала для Лексического атласа русских народных говоров [Программа. Вопрос Л 5 417].

2. Благопожелания при сбивании масла

Вологодская область издавна известна как центр особой культуры маслоделия. Здесь приготовление сливочного масла – это исторически сложившаяся, традиционная отрасль крестьянского хозяйства. Молоко, сыр, творог и масло – это «крестьянские символы жизненного благополучия, сытости и довольства» [СРФ 1999: 562].

Ситуация сбивания масла описана В.И. Беловым в очерках по народной эстетике «Лад»: «...*сметану старались копить. Вечерами женщины сбивали сметану мутовками в особых горшках, называемых рыльниками. После длительного и весьма утомительного болтания появлялись первые сгустки смеса, масла-сырца. Постепенно они сбивались в один обций ком. В рыльник добавляли воды, сливали жидкость, а смес перетапливали в нежаркой печи. Затем сливали и остужали. Получалось янтарного цвета топленое масло*» [Белов 1989: 231].

Ситуация сбивания масла не могла не породить специальных оборотов речи: *Ком масла! Пуд масла! Ушат масла! Пахтус маслом! Масло – пахтус! Толстой пахтус! На толстый (густой) пахтус! Масляная голова! Добро на масле! Масло желто да в крупиночку! Бог в помощь! Сбивать не пересбивать! Гусни, хрясни! Дай*

Бог масла! На здоровье! В нормативных словарях такие этикетные формулы не зафиксированы. Их употребление в народной традиции – это установленное правилами общения, обязательное дело. Словарь русского речевого этикета А.Г. Балакая также предоставляет в распоряжение наблюдателей убедительные доказательства, что ситуация сбивания масла оформлена этикетными выражениями: *Масло (маслице) комом! Масло на мутовку (мутовочку)!* Благопожелания, характерные для говоров вологодской территории, кроме *Масло комом!*, в словаре А.Г. Балакая не регистрируются [СРРЭ 2001: 255]. В Словаре русских народных говоров зафиксировано лишь одно выражение из нашего репертуара – *Маслице комом, масло комом!* ‘доброе пожелание человеку, сбивающему масло или сметану’ (свердл.) [СРНГ 14: 224].

Рассмотрим народные благопожелания, зафиксированные нами на вологодской территории.

Чтоб быстрее скружилась сметанка в колобок! (К-Г. Навол.). *Скружиться* – диалектное слово, означающее понятие ‘при ритмичных кругообразных движениях стать плотным, сгуститься’. Ни в СВГ, ни в СРНГ слово с таким значением не зафиксировано. Словом *колобок* здесь назван плотный сгусток, ком масла: <Я желаю тебе (вам), чтобы сметана быстрее превратилась в масло!> При высокой жирности молока такой ком действительно образуется быстро.

Сметанка в колобок!

Ком масла! Зашла, а она масло взбивает. Я ей и говорю: Ком масла тебе, соседка! Она отвечает: Спасибо на добром слове! (Кир. Ферап.). Данное благопожелание фиксируется также в говорах Харовского района Вологодской области. Свежесбитое масло действительно имеет вид кома. Чем быстрее он образуется, чем он плотнее, тем лучше: <Я желаю тебе (вам) порцию масла>.

Пуд масла! Благопожелание зафиксировано в деревнях Великоустюгского района. В данном благопожелании на первый план выступает количество масла. Работающему человеку желают, чтобы масла было много: <Я желаю тебе (вам) большого количества масла>. Масло в доме – это достаток, сытость и здоровье членов семьи. Некоторые крестьяне производили масло и на продажу. Следовательно, пожелание большого количества масла – это в данной ситуации благое пожелание. *Пуд* выступает мерой, эквивалентом большого количества масла.

Ушат масла! Ушат масла! – говорили женщине, которая мешает сметану (В-У. Мякин.). *Ушат* – это ‘кадка с двумя ушами на верхнем срезе, в отверстия которых продевается палка для подъёма, ношения’ [МАС 4: 545]. В данном случае это, по-видимому, и мера измерения количества полученного масла. Однако никакой гиперболы в этом употреблении слова *ушат* нет. Во многих крестьянских хозяйствах содержалось по 12–16 коров, следовательно, благопожелание *Ушат масла!* вполне реалистическое. Любопытное доказательство этому даёт текст частушки, записанной в той же деревне: *Понеси, лешак, сметану! Никогда мешать не стану! Как неделя, так ушат – Никому не примешать!*

Пáхтус маслом! Благопожелание зафиксировано в говоре деревни Горбачёво Великоустюгского района. СРНГ приводит слово *пáхтус* в значении ‘шар, ком сбитого масла; ком масла, сбитого за один прием’ (арх., беломор., волог., костр., перм.) [СРНГ 25: 297]. ‘Тикетных благопожеланий с этим словом СРНГ не приводит. Нет ни слова *пахтус*, ни благопожеланий с ним в Словаре областного вологодского наречия [Дилякт.]. Тем не менее для вологодской территории это слово типично: *Слiвошное мáсло-ти хорóшо, только я пáхтус бóльше люблю. Намáжешь на кусóк-ти – вкúсно до чегó!* (В-У. Алекс.) [СВГ 7: 19]. В словаре имеются также факты из Бабушкинского, Кирилловского, Никольского и Тотемского районов. Обращает на себя внимание противопоставление понятий

‘масло’ и ‘пахтус’: *пахтус* – ‘сбитое из сметаны, ещё не топлённое в печи масло’. В Словаре вологодских говоров встретилось и шутовливое, как кажется, производное образование *пахтусовичи*: *Молока нынче много, надо пахтусовича взбить* (Тот. Мос.) [СВГ 7: 19].

Пахтус маслом!

Вологодские материалы относительно слова *пахтус* очерчивают восточную часть ареала этого слова. По свидетельству Г.А. Дружининой, жителям г. Каргополя с таким же значением известны слова *пёхтанье* и *пáхта*. По данным СРГК, *пёхтанье* и *пектанье* – ‘отходы в виде жидкости при сбивании масла, пахта’: *Вертят, вертят, масло о себе будет, а пёхтанье сольют, оно тоже хорошее, его к пирогам берегут* (Тер.) [СРГК 4: 496]. Там же приводится слово *пёхта* ‘сливочное масло, скатанное в шары и замороженное’. По данным словаря М. Фасмера, слово *пахтаты* произошло из финского языка, где слово *puhtaa* означает ‘пахтать, сбивать масло’. В пользу финского происхождения этого слова говорит название *чухонское масло* ‘сливочное масло’, в то время как топлёное масло называется *русским маслом*. Есть также мнение, что слово *пахтус* произошло из финского *pahtaa*, что значит ‘сгущать, давать затвердеть, застыть’ [Фасм. 3: 222].

Слово *пахтус* входит в состав ещё нескольких благопожеланий. *Масло – пáхтус! Масло – пáхтус! – говорят человеку, который сбивает масло* (В-У. Горбач.). *Толстой (толстый) пáхтус (тебе)! А вот мешает сметану хозяйка, а ей желают: «Толстой пахтус тебе!» А она отвечает: «Спасибо!»* (Тот. Мос.). Выраже-

ние фиксируется также и в говорах Череповецкого района. (*На тóлстый (густой) пáхтус! На густой пахтус!* (Тотьма).

Масляная голова! Хозяйка мешает масло. Входит соседка: «Масляная голова!» – «Спасибо!» (Вашк. Липин Бор). Данное благопожелание зафиксировано также в говорах Харовского и Устюженского районов. По данным Словаря русского языка, слово *голова* – ‘пищевой продукт в виде шара, конуса’: *голова сыру, сахарная голова* [МАС 1: 325]. В нашем случае слово *голова* не только обозначает предмет круглой формы, хотя это здесь очень существенно, – слово привносит значение количества.

На здоровье! На здоровье! – *говорят, когда сбивают масло* (Влгд. Павлово). Коровье масло – важная составляющая часть рациона питания человека. В крестьянском быту XIX в. для изготовления масла использовали только излишки продукта. Суть благопожелания, следовательно, такова: если в семействе есть сытость, довольство – следовательно, будет и здоровье. Заметим, что в ситуации доения коровы проанализированное благопожелание не зафиксировано.

Добро на масле! Добро на масле! – *говорят человеку, который сбивает масло* (В-У. Горбач.). Благопожелание, представляя собой, по-видимому, неполное предложение, отличается от всех ранее перечисленных своей синтаксической структурой. Существительное *добро* обнаруживаем и в других простонародных формулах пожеланий благополучия, достатка: *Добру расти, (а) худу по норам ползти! Жить, богатеть, добра наживать, лиха избывать!* [Балакай 2001: 139].

Гусни, хрясни, дай Бог масла! Выражение зафиксировано в говоре д. Дундуково (Вытег. Ежез.). Оно состоит из двойного благопожелания. Первая его часть происходит, вероятно, от заклинательных фраз, сопровождавших выполнение самого действия, вторая сформировалась под влиянием употребительных христианских формул. Слово *гуснуть* по данным СРНГ – ‘становиться густым, густеть’ [СРНГ 14: 245]. *Хряснуть*, согласно словарю В.И. Даля, – ‘разбухать или густеть, сгущаться, переходить из жидкого в твердое состояние’ [Даль 4: 567]. Благопожелание фигурирует в тексте вытегорской приговорки, произнесённой А.С. Пашковой, 1923 года рождения: *Гусни, хрясни, Дай Бог масла! Зять за воротам с красной ложкой масла просит. Сметана не мешается. Зять не уби-*

рается. Эта приговорка имела ритмизованный характер, употребление её придавало ритмичность и самому процессу сбивания масла. Первоначально в ходе наших опросов – и в течение длительного времени – информант произносил только благопожелания *Гусни, хрясни, дай Бог масла!* Однако впоследствии им был воспроизведен полный текст.

Гусни, хрясни!

Масло желтб да в крупиночку! Так у нас говорили женщине, мешающей сметану (В-У. Черн.). Благопожелание содержит указание на цвет и необходимую консистенцию продукта. Цвет зависит от качества молока, а качество – от характера питания коровы, от особенностей произрастающих в данной местности трав. Что касается консистенции масла, то следует учесть: когда сбивают сметану и из неё уже начинает образовываться масло, в сбиваемой массе действительно появляются «зёрна» масла, маслянистые «хлопья» (ср.: как сыр в масле кататься). Но крупинки появляются лишь после перетапливания масла в русской печи, т.е. тогда, когда появляется топлёное, русское масло.

Бог в помощь! Сбивать не пересбивать! По свидетельству филолога М.В. Жуковой, именно так приветствуют человека, сбивающего масло, в Тотемском районе: *Бог в помощь! Сбивать тебе не пересбивать!* Человеку желают, чтобы было много продукта, ради которого производится работа. Сравним с благопожеланием *Возить вам не перевозить!* – тому, кто возит снопы сжатого хлеба. Оно имеет ту же самую структуру.

В вологодских говорах частотным является пожелание успеха в этом деле. Пожелание успеха – это пожелание удачного, быстрого протекания действия (*Гусни, хрясни!*), характерной, завершённой формы получаемого продукта (*Ком масла! Масляная голова!*), высокого качества получаемого продукта (*Масло желто да в крупиночку!*), большого количества масла (*Пуд масла! Ушат масла!*), пожелание, чтобы продукт шёл во благо семье хозяйки (*На здоровье!*), чтобы такой важный для экономики семьи процесс никогда не прекращался (*Сбивать не пересбивать!*) и т.д.

Многие этикетные выражения восходят к архаичным заклинательным репликам. Не исключение и эта ситуация (*Гусни, хрясни!*). Некоторые из зафиксированных фраз свидетельствуют о влиянии на ситуацию христианских традиций (*Бог в помощь! Дай Бог масла!*). Специфику семантического наполнения благопожеланий в этой ситуации составляет указание на стадии процесса приготовления масла: *Пахтус – маслом! Масло – пахтус! Толстой пахтус тебе! На толстый пахтус! На густой пахтус!* – на первую стадию, когда сбивают сметану, *Масло желто да в крупиночку!* – на вторую стадию, когда сбитое за один приём масло уже перетапливается в печи.

Все формулы являются благопожеланиями. Негативные, недобрые пожелания, которые произносятся в иных ситуациях (например, в ситуации стирки, полоскания белья – *Жуки на буйки!, Ворон летит!* [Зорина 1992в:] или в ситуации замешивания теста – *Кирпичом торгуют!*), в этой ситуации не зафиксированы.

Изучаемые благопожелания функционируют в составе диалоговых единств: *Хозяйка мешает масло. Входит соседка: Масляная голова! – Спасибо!* (Вашк. Липин Бор). *А вот мешает сметану хозяйка, а ей желают: «Толстой пахтус тебе!» А она отвечает: «Спасибо!»* (Тот. Мос.). Случай, когда общее трудовое пожелание (*Бог в помощь!* или *Труд на пользу!*) предшествует специальному, конкретно-прагматическому пожеланию, как, например, при стрижке овцы, в данной ситуации также замечены (*Бог в помощь! Сбивать тебе не пересбивать!*) (Тотьма).

Заметная однотипность употребляемых синтаксических конструкций, по-видимому, дело не случайное: общающимся в этой ситуации людям абсолютно ясно, о чем идёт речь. Но структура благопожеланий в говорах может варьироваться в результате измене-

ния порядка слов (*Пахтус – маслом! Масло – пахтус!*), осложняться вокативами (*Хозяйка! Соседка!*), разворачиваться за счёт указания бенефицианта, адресата благопожелания (*тебе, вам*).

В некоторых говорах параллельно употребляются две-три этикетные конструкции. Так, в великоустюгском говоре зафиксированы благопожелания *Пуд масла! Пахтус – маслом! Масло – пахтус! Добро на масле!*; в тотемском говоре – *Бог в помощь! Сбивать не пересбивать! Толстой пахтус тебе!* Употребление синонимических конструкций в одном говоре – знак того, что в народном сознании ситуация действительно оформлена, согласно категории вежливости, этикетными репликами, однако право выбора конкретного благопожелания принадлежит говорящему.

В настоящее время все зафиксированные благопожелания восстанавливаются лишь при опросах информантов старшего возраста. Теперь, когда многие семьи не имеют в хозяйстве коров, эти выражения перестают быть востребованными, о чём убедительно свидетельствует наш информант К.Я. Игнашева, 1909 года рождения: *А я уж масло-то не сбиваю. Последний раз сбивала, когда маленькая была* (Сямж. Монаст.). Или ещё два свидетельства уходящего в прошлое быта: по воспоминаниям Г.А. Дружининой, 1937 года рождения, в Каргополе в её бытность там в доме было 12 квартир, хозяева держали четырех коров, но жители подобных благопожеланий не слышали; Р.А. Усова, 1941 года рождения, урождённая деревни Наволок Кич-Городецкого района, таких формул тоже не знает. Возможно, и традиции общения в разных местах были разными.

Таким образом, нами охарактеризован пласт уходящей крестьянской культуры, заметно отразившийся в языке жителей Вологодского края. Обилие зафиксированного материала, регулярность его употребления, образная структура благопожеланий свидетельствуют о том, что вологодская территория находилась в центре ареала бытования этикетных благопожеланий.

3. Благопожелания в ситуации приготовления пива

Во время диалектологических экспедиций в беседах почти повсеместно возникает тема приготовления пива. Все собеседники увлечённо, со знанием дела рассказывают о традициях пивоваре-

ния в родных местах. В самой технологии варки пива существенных различий в принципе не наблюдается. Тем не менее для характеристики изучаемых нами благопожеланий совершенно необходимо предварительное описание некоторых приёмов этого сложного процесса.

Ячмень или рожь (именно этот злак используется чаще) нужно было специально приготовить: положить в мешок, опустить в воду и держать в воде три дня – чтобы зёрна были готовы к прорастанию. Затем принести это зерно домой, разложить, рассыпая, по поверхности нежарко истопленной печи. В тепле оно будет прорастиваться ещё три дня. Следующие три дня проросшее зерно *загнетают*, держат, собрав, под грузом. Таким образом, только на подготовку к варке пива уходило много времени – целых девять дней.

Пиво обычно варили на *камёнях* – у реки или у колодца. Туда *волокли судо* – деревянную бочку большой вместимости. В приготовленное сырьё добавляли соответствующую порцию хмеля, заливали холодной водой (чтобы не заварился кисель!) и опускали в сосуд раскалённые камни. Их нагревали на костре, вынимали из огня специальными деревянными клещами и перекладывали в сосуд. Когда вся эта смесь прокипит, пиво сливали. Вынутые из сосуда камни давали детям – полакомиться, полизать, так как на них образовывался сладковатый желеобразный слой. Затем пиво переливали в *лагуны* (деревянные бочонки вместимостью по два ведра каждый, со специальным отверстием внизу для слива пива). Прочие технологические детали – а их достаточно большое количество – пока опускаем.

То, что первым сливали, называлось *перводан* (это было очень качественное, крепкое пиво). Уже проваренную массу вновь заливали водой и повторяли процедуру. То, что сливали второй раз, называлось *другодан* (это пиво было уже слабее). То, что оставалось в судне, называли *дробинами*, на них готовили квас. На дне сосуда оставался *мел*, беловатый осадок, который сливали и использовали в дальнейшем как закваску для приготовления теста. Сваренное пиво наливали для хранения в *корчаги*, а непосредственно для подачи на стол, для питья – в *братыни*, из которых прямо и пили пиво. Почти повсеместно на вологодской территории *братыни* называли *яндовами* (*Раньше-то дёдко крепкой быу, по-*

уную яндову́ пíва выпивáу), кое-где их же звали халя́вами (*А халя́ва – дак ё́то браты́нь. Когда́ пíво пíли, дак больша́я, грома́дная бра-ты́нь – дак ё́то халя́ва. Подава́ли, дак вёсь по́езд сва́дебный пил*) [СВГ 11: 177; СВГ 12: 136]).

Если семьи были большие, то семья варила пиво только для себя. Чаще пиво варили *домами*, то есть собиралось несколько семей, живущих по соседству, и начинались по договорённости совместные хлопоты. Даже рожь собирали для этого дела в определённых пропорциях, *засыпались* на кого-то, кто планировал это пиво пить. Такая традиция называлась *братчиной*. Пивоварением занимались как мужчины, так и женщины. Но обычно варить пиво доверяли лишь наиболее искусному в этом деле человеку. Готовили этот напиток преимущественно к церковным праздникам, к обрядовым актам и к различным мероприятиям (новоселье, проводы в армию и др.). Традиция пить в меру строго соблюдалась: допьяна, как рассказывают наши собеседники, этим напитком люди никогда не напивались.

Пиво при варке получалось разное. Где-то его качество определяли по цвету (*Кра́сно́е пíво тако́е хоро́шее; Из ячменя получа́лся белый напиток*). Иногда пиво именовали по особенностям приготовления: *А из ржи – пиво за́гнетённое*. По времени слива порции пива оно именовалось *перводáном* или *другодáном*, по степени крепости – *жиделью*.

В речи информантов было отмечено несколько специальных благопожеланий, связанных с ситуацией пивоварения. Это такие культурно значимые этикетные формулы, как *Бог в помощь! Бог в помощь зелёно́ вино́ гнать! Кре́пка пива! Мёд да па́тока! Двоева́ра хмельна́я!*

Бог в помощь! – это самое общее по смыслу благопожелание, произносимое при всех видах производимых работ. <Пусть Бог будет в помощь>, т.е. <Пусть будет успешной работа>. Так языковые средства этикета выполняют профетическую, прогностическую, ритуальную функцию.

Бог в помощь зелёно́ вино́ гнать! – здесь то же самое благопожелание распространяется указанием на производимое действие. *Зелёно́ вино́ гнать* – как представляется, тоже клишированное, стандартное выражение. Источник его – *зелено вино* ‘водка, настоянная на травах’. Этимологи связывают наименование со словом

зелье, 'лечебный настой'. Если такая водка была хорошего качества, то она всё равно была светлой, прозрачной. Судя по анализируемому благопожеланию, в сознании народа все разновидности пьянящих напитков обозначаются словом *вино*. Пиву, таким образом, приписывается более пьянящая сила, чем это было ему свойственно.

Крёпка пива! <Я (мы) желаю (желаем) крепкого пива>. Желаемое выражается формой родительного падежа единственного числа. Подлежащее и сказуемое опускаются. Это самый обычный способ выражения пожелания чего-либо в русском языке, ср.: *Доброго здоровья! Долгих лет жизни! Спокойной ночи!* и т.д. При употреблении благопожелания обычно указывается адресат пожелания: *Крёпка вам пива!* (Тарн. Верх.). Использование в благопожелании краткой формы имени прилагательного свидетельствует о достаточно древнем происхождении этой формулы.

Мёд да патока! Это, пожалуй, самое «сладкое», образное благопожелание: *Мёд* – сладкое густое вещество, вырабатываемое пчёлами из нектара. *Патока* – густой, тягучий сладкий продукт, получаемый гидролизом крахмала (в северных краях главным образом картофельного) с последующим фильтрованием и увариванием сиропа. Патока применяется в производстве плодово-ягодных консервов, кондитерских изделий, пива, безалкогольных напитков и др. Слова *мёд* и *патока* воспринимаются как символ сладости, удовольствия: <Пусть пиво будет как мёд да патока>. То есть по существу пожелание заключает в себе удвоение смысла: пусть сладость пива, это его приятное качество, удвоится.

Двоевара хмельная! Так людям, варившим пиво, желали двойной его пьянящей силы, крепости. В Словаре В.И. Даля слово *двоевара* толкуется как 'пиво, дважды на хмелю переваренное' [Даль 1: 419]. Пожалуй, точнее значение формулируется в других источниках: 'дважды сваренное со свежим каждый раз хмелем' [nason]. Пьянящие свойства пива усиливались при его двойной варке, но только в том случае, если повторно оно варилось со свежим хмелем. В фольклорных текстах *двоевара хмельная* – символ разлучения невесты с её родственниками: *Принеси-ко мне, батюшко, Много пива-то пьяново, Да двоевары-то хмельные, Да не ведром, не братынечкой, А целой бочкой дубовою; Видно, разлучит пиво пьяное Да и двоевара-та хмельная Меня молодёшеньку С ба-*

тюшкой да и с матушкой Да со всей роднёй-то сердечною [Андреева 2004].

В качестве ответной реплики на приведённые выше благопожелания зафиксированы слова *Просим милости!* Они означают приглашение прийти пить, попробовать свежесваренное пиво (ср. в ситуации черпания воды из колодца: – *К нам чаёвничать! – Милости просим!*).

Итак, в тесном деревенском быту северной деревни в каждой ситуации рождались соответствующие ей благопожелания. Пивоварение, т.е. действие, производимое в деревне на открытом пространстве, не оставалось без моральной поддержки, радостной реакции соседей. В благопожеланиях применительно к ситуации пивоварения обращает на себя внимание идея удвоения пьянящей силы ожидаемого продукта: благопожелание *Мёд да патока!* означает ‘пусть пиво будет в два раза слаще, т.е. приятнее’; благопожелание *Двоевара хмельная!* – ‘пусть пиво будет в два раза более хмельным, т.е. пьянящим’.

§ 6. Благопожелания в сфере бытовых действий и процессов

При всей условности использования здесь названия «бытовые действия и процессы» проанализируем далее компактные группы благопожеланий, порождённых яркими и достаточно важными в деревенской жизни ситуациями: коммуникативной ситуацией встречи у колодца или какого-либо иного источника воды, ситуацией стирки и полоскания белья, а также ситуацией генеральной уборки в доме.

1. Благопожелания при черпании воды из источника

Ситуация черпания воды из колодца или какого-либо другого источника в русской культуре имеет целый ряд особенностей. Это действие производится на открытом пространстве, оно доступно для наблюдения другим жителям деревни. Участие мужчины в выполнении этой работы в традиционной народной культуре не одобрялось: считалось, что здоровая работающая женщина должна сама справляться с такой нагрузкой. У колодца женщины нередко собирались специально – поговорить, обменяться новостями. Де-

вушка, несущая на коромысле полные вёдра, у русских людей и в настоящее время вызывает положительные эмоции и желание вступить с ней в разговор. Опоэтизированный образ женщины с коромыслом выразительно представлен в живописных работах Ф.А. Малявина, З.Е. Серебряковой и др.

Почитание воды у русского народа имело сакральный характер. Древние славяне приносили воде жертвы, обращались к ней с почтительными приветствиями и просьбами [Миф.]. Ситуация черпания воды и сейчас обставлена некоторыми запретами, рождёнными многовековой традицией. Так, в повести современного литературоведа и беллетриста А.Н. Варламова «Сплав» есть небезынтесный в этом отношении эпизод: *Анна ... захотела пить. Она подошла к колодецу, достала ведро и приникла к нему. Вода была замечательно вкусной – она пила и не могла остановиться...*

– Да ты что же наделала-то? – запримчала старуха. – Как же я теперь буду-то, Господи? Кто же мне родник-то выкопат?

Анна стояла с ведром и ничего не могла понять. Чем она прогневила старуху, в своём ли та уме и о каком роднике талдычит? Но по лицу Верстова увидела, что и в самом деле совершила ужасное [Варламов 2008: 347].

В народе сложилось твёрдое представление, что колодец, колодезная вода – это святыни, с которыми принято обращаться по установленным традицией правилам. Пить из ведра, которое опускают в колодец, нельзя, поэтому людям предписывается пользоваться специальным сосудом. В вологодских деревнях для этой цели на скорую руку изготавливают берестяные *чужлики*, т.е. скручивают конусом пласты берёсты. В некоторых местах подобные наскоро сделанные «сосуды» оставляют близ колодца на ветках деревьев.

Ситуация черпания воды из колодца (впрочем, есть деревни, где до сего дня нет колодцев и воду берут или, при наличии колодцев, предпочитают брать из реки; более того, в современных домах всё чаще воду набирают с помощью насосов) не могла не породить специальных этикетных фраз. Круг добрых трудовых пожеланий, зафиксированных в этой ситуации, весьма значителен: *Чистой водицы!; Чистой водички!; Тихой воды!; Живая водица тебе, молодница!; Сладкая водица тебе, молодница!; Водица – медовица!; Водица как слезинка, а вёдра как пушинка!; Свежёнко тебе!; На свежёнко!; На светлёнко!; Дай Бог, водичка колóдезна студёна*

да вкусна!; Серебро в ведро!; Чтоб водичка была чистенька, как божья роса!; Чин да коромысло! и др.

Рассмотрим реплики коммуникантов, записанные у колодца, обращая внимание на семантику, символическое значение, структуру и особенности употребления благопожеланий.

Здравствуй, Марьюшка! Попить захотела? (Сямж.). Фраза предоставлена в наше распоряжение сямженским краеведом Н.А. Кукиным. Собственно, никакой специальной формулы благопожелания в этой фразе нет. Но показателен сам факт: человека окликнули, с ним поздоровались, добавили шутливый вопрос – именно так строится общение в плане положительной коммуникативной стратегии. В конкретной ситуации, по-видимому, с приветствием обратились действительно к *Марьюшке*, т.е. к *Марии*, хотя по благопожеланиям в других коммуникативных ситуациях известно, что могут сказать *Море под Дарью!*, хотя доит корову *Марья*.

Чистой водицы! Чистой водички! (Кад.). Эти фразы записаны от учительницы-пенсионерки в присутствии её дочери, лингвиста Л.М. Козневой. В ответах на вопрос анкеты информант варьирует лексическое наполнение формулы (*водица, водичка*), но настойчиво выражает важную идею чистоты воды. Действительно, от чистоты её зависит и здоровье, и благосостояние человека. *Чистая вода*, по суеверным представлениям жителей Вологодского края, – это вода, которую заговаривали и использовали для лечения людей: *Раньше все болезни только чистой водой лечили* (В-У.) [СВГ 12: 48].

Тихой воды! (Выт.). По словам А.С. Пашковой, *тихой воды* желают не случайно. Если кто-то приходил к роднику или к неглубокому колодцу сразу после побывавшего здесь другого человека, был вынужден переждать, пока вода успокоится, а поднятая со дна водоёма взвесь осядет. Потревоженная вода считалась вредоносной, опасной. Поэтому за водой в деревне ходили ранним утром, нередко ещё до восхода солнца. Особенно ценной считалась вода, набранная до прихода других односельчан.

Живая водица тебе, молодца! (Тот.). В этой приветственной формуле отразилось народное представление о «живой» и «мёртвой» воде. Мёртвая и живая вода обычно встречаются в сказках: сказочная «мёртвая» вода, как считалось, сращивает у умершего порубленные части тела, а «живая» возвращает ему жизнь. Пожелание «живой» воды – это доброе пожелание человеку набрать це-

лительной, полезной для здоровья воды. Зафиксированная фраза является ритмизованной, имеет формульный, завершённый характер. Слово *водица* рифмуется со словом *молодица* – ‘молодая женщина’, но такое комплиментарное обращение могло быть адресовано женщине любого возраста.

Сладкая водица тебе, молодица! Сладкая водица тебе, молодица! – *Спасибо на добром слове!* (Тот.). Казалось бы, эта формула не что иное, как вариант предыдущей. Однако в ней реализуется символика других природных качеств хорошей воды: *свежая* вода – это, по представлениям пьющего её в жаркий день человека, «сладкая» вода. Идея сладкого, приятного вкуса представлена и в других благопожеланиях, например, *Сахар – мясо!* Благопожелание функционирует в составе диалогового единства, и *Спасибо на добром слове!* – это ответная реплика в нём.

Водица – медовица! Водица – медовица! – *Твоими устами мёд пить!* (Тот.). Это замечательное диалоговое единство предоставлено в наше распоряжение работниками Тотемского краеведческого музея. Специального внимания заслуживают и реплика приветствующего, и ответ того, кому адресовано это приветствие. Коммуниканты обмениваются любезностями, которые заключают в себе

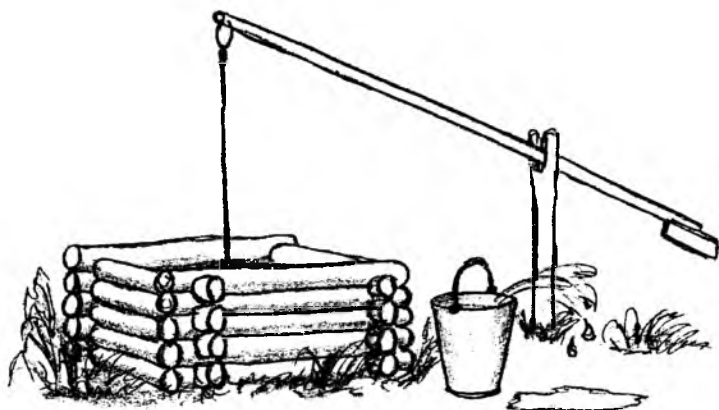
Водица – медовица!

глубокие символические смыслы. *Водица – мёдовица!* – это пожелание, чтобы вода была сладкой, как мёд. Диалектное слово *медовица* региональными словарями зафиксировано только в значениях ‘дикая пчела’, ‘гнездо диких пчёл’, ‘шмель’ [СВГ 4: 77]. В благожелании оно, по-видимому, обозначает подслащённую мёдом воду. Идея сравнивать что-либо приятное со вкусом мёда известна ещё с античности: *melle dulciora verba consonant* ‘слаще мёда слова звучат’ [Кацман, Лукьянова 1999: 286]. Созвучие концовок слов придаёт выражению благозвучность, завершённость.

Ответная реплика в анализируемом диалоговом единстве восходит к широко известной фразе *Твоими (вашими) бы устами (да) мёд пить!* В реплике используется традиционно-поэтическое, однако ныне устаревшее слово *уста*. Обычно оно применяется в высоком стиле. Здесь фраза служит для выражения взаимного согласия коммуникантов: она означает ‘хорошо, если бы случилось так, как вы говорите’. Информацию об употреблении этой фразы находим в СРРЭ [СРРЭ 2001]. Выражение это, по мнению автора, поговорочного характера. Оно представляет собой шуточный ответ на комплимент, пожелание или предсказание успеха, благополучия, а также как форма одобрения сказанного собеседником. В этом слове выражение иллюстрируется примерами из произведений А.Н. Островского и И.А. Гончарова [СРРЭ 2001: 259]. В нашем случае реплика используется именно как формула одобрения сказанного. Ни в одном из просмотренных нами словарей или исследований история ответной реплики не рассматривается. Не исключено, однако, что именно этикетное диалоговое единство и стало источником этого выражения.

Водица как слезинка, а ведро как пушинка! Водица как слезинка, а ведро как пушинка! – *Спасибо!* (Тот.). Здесь высказывается пожелание чистой, прозрачной воды и лёгкости в выполнении тяжёлой работы. Чистота воды ассоциируется с чистотой, прозрачностью слезы, а тяжесть ведра, напротив, – с невесомостью пушинки. Слово *пух* было отмечено и в других благожеланиях, например, при стрижке овцы: *Пух под ножницы!* Но в последнем случае в виду имеется не вес, а мягкость, податливость овечьей шерсти. Значит, народные представления, связанные со словами *пух*, *пушинка*, отнюдь не однозначны. Благопожелание строится на основе сравнения и синтаксического параллелизма. В структурном

отношении анализируемое благопожелание представляет собой два простых предложения. Исходя из ситуации, считаем возможной следующую трансформацию: <Пусть водица будет как слезинка, а вёдра <пусть будут> как пушинка!> Такое преобразование позволяет подчеркнуть разницу в отображении реального факта (*Водица как слезинка, а вёдра как пушинка!*) и во втором элементе парадигмы предложения ирреального факта, обозначенного формами повелительного наклонения (*Пусть будет...пусть будут*). Выражение зафиксировано в составе диалогового единства. Ответная реплика – это общая формула благодарности: *Спасибо!*

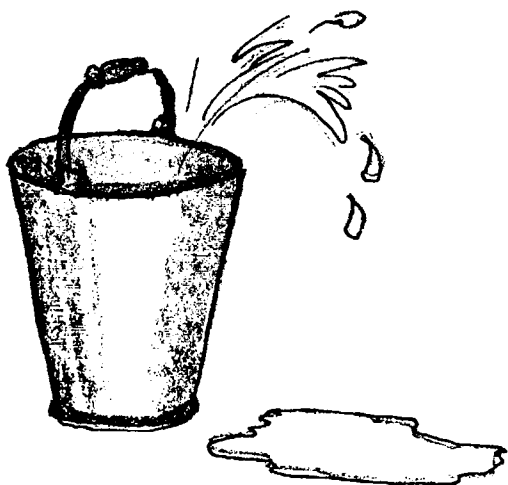
Вёдра как пушинка!

Свежёнко! Свеженько тебе! (Тарн.). *Пришла женишмына по воду, черпает из колодца. Ей сказать надо: «Свеженько!» А она-то ответит: «Спасибо, милая!»* (Кир.). Безлично-предикативное наречие в этом благопожелании выражает идею чистоты, свежести воды. Местоимение указывает на адресата благопожелания. Так устанавливается непосредственный, тесный контакт коммуникантов.

На свежёнко! На светлёнко! На свеженько! Бельё моют, дак говорят «На белёнко!», воду черпают из колодца, дак говорят «На свежёнко!» (Шексн.). *Давеча ходила за водой, так, когда воду-то черпала, соседка и пожелала «На свежёнко!»* (Кир.). *На светлёнко!* (Кир.). В отличие от благопожелания *Свежёнко тебе!* в выражении *На свежёнко!* акцентируется цель действия – достижение хорошего результата, т.е. получение чистой, свежей

воды. Ср. в литературном языке: *На благо* – ‘на благополучие, на счастье’. Но если в литературном языке в этой конструкции используется имя существительное, то в диалекте – безлично-предикативное наречие. Благопожелание *На светленько!* структурно похоже на предыдущее, однако семантически в нём выделяется другой признак воды – её прозрачность.

Серебро в ведро! Благопожелание зафиксировано в говорах нескольких районов Вологодской области (В-У., Кир., Сямж.). Очевидно, что женщине, наполняющей ведро водой, желают, чтобы эта вода была чистой, светлой, цветом и блеском напоминающей благородный металл беловато-серого цвета. В основе благопожелания лежит метафора: ведь не зря говорят: *серебряная роса, серебристая роса*. Так подчёркиваются чистота, прозрачность капель воды. *Роса как серебро* – это лучшее, чем может быть наполнено ведро. Обратим попутно внимание на удачное использование этого определения в названии вологодской фирмы-производителя питьевой воды «*Серебряная роса*». Второй аспект целесообразности применения в благопожелании слова *серебро* заключается в бактерицидных свойствах названного металла. Ассоциат *серебро* появляется здесь не случайно: обеззараживающие свойства названного металла известны широко. Это нередко используется в современных так называемых «осеребрителях» воды.

Серебро в ведро!

Вода и её ассоциации с серебром убедительно представлены в русской народной сказке «Мороз Иванович»:

Жили-были Рукодельница да Ленивица да с ними нянюшка. Рукодельница рано вставала и тут же за дело принималась. А Ленивица меж тем в постельке лежала, с боку на бок ворочалась.

Однажды с Рукодельницей беда приключилась: случайно упустила она ведро в колодезь. Строгая нянюшка и говорит: «Сама ведёрко утопила – сама и доставай!»

Пошла Рукодельница опять к колодезю, за верёвку ухватилась да на самое дно и опустилась.

Дальше идёт, смотрит – старик Мороз Иванович на ледяной лавочке сидит... Попросил он Рукодельницу пожить у него и поухаживать за ним. Навела она порядок. Старик спать на взбитую перину улёгся, а Рукодельница по хозяйству хлопотать стала. Так и прожили они три дня, а когда ей уходить надо было, Мороз Иванович сказал: «Спасибо тебе, утешила старика. Вот твоё ведёрко, я в него серебряных пяточков насыпал, а ещё бриллиантик – косынку закалывать».

В пересказе В.Ф. Одоевского характер выразительности несколько меняется: *Вернулась домой. Петух закричал: Кукареку́, кукареки́! У Рукодельницы в ведёрке пятаки́!* Здесь актуализируется идея наполнения ведра большим количеством монет малого достоинства.

Вода как серебро, или серебряная вода, фигурирует и в других жанрах русского фольклора: *Пеструшка-матушка, поди на волю, щипи траву шёлковую, пей воду серебряную, напивайся, наедайся, к вечеру домой возвращайся!* (Ник.).

Структура рассмотренного благопожелания *Серебро в ведро!* эллиптическая: предложение <Пусть тебе попадёт серебро в ведро!> превращается в лаконичное *Серебро в ведро!* В благопожелании отмечаем созвучие *-бро* и *-дро*. Тройное повторение звука [р] живописует звон чистого, светлого, приятного металла.

Дай Бог, водичка колóдезна студёна да вкусна! (Баб.). В этом выражении отразились христианские представления населения: *Без Бога*, как известно, *ни до порога*, а за порогом, по представлениям диалектоносителей, участие Бога ещё важнее. Фраза представляет собой уже целое предложение. Но и его можно попытаться «развернуть». В таком случае мы получим несколько вариантов интер-

претации: 1). *Дай Бог, <чтобы> водичка колодезна <была> студёна да вкусна* (союз *чтобы* используется здесь с целевым или объектным значением); 2). *Дай Бог, <если> водичка колодезна <в данный момент> студёна да вкусна* (у союза *если* значение условности). В благопожелании используются стяжённые и краткие формы имён прилагательных. *Колодезна*, бесспорно, – это стяжённая форма прилагательного. А *студёна, вкусна* – это краткие формы прилагательных. Если используются краткие формы, то посредством их выражается констатация состояния воды в данный момент, т.е. *Слава Богу, водичка колодезна студёна да вкусна!*

Чтоб водичка была чистенька, как божья роса! (Арх. Вельск.). Вода в виде росы вообще олицетворяет Благовещение, благословение, духовное обновление. *Божья роса* – весьма обильная, свежая, чистая роса, она воспевается как драгоценный Божий дар. Наименование обычно употребляется в символическом значении: *Божья роса* особенно драгоценна для урожая, когда долго нет дождей [Симв.]. Структура приведённого благопожелания своеобразна: оно представляет собой одно придаточное предложение, употреблённое без главного, т.е. здесь средством художественной выразительности становится парцелляция.

Чин да коромысло! – Эта фраза, зафиксированная в Великоустюгском районе Вологодской области, является благопожеланием тому, кто несёт воду на коромысле. Думается, она употребляется и расширительно – вообще как пожелание человеку, пришедшему или идущему за водой. В Словаре современного русского литературного языка [ССРЛЯ 17: 1033] у слова *чин* нет значения, с которым бы соотносилось анализируемое благопожелание. Однако среди трёх омонимов *чинить* находим устаревший, мотивирующий, как кажется, данное слово глагол, связанный с понятием ‘заполнять чем-либо пустое, наполнять’. Современные диалекты сохраняют близкое значение: *чинить* – ‘чинить дежу, квашню’ [Даль 4: 604–605]; ‘заполнять начинкой пирог’ [СРГБ: 390]. Следовательно, *чин* в описываемом благопожелании – это, скорее всего, ‘наполнение, полнота’. Однако не исключено и другое толкование этого слова. В Словаре старославянского языка находим контекст *чин(ъ) над(ъ) ишквръньннимь сѧ стоуденьцемь* [ССЯ: 779]. Здесь, по-видимому, *чинь* – это ‘обряд’, ибо речь идёт о совершении обряда очищения над колодцем, источником.

Слово *коромысло* ‘шест с выемками или цепями для ношения воды’, по данным словаря М. Фасмера, представлено в украинском (*коромісло*) и белорусском (*коромісел*) языках. Из русского языка оно заимствовано и в польский [Фасм. 2: 334]. Это слово квалифицируется этимологами как «тёмное», плохо поддающееся этимологизации: все версии связать его с чем-либо, по словам М. Фасмера, невозможны, неприемлемы, невероятны. Несмотря на такую загадочность благопожелания *Чин да коромысло!*, его следует воспринимать как пожелание полноты вёдер и удобства их несения. Не исключено, что эта фраза говорится и тому, кто ещё только идёт «по воду»: встретить женщину с пустыми вёдрами до настоящего времени считается плохим знаком, возможно, поэтому говорятся слова оберега.

Итак, анализ семантики зафиксированных пожеланий показывает, что в вологодских говорах в ситуации черпания воды частотным является пожелание успеха. Успех в такой ситуации – это возможность набрать чистой, прозрачной воды; тихой, спокойной воды; сладкой, вкусной воды; холодной воды. Этот ряд признаков есть не что иное, как перечисление ценных качеств питьевой воды. Используется также и пожелание, чтобы тяжёлые вёдра с водой казались лёгкими несущей их женщине.

Как и во многих других прагматических ситуациях, особенностью употребления большинства изучаемых благопожеланий в ситуации черпания воды является их функционирование в составе диалоговых единств: *Сладкая водица тебе, молодица! – Спасибо на добром слове!* (Тот.); *Водица – мёдовица! – Твоими устами мёд пить!* (Тот.); *Водица как слезинка, а вёдра как пушинка! – Спасибо!* (Тот.). По нашим наблюдениям, в одной местности могут употребляться разные диалоговые единства. Этот факт убедительно демонстрирует важность ведения в такой ситуации вежливой беседы, но, кроме того, показывает предоставляемую диалектом возможность выбора, варьирования средства для выражения вежливости. Функции благопожеланий весьма широки: обычно этими фразами окликают занятого работой человека, одновременно здороваются с ним и, кроме того, высказывают ему доброе пожелание.

Все зафиксированные благопожелания обращены к женщине, которая черпает воду, отсюда и осложнение приветствия соответствующими вокативами (*Марьюшка, молодица*). Структура благо-

пожеланий в говорах может варьироваться в результате изменения порядка слов, указания адресата (*тебе, вам*), в результате использования разных слов с ласкательной экспрессией (*вода – водица – водичка*), а также за счёт разных способов выражения пожелания (*чистой водицы – чего?; сладкая водица – что?*).

В настоящее время подобные благопожелания восстанавливаются лишь при опросах информантов самого старшего возраста. В Словаре вологодских говоров из всего приведённого репертуара зафиксировано лишь одно благопожелание, записанное также нами в 1991 году в селе Ферапонтово Кирилловского района: *Пришла женщина по воду, черпает из колодца. Ей сказать надо: «Свеженько!» А она-то ответит: «Спасибо, милая!»* [СВГ 9: 101]. В Материалах для словаря П.А. Дилакторского [Дилакт.] ни одного из проанализированных благопожеланий нет. Подобные формулы теперь удаётся фиксировать только при целенаправленном поиске. Такой поиск показывает, что есть особенные «территории вежливости»: это, по нашим наблюдениям, город Тотьма с его окрестностями, село Ферапонтово Кирилловского района, деревни Сямженского и Великоустюгского районов Вологодской области. Впрочем, возможно, в других местах, не столь детально обследованных, подобные факты пока ещё просто не зафиксированы.

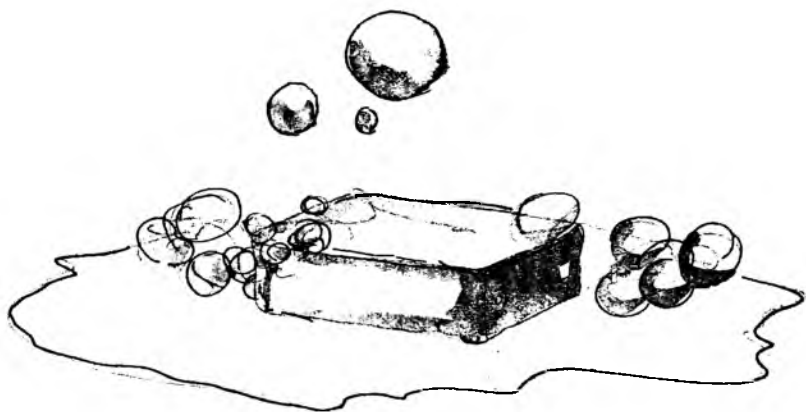
Система крестьянского речевого этикета – это система динамическая, изменчивая. В настоящее время в общении уже нередко преобладает маловыразительное *Здравствуйте!* Не стало, как видим, старинной детализации в благопожеланиях, исчезла, стёрлась образность, придававшая общению неповторимую эмоциональность. В приведённых материалах представлен, таким образом, пласт уходящей крестьянской культуры, запечатлённой в диалектах жителей Вологодской области. Обилие зафиксированного материала, регулярность его употребления, яркая образность убедительно свидетельствуют о том, что Вологодчина до недавнего времени находилась в центре ареала бытования трудовых благопожеланий.

2. Благопожелания при стирке и полоскании белья

Спектр коммуникативных ситуаций весьма широк. Членение действительности на отдельные ситуации зависит от необходимости выполнения тех или иных работ, от повторяемости действий, от доступности их для визуального наблюдения и др. Заметно выделяется ситуация неразрывно связанных между собой стирки и полоскания белья.

Членение действительности на разные прагматические ситуации может быть очень детализированным или весьма обобщенным. При разной степени обобщения, по А. Мустайоки [Мустайоки 2006], стирку и полоскание белья можно рассматривать и как одну, и как две разные ситуации. Имеющийся в нашем распоряжении лингвистический материал позволяет с определенностью говорить о двух разных ситуациях: применительно к каждой из них используются разные формулы.

Отмеченный нами набор формул, используемых при стирке белья, невелик: *Мыло в корыто! Мыло в корыте! Белó в корыто! Чистого белья! Чисто стирать! Лебеда на стёрку!* Первые два благопожелания используются и тогда, когда стирка ведётся в ином месте: не в корыте, а, например, в тазу или даже в стиральной машине.

Мыло в корыто!

Набор реплик при полоскании белья значительно шире: *Белёнько! Белёнько мыть! Белёнько на бельё! Набелёнько! Набелёнько Бог в по́моць! Белó б́учить! Белó м́ыть (намы́вать)! Белó м́ыть да стирáть! Белó полоскáть! Белó рубáхи м́ыть! Белó на плáтье (плáтьице)! Белó на водé! Давáй белó! Бóг в по́моць! Набелó Бóг (в) по́моць! Лéбеди летя́т (летéли)! Лéбеди на бук! Лéбеда на б́ук! Лебедей на стирку! Ѓуси-лéбеди летя́т! Чáйки летя́т! Начистéнько! Свежей прополоскать! Пусть вся нечисть отплывёт водой!*

Полоскание белья – это завершение стирки, т.е. стирка и полоскание – две составляющие одного и того же процесса. В нашем материале есть такие благопожелания, которые применяются только к одной части процесса (*Мыло в корыто! Бело в корыто! Лебеда на стирку!* и др.), однако отмечаются и такие формулы, которые применяются и к стирке, и к полосканию белья (*Бело мыть! Лебеди летят!* и др.). Крайним случаем обобщения, по мнению А. Мустайоки, являются случаи, когда «разные ситуации уже не воспринимаются как отдельные отрезки действительности, а представляют собой постоянную часть рассматриваемого мира» [Мустайоки 2006: 32–33].

Покажем, как используются изучаемые формулы в народной речи: *Чáще Бог в по́моць! говорíли. Это для всéх дел дóброе пожелáние. А для белья ч́истого скáжут и Начистéнько!* (Кичм.); – *Белéнькэ м́ыть, Анна! – Спасíбо! – У нáс ведь хорошó тутокá, иди́ мóй, полоши́сь* (Сямж.). *Набелёнько! Холо́дная водá, небóсь?* (Кир.). Как видим, во-первых, существует общее благопожелание *Бог в по́моць!*, применимое к работам всех видов, и частные, конкретно-прагматические пожелания *Начистéнько!*, *Белёнько м́ыть!* Во-вторых, и об этом свидетельствует второй из приведенных примеров, благопожелания употребляются в диалоговых единствах, т.е. подразумевают ответную реплику адресата (*Спасибо!*). Третья реплика, она же вторая реплика первого коммуниканта (*У нáс ведь хорошó тутокá, иди́ мóй, полоши́сь*), содействует закреплению общей дружественной, благорасполагающей интонации общения. Третий пример убеждает в том, что благопожелание имеет своей целью окликнуть занятого работой человека, привлечь его внимание, а следующая реплика провоцирует ответ, т.е. содействует превращению монолога в диалог.

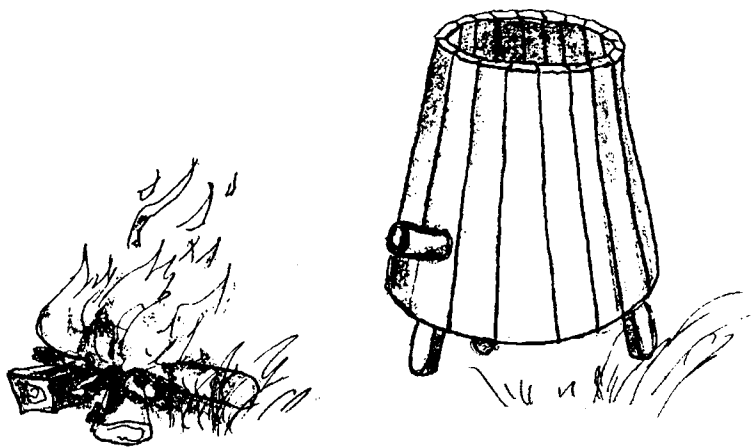
Если ситуация породила такое количество стереотипных, свойственных именно для неё благопожеланий, значит, она и сама по себе заслуживает описания. Стирка, как правило, тяжёлая, малоприятная работа. При современном изобилии моющих средств трудно себе представить острую нехватку их в традиционном крестьянском быту: *«А вот забыла, чё говорíли, – рассказывает нам собеседница в Белозерском районе Вологодской области. – Мыло в корыто! А мыла нé было в бане помыться, всё щёлоч варíли. У мян пять парнёй – нётутко, нéчем, и купítть нé на чо. Наколочú дресвы намелко да вехóточкой эту дресву. Вот она знáет – не вру, вёрноé слóво!»* (Блз.).

По сравнению со стиркой процедура полоскания белья даёт больше оснований для положительных эмоций. Поскольку эта работа требует значительного количества воды, ею обычно занимались на берегу реки, озера. Зимой бельё полоскали в холодной проруби, но ни одна фиксация благопожелания не связана с этим обстоятельством. Полосканием белья занимались исключительно женщины: *«Рáньше штёб мужíк полоскáть пошёл – упасí Бóже! А сичáс мужíк хвáть корзíну за дугу – и бежít на реку»* (В-У).

Особую группу выражений составляют благопожелания, употребляемые в ситуации, когда бельё стирают особым образом – *бучат*, как говорят на Севере. *Бучить* – это ‘подвергать бельё действию пара, кипятка со щёлочом с целью очищения, отбеливания’. В *бук*, или в *кáдцю бучешную*, – специальный деревянный сосуд на ножках и с отверстием для слива воды – загружалось бельё или холсты, всё накрывалось плотной тканью, *постилáхой*, на которую насыпали золу, наливали воду. Воду нагревали, опуская в неё камни, раскалённые на разведённом рядом костре. Воду в *буке* меняли несколько раз: сливали, а затем заменяли чистой водой. Так поступали до тех пор, пока стекающая из *бука* вода не становилась светлой.

То, какую работу выполняли женщины, было видно практически всем соседям: почти одновременно этим занимались во всех хозяйствах. *Бучили* долго – неделю или даже две, но только один-два раза в году. Холсты, вытканые за зиму, и бельё, подлежащее стирке, возили к реке и обратно на лошадях. После *бученья* всё отстирывали в корытах, полоскали и *выколáчивали*, то есть отжимали специальной *кичíгой*, *колоталкой*, *колочельной* или *колочёной палкой*. Погодные условия сезона (июнь – начало июля) обычно бла-

гоприятствовали успешному проведению такой работы. Закончить эту сложную процедуру в каждой семье старались до сенокоса, важной в экономическом отношении поры, чтобы, когда она настанет, уже не отвлекаться на бытовые дела. Сенокос традиционно начинался с Петрова дня, т.е. после 12 июля.

Бело бучить!

Когда бельё бучили, берег водоёма становился местом забав молодежи, поскольку именно молодых людей оставляли на ночь возле бучков и костров поддерживать огонь и осуществлять контроль за бучками. Наши информанты рассказывают, что для шалунов не было большего удовольствия, чем пробежать по свежему, только что расстеленному на лугу холсту или опрокинуть буч: *Бучишь – ребята придут, все бучки опрокинут. Мы заорём: «Ой, ведь бабы нас убьют!»* (К-Г.). Процедура тепловой обработки белья прочно вошла в сознание народа, о чём свидетельствует поговорка: *Кто тебе милёнок, тот и без бученья билёнок* (Тарн.), согласно которой любимый человек нравится в любом виде, даже «без бученья», без отбеливания, т. е. со всеми своими недостатками.

Людей, занятых описанной выше работой, приветствовали формулой *Лебеди (тебе, вам) на буч (буки)!*: *«Скажут: «Лебеди на буч тебе!» Видят ведь на озере»* (К-Г.). Смысл выражения заключается в пожелании чистоты, белизны обрабатываемому хол-

сту, белью. Бельё сравнивается с предметом, обладающим признаком белизны в ещё большей мере, – с лебединым оперением. Произносятся такие приветствия и веря в их магическую силу, люди словно бы призывали, накликали удачу, то есть содействовали приобретению бельём белизны, чистоты. Образная символика этих выражений является очень древней. Этикетные формулы и обычаи формируются веками, в течение длительного времени (ср. семантику слова *лебедь* в языке фольклора, в культурах разных народов мира). В анализируемых русских диалектных благопожеланиях *лебедь* – это символ чистоты и её визуального проявления – белизны. Показательно, что у других народов понятие чистоты ассоциируется с иными представлениями – с представлениями о стекле, зеркале, цветке лотоса, шерсти белого верблюжонка и др.

Формулы *Лебеди (тебе, вам) на бук (буки)! и Бело на бук!* сначала, вероятно, были прикреплены лишь к ситуации тепловой обработки с последующим полосканием белья и только потом стали применяться к более частотной ситуации – к ситуации полоскания белья. С изменением условий жизни в крестьянском хозяйстве отпала необходимость ткать и отбеливать холсты, поэтому *бучить* их приходилось всё реже и реже. В итоге слова *бук, бучить, бученье* устарели. Теперь уже нередки случаи, когда даже студентке-филологу объясняешь, что упомянутые *лебеди* ... вовсе не сели на крупное дерево под названием *бук*, оно в северных краях и не произрастает.

Полоскание белья – дело повседневное, частое. К тому же в большинстве деревень и даже городов на русском севере полоскание белья, стирка крупных предметов домашнего обихода (одеял, ковров и др.) и сейчас осуществляются на реке, на озере – с *лавы*, т.е. с мостков, со специально сооруженного плота: *Она́ на ла́ве бельё ко́лотит* (Верх.); *На ла́ву-то сходи́, пополощи́ бельё* (Гряз.). Наблюдающие эту процедуру не могут не использовать известные им благопожелания: *Я бы шла́ да сказа́ла: «Бело́ мы́ть!»*, дак ко́торая ска́жет: «Спаси́бо!»; ко́торая – «Дава́й бело́!» (Сямж.). *Вот вы́ стира́ете на реке́, ну, вам́ говорят́: «Бело́ мы́ть!» А отве́чают́: «Дава́й бело́!»* (Сямж.).

Анализ семантики благопожеланий показывает, что в описываемой ситуации женщине, которая стирает или полощет бельё, в основном желают чистоты, белизны обрабатываемого белья. Бла-

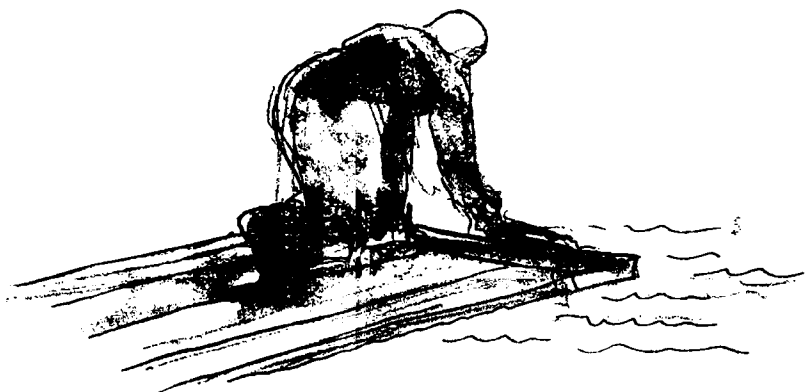
гопожелания в этой ситуации в семантическом отношении намного однороднее благопожеланий в некоторых других прагматических ситуациях [Зорина 2008в]. И тем не менее перечисленные благопожелания по реализуемым ими интенциям представляют собой выражения нескольких разных типов. Их анализ позволяет раскрыть очень тонкие нюансы смысла.

Так, благопожелание *Бело мыть!* имеет смысл призыва стирать чисто, качественно. Это благопожелание опорное, исходное для ряда других приветствий (*Бело стирать!* *Бело полоскать!*), более отчетливо его смысл проявляется в трансформации: *<Бело мыть бельё>*. Слово *белó* созвучно слову *бельё*, их различия минимальны. Они заключаются, во-первых, в наличии или отсутствии звука [j] (б'елó – б'ел'jó); во-вторых – в твёрдости или мягкости сонорных звуков [л] и [л']. Наличие указанных звуков, а также сонорного согласного в диалектном слове *мыть* 'стирать' [СВГ 5: 13] делает это благопожелание благозвучным, приятным для слуха.

Белó намывáть! – не просто *мыть* 'стирать', а очень старательно производить названное действие. *Белó полоскáть!* – это уже пожелание хорошо, качественно полоскать бельё. Оно частотно в употреблении, поскольку выходцы из деревень, даже живя в городских условиях, обычно страдают от невозможности хорошо прополоскать обработанное стиральными порошками бельё. *Белó мýть да стирáть!* – в этом благопожелании усиление смысла происходит за счёт семантического удвоения: *мыть* = *стирать*. В благопожелание *Белó рубáхи мýть!* вводится объект действия, причём в данном случае *рубáхами* называют и мужскую, и женскую одежду. *Белó на плáтье!* – пожелание, чтобы на стираемую одежду снизошла чистота (*плáтье* – 'одежда'). В формуле *Белó на водé!* обстоятельственный оттенок подчеркивает важность воды, её достаточного количества.

Благопожелание *Набело!* сравним с наречиями: *крепко-накрепко*, *бело-набело*, т.е. 'очень, до крайности крепко, бело'. Наречие *накрепко* в словарной практике представлено в слитном, дефисном и раздельном написаниях. Словарями отражено и варьирование ударения: *на́крепко* и *накрéпко* [БАС 7: 283], *на́бело* и *набелó* [БАС 7: 26]. В этикетной формуле *Набело Бог в помощь!* видим контаминацию общего, применяемого ко всем видам работ благопожелательного выражения *Бог в помощь!* и более конкретного,

применяемого лишь к стирке / полосканию белья благопожелания *Набело!* Коммуникация диалектоносителей в целом ряде случаев пронизана, как видим, христианскими мотивами.

Набело Бог в помощь!

В благопожелании *Беленько!* отмечаем усиление пожелания за счёт экспрессии, которая привносится суффиксом *-еньк-*, ср. в народной речи: *близенько, маленько, кругленько, чистенько*. Благопожелание *Набеленько!* демонстрирует еще одну ступень усиления смысла: *на + беленько*, т.е. 'очень, очень чисто'. Сравним со второй частью наречий: *чисто-начисто, бело-набело, мелко-намелко, крепко-накрепко*. По-видимому, в диалектах сохраняется в свободном употреблении то слово, которое в литературном языке стало частью сложного слова.

Формула *Лебеди летят!* <Пусть лебеди летят> выражает пожелание <Пусть бельё будет чистым> или констатацию <Работа результативна – уже белые лебеди летят>. Ощущение белизны передается через существительное *лебеди*. Благопожелание *Лебеди на бук (буки)!* подчёркивает, куда именно летят лебеди – на ёмкость с бельём. *Лебеда на бук!* – <Я тебе желаю лебеда, т.е. чистоты, белизны, на сосуд с бельём>. Употреблением слова *бук* оттеняется именно процесс белоснежной стирки: в *буке* бельё, в нём стирают. Таким образом усиливается представление о белизне.

Лебеди летят!

В благопожелании *Гуси-лебеди летят!* видим неразрывное фольклорное единство *гуси-лебеди*, употребление которого, как представляется, приводит к семантическому удвоению: *и гуси, и лебеди*. Следует обратить внимание и на цветовую характеристику. *Лебедь* – всегда белый, а *гуси* в фольклорных текстах имеют постоянный эпитет *серые*. По наблюдениям фольклористов, обычно, когда *гуси-лебеди* выступают как единое целое, их цвет либо вообще не указывается, либо, как в нашем случае, отмечается их белизна [Кургузова 2007].

Синонимична рассмотренному этикетному выражению формула *Чайки летят!* *Чайки* – более близкая к северной действительности орнитологическая реалья: *лебеди* в северных краях – большая редкость, они долетают до этих территорий только в очень тёплое лето, а *белокрылые чайки* – это постоянные обитатели пространства вблизи многих северных водоёмов.

Формула *Мыло в корыто!* может быть развернута как <Пусть мыло попадёт в корыто> или <Я желаю тебе мыло в корыто>. *Мыло* – необходимое, желанное средство: оно всегда было редким и дорогим. При его отсутствии люди пользовались щёлоком, т.е. раствором, содержащим настой древесной золы.

Семантика формулы *Бело в корыто!* может быть представлена как <Белое бельё, белизна в корыто>.

Чисто стирать! – *Чистенько!* – *Начистенько!* В этом ряду благопожеланий видим уже охарактеризованные ранее закономерности: семантика благопожелания *Чисто (стирать)!* усиливается за счет ласкательного суффикса *-еньк-* (*Чистенько!*), а от него в свою очередь образуется наречие с усилительным оттенком значения: *Начистенько!* (ср.: *накрепко, начисто, набело* → *набеленько*).

В структурном отношении перечисленные благопожелания представляют собой формулы нескольких разных типов: наречие + инфинитив (*Бело мыть (намыывать, полоскать)!* *Чисто стирать!*); двусоставное нераспространенное предложение (*Лебеди летят!* *Лебеди летели!* *Гуси-лебеди летят!* *Чайки летят!*); неполные односоставные распространенные предложения (*Лебедя на бук!*) (Ср.: *<Желаю тебе> лебедя на бук!*). Структура благопожеланий может расширяться за счёт осложнения вокативами (*Бело мыть, Марья!*; *Мыло в корыте, хозяйюшка!*), за счёт включения адресата (*Бело тебе мыть!* *Чистенько вам!*). Полагаем, что по эмоциональной окрашенности эти фразы ввиду их контактоустанавливающей функции являются восклицательными.

Проведённый комплексный анализ этикетных формул убеждает в том, что диалекты позволяют выразить доброе пожелание разными средствами. Выбрать подходящую к случаю структуру – это задача коммуникантов. Умение использовать разнообразные языковые средства характеризует развитое языковое чутьё и тонкий эстетический вкус носителя языка.

Этикетные благопожелания функционируют в диалоговых единствах, или блоках, где используется реплика-благопожелание и реплика-ответ: – *Беленько мыть!* – *Давай бело!*; *Бело полоскать!* – *Спасибо!*; *Лебеди летят!* – *Спасибо!*; *Бело мыть!* – *Давай бело!*; *Бело мыть!* – *Здравствуйте!*; *Набеленько!* – *Помогай Бог!*; *Бело мыть!* – *Здравствуйте!*; *Бело мыть!* *Здравствуйте!* – *Помогай Бог!*; *Лебеди летели!* – *Мои пролетели!* Как представляется, в процессе общения обе эти реплики равно обязательны. Неиспользование реплики-ответа воспринимается коммуникантами как неучтливость. Даже в последнем примере, где реплика-ответ имеет минорный характер (*Лебеди летели!* – *Мои <лебеди> пролетели!*), она всё-таки используется, ибо промолчать, когда тебе этикетно, так, как принято в коллективе, желают успеха, недопустимо. В традиционной русской деревне использованию этикетных выражений в описываемой ситуации учили специально: *А как жéнщина на рекé*

бельё-то полбьет да ты мимо идёшь, скажи «Набелёнько!» И она тебе «Спасибо!» скажет (Кир.).

Использование подобных благопожеланий, очевидно, имеет давнее происхождение. В нём отражаются старинные верования и представления. Об этом свидетельствует и фиксация нескольких ритуальных фраз, обращённых в анализируемой ситуации к реке, воде: *Спасибо, река, обмыла бока!* (В-У.); *Чистая вода обмыла пока!* (В-У), т.е. реку, воду, согласно народным представлениям, было принято благодарить.

В ситуации стирки белья зарегистрировано и недоброе пожелание – *Жуки на буки!* (Сямж.). Так, по-видимому, желают, чтобы нечистота и белизна снизошли на *буки*, а *жуки* – т.е., возможно, то, что заводится в белье, – вши, клопы, а в обобщённом смысле – *жуки*. Как представляется, степень формульности этого выражения выше, чем в прокомментированных ранее благопожеланиях. Формульность находит своё выражение в «гладкословии», в ритмизованности фразы. Оба слова двусложные, оба имеют ударение на первом слоге, различаются только первыми звуками [ж] и [б], причем в фоносемантическом отношении более выразителен звук [ж]. Им имитируется жужжание жука. Особую роль играет и цвет: *бельё белое – жуки чёрные*. Негативное пожелание, таким образом, строится на контрасте. Заметим, что благопожелательная основа всех прочих формул в рассматриваемой ситуации иная: в них актуализирован либо прагматический мотив (*Мыло в корыто! Бело мыть!*), либо ассоциативный эффект (*Лебедя на бук! Гуси-лебеди летят! Чайки летят!*).

Жаба, сядь!

Итак, рассмотренные этикетные формулы образуют определенную систему со своей семантикой, структурными особенностями и выполняемыми культурно-прагматическими функциями.

3. *Благопожелания при мытье избы*

Ситуация генеральной уборки в крестьянской избе требует некоторых предварительных пояснений.

Раньше полы в крестьянской избе не красили. Мыли их редко, но тщательно: отскабливали грязь ножом, натирали до идеальной белизны старым лаптем или *голиком* – веником из прутьев. Часто при натирании пола использовали мелкий щебень – *дресву*.

Перед Пасхой хозяйка приглашала к себе помощниц, так как избу мыли, скоблили, чистили к празднику сверху донизу. В некоторых деревнях в старину так было заведено: сколько помощниц к себе на эту процедуру пригласишь, столько изб и сама потом вымоешь в той же компании. Это называлось *вырабатывать мытею*: *«Пойду ещё вырабатывать мытею. Если я четыре избы мыла, дак уж эти четыре человека ко мне придут. Чтобы мне помогать мыть»*, – рассказала нам пожилая собеседница в Сямженском районе (Монаст.).

Чаще для такой работы приглашали незамужних девушек. И старики советовали невесту выбирать именно в *мятьё* и *мытьё* (то есть когда лён мяли и пыль столбом стояла и когда избу мыли – *вот мочи-то было!*). Старые люди примечали: если при такой грязной работе девушка мила и доброжелательна, значит, она действительно привлекательна и отличается хорошим нравом, т.е. пригодна для непростой семейной жизни.

Во время мытья избы женщину приветствуют фразами *Лебеди (тебе, вам) летят (летели)! Бело мыть (тебе, вам)! Беленько! Набеленько! Начистенько!* Эти выражения использовались и в качестве пожелания успеха при стирке, полоскании белья. Опять мы видим тот же образ: лебеди – символ чистоты, белизны. В Кирилловском районе нам разъяснили: *«Платье моешь – Набеленько! скажут. А пол моешь – Лебеди летели! Значит, чистые, белые, пол пусть такой будет»*.

Эти пожелания естественны, органичны в речи. Они не надуманны, повторяются постоянно в одной и той же ситуации. На-

пример, моют диалектологи однажды во время экспедиции полы в доме своей хозяйки. Добрались уже до порога. Тщательно моют, зная, какое значение его чистоте придают старые люди. Вспоминаются наставления собственных бабушек: «Где порожки белы, там и девок бери!» И вдруг слышат над собой голос: «О! У вас поломытницы? Ну дак лебеди летят!» Это соседка забежала навеситить нашу хозяйку и приветствует того, кто занят грязным делом.

Совсем недавно студентки-диалектологи записали два новых пожелания: *Летели голуби!* – в Сокольском районе и *На хорошу чистоту!* – в Тарногском районе. Последнее выражение – прямое пожелание чистоты. *Летели голуби!* – ассоциативное (вспомним *Лебеди летели!*, *Чайки летят!* – пожелания при полоскании). Не исключено, что в говорах существуют и какие-то иные пожелания чистоты, успеха при мытье пола, однако они пока ещё не зафиксированы.

Уже известные стереотипные формулы чаще всего выступают в процессе общения в едином блоке с ответом, со словами благодарности за доброе пожелание. Вот примеры того, как в этих блоках взаимодействуют реплики: *Лебеди летят!* – *Спасибо!*; *Бело мыть!* – *Давай бело!*; *Бело мыть!* – *Здравствуйте!*; *Набеленько!* – *Помогай Бог!*

Иногда используются реплики, привносящие в диалог шутку, дающие работнику разрядку, отдохновение от тяжёлой работы или выход горестному чувству усталости от работы: – *Лебеди летели!* – *Мои пролетели!*

§ 7. Благопожелания в сфере физиологических действий человека

Коммуникативные ситуации, в которых человек совершает те или иные физиологические действия (чихает, зевает, икает или др.), в тесном деревенском быту не остаются без внимания свидетелей этих действий. На все эти действия существуют многочисленные этикетные реакции, различающиеся по семантике, символике, структуре, особенностям употребления.

1. Благопожелания при чихании

Чихание (нормативные словари дают слово в варианте *чиханье*) – это действие по глаголу *чихать* – ‘непроизвольно с резким звуком выдыхать воздух носом и ртом при раздражении носоглотки’ [МАС 4: 682]. Более детально само это действие характеризуется в обстоятельной работе А.К. Богданова «Чихание: явление, суеверие, этикет» [Богданов 1998]: «непроизвольно, с напряжением, судорожно, вследствие внезапного раздражения нервов в носу выдыхать резкими толчками воздух носом и ртом, извергая слизь и производя характерный шум».

На само это явление люди обратили внимание уже в давние времена, и в продолжение веков оно обрастало многочисленными представлениями культурного плана.

В античной Европе непреднамеренное чихание воспринималось прежде всего как симптом эпидемических и смертельно опасных заболеваний. Так, по сообщению Фукидида, чиханье было страшным предвестием афинской чумы [Богданов 2001: 197]. Суть латинского пожелания *Absit omen!* состояла в том, чтобы чиханье человека не стало для него самого плохим предзнаменованием [Дворецкий 1986: 16, 536].

В эпоху раннего христианства римлянами стало произноситься благопожелание *Deus te adiuvet* («Бог да поможет тебе») [Ольман 2008]. В средневековой Европе здравицы сменила божба. Чихнувшему говорилось *Бог в помощь!* То же самое говорил и сам чихнувший. Церковная традиция связывала возникновение этого обычая с историей чудесного исцеления святого Григория во время моровой язвы, когда чиханье означало верную смерть [Богданов 2001: 197]. Английское выражение *<God> bless you!* – *Благослови тебя Господь!* – также восходит к церковной традиции.

Иудейские мудрецы разного времени воспринимали чиханье как дурной знак, даже как напоминание о смерти, а смерть, по их представлениям, можно было отвести, произнося магические слова [Ольман 2008]. Раввины объясняют, что после грехопадения Адама его потомки чихали всего лишь раз в жизни, когда *испускали дух*. Лишь Иакову удалось вымолить у Господа прощение, и он, чихнув, остался жив [СРФ 627]. Толкователи Библии считают, что при кончине человека дыхание жизни исходит из него (ср.: *испустить*

дух). То же, полагают, может случиться и при извержении воздуха при напряжённом выдыхании, чихании. Поэтому верующие не перестают молиться о здравии чихающего, предотвращая тем самым опасность его кончины.

В процитированной выше литературе упоминаются и другие объяснения сути чихания, данные в разные периоды различными мыслителями. Это избавляет нас от необходимости подробного пересказа. Вместе с тем в наших материалах содержатся и такие факты, которые пока никем ещё и никогда не были прокомментированы.

Объектом общего внимания чихающий человек остаётся и в настоящее время. Поведение чихающего, а также реакция свидетелей чьего-либо чиханья зависят от многих факторов – от состояния здоровья людей, от верований, распространённых в их среде, от принятых в социуме правил этикета [Богданов 2001: 227]. Покажем далее, какими представлениями порождаются те или иные благопожелания в русской деревенской коммуникации.

Сам глагол со значением ‘чихать’ обладает в диалектах некоторыми особенностями. Это не привычный для владеющего русским литературным языком глагол *чихать* с личными формами *чихаю* – *чихаешь* – *чихает*, а глагол с парадигмой *чишу* – *чишеешь* – *чишет* и, соответственно, с такими же производными от него – *зачишет* и под.: *Я зачишу, так сразу и говорят: Будь здоров!* (Сямж. Монаст.). *Вот у меня, бывает, внук зачишет, так и не перестанет* (Сямж. Монаст.).

Как видно из первого примера, чихающему человеку в диалектах адресуют, как и в литературном русском языке, благопожелание *Будь здоров!* Фактов фиксации такого пожелания в наших материалах множество: *Будь здоров, дядя Матвей!* (Кир. Коварз.) и др. Не останавливаясь на его специфике, обратим внимание на то, что оно в кругу аналогичных пожеланий обстоятельно анализируется в работах А.Г. Балакай [Балакай 2007: 20–28]. Однако в силу определённых исторических причин в севернорусских диалектах глагол достаточно часто употребляется в форме *быдь*: *Быдь здорова! Быдьте здоровы! Когда чихнёшь, дак разве здоров?* (Сямж. Монаст.).

Чиши здорово! (Сямж.). *Чиши здраво!* (Сямж.). Это уже диалектные благопожелания, они не фиксируются нормативными сло-

варьями русского языка. В этих традиционных выражениях используется форма из диалектной парадигмы глагола (ср. литературную форму повелительного наклонения: *чихай*). Смысл их – тоже в пожелании здоровья. Семантика императива сочетается в этих благопожеланиях с опативной семантикой. Неполногласный вариант корня слова (*здрав-*) употребляется параллельно полногласному варианту (*здоров-*). В дальнейшем изложении материала мы ещё увидим подтверждение бытованию слов с неполногласной огласовкой корня (*Будь здрав!*).

От глагола *чихать* в диалектах образуются существительные *чѣх* (*чох*), *чих*, *чишка*, которые также функционируют в составе благопожеланий: *Чѣх на нос! Чих на нос! Чиху на нос! (Чихнѣт кто, а ему говорят: Чиху на нос! Тот. Мос.) Чишка в нос! Чишка в нос – пара колѣс!* Человеку, долго и много чихающему, сочувственно говорят: *Чишка в нос попала!* (Сямж. Троф.). При передаче благопожелания *Чѣх (чох) на нос!* орфографическими средствами однозначное решение не достигается: беглость гласного свидетельствует в пользу написания с гласной буквой «ѣ» (ср.: *начхать*), сложившаяся уже словарная традиция подсказывает написание с буквой «о» [Балакай 2001: 394].

В ряде благопожеланий используется слово *спица*, *спичка*: *Спица в нос!* (Сямж. Монаст.). *Спица в нос! – это если десять раз чихает кряду* (Тарн. Никиф.). – *Спичя в нос!* (Сямж.). *Спицей* в вологодских говорах называют заострённую палку, жердь, штырь, иглу [СВГ 10: 98]. Иногда благопожелание в говорах расширяется, рифмуясь со своим продолжением: *Спица в нос да пара колѣс!* (Тарн. Якур.). *Спичка в нос – копай до корост!* (Ник. Скочк.). *Спичка в нос да пара колѣс!* (Ник. Скочк.). В принципе *спица*, *спичка* в данных контекстах – это пожелание чего-либо острого, щекочущего. То есть, желая чего-либо доброго, конкретно желают неприятного. Благопожелание в такой связи оказывается энантиосемичным. Этим, по-видимому, объясняется и используемый иногда резкий ответ, которым адресат возвращает полученное им пожелание адресанту: *Спица в нос! – Вынь да себе вложь!* (Тарн. Якур.). Упоминание *пары колѣс* в благопожелании – это, по-видимому, намёк на значительную энергию, с которой человек производит чиханье.

Благопожелания в ситуации чихания функционируют, как правило, в диалогических единствах. Если в других ситуациях ответные реплики используются достаточно редко, то в этой ситуации реплика-стимул обычно порождает столь же энергичную реплику-реакцию: – *Апчи!* – *Будь здоров, мальчик, расти большой!* – *Спасибо!* (Сямж. Монаст.). – *Спица в нос!* – *Вынь да брось!* (Сямж. Монаст.). *Спица в нос!* – *Вынь да себе вложь!* (Тарн. Якур.). *Спичка в нос!* – *Вынь да брось!* (Тот. В. Двор). – *Апчи!* – *Спица в нос!* – *Головёшка в попу!* (Сямж. Монаст.). *Чих на нос!* – *Здравствуй, радость!* (Тарн.); *Чёх на нос!* – *Здравствуй, радость!* (Тарн. Хавд.). Ответная реплика *Головёшка в попу!* – это свидетельство того, что чихнувшему от исполнения пожелания будет очень плохо. Ответная реплика *Здравствуй, радость!* (в местном произношении – *радось*) – примета осознания непознанной человеком природы чиханья: иногда от этого физиологического действия ждут подтверждения истинности чего-либо (*Чистая правда!*), иногда – благоприятного развития событий.

Но в определённых слоях общества принято, напротив, не замечать акта чиханья, не реагировать на него. Почему? Потому что чихание считалось дурным знаком, даже напоминанием о бренности человека, о предстоящей его смерти. Иногда поэтому проявляется и грубая ответная реакция на благопожелание: – *Будь здраў!* – *Недавно сраў!* (Сямж. Монаст.). Два этих акта по существу приравниваются репликами такого диалогового единства. Но по названному поводу не принято было конфузиться, ибо *naturalia non est turpia*, или – что естественно, то небезобразно. Однако в данном случае происходит смена самой стратегии общения: вместо того, чтобы благодарить за доброе пожелание, человек дерзко переводит вектор общения на его примитивизацию, вульгаризацию. Происходит своего рода культурное опрощение, снижение уровня представлений о том, что культурно, а что – нет.

Не менее интересное явление наблюдаем в диалоговом единстве – *Чиху(й) на нос!* – *Здравствуй, радость!* – *Значит, он на пользу сказал ему* (Сямж. Монаст). Факт языковой рефлексии в этом примере (*Значит, он на пользу сказал ему*) свидетельствует о положительном впечатлении от пожелания, но, тем не менее, наблюдатели зафиксировали намёк на лексему из разряда табуированных. Это

тем более очевидно, потому что именно нос ассоциируется с признаками сексуальности человека.

Ареалы бытования зафиксированных благопожеланий установить пока не представляется возможным. Но в СРРЭ А.Г. Балакай находим и другие, нам не встретившиеся формулы: *Чох на правду!* – говорится, когда кто-либо к слову чихнул [Балакай 2001: 394]; *Чох на ветер!* – пожелание благополучия чихнувшему; возникло, вероятно, из упомянутого В.И. Далем выражения *Чох на ветер, шкура на шест, а голова – чертям в сучку играть!* [Балакай 2001: 576]; *Спица в нос – невелика, с пёрст!* [Балакай 2001: 499]. Последнее шутовское благопожелание как нельзя лучше показывает, причём тут *спица*: перст, палец осознаётся как орудие спасения, облегчения.

Итак, рассмотрев группу благопожеланий, функционирующих в вологодских говорах применительно к ситуации чихания, можно заключить, что повседневность наших современников по-прежнему пронизана отсветами старинных представлений. Сравнение этой группы благопожеланий с другими группами (например, с набором пожеланий в ситуации доения коровы, черпания воды, полоскания белья) подчёркивает отличительные особенности благопожеланий именно этой группы. Они заключаются в прагматичности, приземлённости благопожеланий, в преднамеренном снижении тональности общения и в использовании разнообразных средств, призванных создать ощущение шутки.

2. Благопожелания при зевании

Обратимся к благопожеланиям, звучащим в крестьянском быту в ситуации, когда кто-либо из присутствующих зевает. Известно, что ситуация чихания и народные формулы реагирования на него уже описаны достаточно подробно [Богданов 1998], а благопожелания в ситуации зевания столь детально до настоящего времени ещё не исследовались.

Сама ситуация зевания требует некоторого комментария. С учётом материалов Интернета [Зевание] можно показать некоторые важные черты этой ситуации.

Вопреки утверждениям о том, что зевание – это неизменный признак того, что человеку скучно, зевание, оказывается, требуется

человеку, чтобы дольше удерживать внимание на сложном, но, возможно, не слишком интересующем его предмете. Во время зевания все мышцы глотки расслабляются и дают организму кратковременную релаксацию. Сам процесс зевания обычно происходит только в том случае, если человек находится в состоянии покоя. Зевание имеет важные свойства – быть «заразительным» и «сладким». В некоторых культурах считается непозволительным зевать при посторонних, зевание считается некультурным актом. Такие представления восходят к верованиям древних славян, которые считали, что в процессе зевания из человека выходит некий дух, обитающий в нём.

Круг фраз, зафиксированных нами в ситуации зевания, весьма широк: *Малина в рот! Слепухин засватался. Вчерашнего захотелось? Сон да рост да Божья милость! Как зевать, так и рот разевать. Позевай, да рот не разевай! Позевать не озевать. Ворона (муха) залетит! Проглотишь! Один рот, а на два дерёт. Один рот, да и тот дерёт. Было бы семь – разодрало бы совсем. Один рот, да и тот дерёт, а было бы восемь, задрало бы вовсе. Пятки увидел! Обзевашь, дак и кашу не хлебаеш. Спокойного сна! Хорошей ночи! Господи, сохрани! Сна хорошего дай тебе, Боже!* и др.

Целесообразно сгруппировать эти разнородные реплики с учётом их сущностной природы. В этом материале отчётливо выделяются формулы благопожелания (*Малина в рот! Сон да рост да Божья милость! Спокойного сна! Хорошей ночи!*), формулировки правил поведения при зевании (*Как зевать, так и рот разевать; Позевай, да рот не разевай; Позевать не озевать*), шуточные реплики и угрозы (*Слепухин засватался! Вчерашнего захотелось? Пятки увидел? Ворона (муха) залетит! Проглотишь! Обзевашь, дак и кашу не хлебаеш*), поговорочные выражения (*Один рот, а на два дерёт; Один рот, да и тот дерёт. Было бы семь – разодрало бы совсем; Один рот, да и тот дерёт, а было бы восемь, задрало бы вовсе*), фразы-молитвы (*Господи, сохрани! Сна хорошего дай тебе, Боже!*).

Охарактеризуем эти выражения, сопровождая их минимально необходимым комментарием относительно значений, символических смыслов, структуры формул и ареалов.

Малина в рот! В нашем случае – это благое, доброе пожелание, пожелание, означающее <Пусть от зевания будет так же слад-

ко, как от малины во рту». Эмоциональность общению придаётся говорящим с помощью яркого метафорического образа: *малина* – сладкая на вкус ягода, зевание – «сладкое» состояние. Однако формула *Малина в рот!* в говорах Среднего Урала зафиксирована как бранное выражение: *Мошка-то под осень бывает, малина в рот!* [СРНГ 17: 327]. Это подтверждается и использованием его в современной художественной литературе: *А сюда эти негодники рыбу отловленную кидали, малина в рот!*; *Да, Колюня, как-то неладно мы жить стали, малина в рот!* [Каратов]. По-видимому, эти два значения есть не что иное, как два звена в энантиосемическом развитии семантики этого выражения. Бранное выражение является эвфемизмом табуированного инвективного оборота.

Малина в рот!

Сон да рост да Божья милость! <Пусть будет тебе (вам) сон, рост, Божья милость>. Структурная организация формулы небезынтересна. Однородные члены *сон да рост*, соединённые союзом *да*, являют собой неразрывное единство, касающееся реальных просьб относительно того, что жизненно необходимо человеку. К этому единству посредством такого же союза присоединяется обозначение того, о чём просят высшие силы, – *Божья ми-*

лость. Поскольку речь идёт о *росте*, можно полагать, что с такой формулой обращаются к ребёнку.

Фразы, призывающие в этой ситуации высшие силы, иногда непосредственно восходят к молитвам: *Господи, сохрани! Сна хорошего дай тебе, Боже!* Известно, что христианский обычай требует, чтобы зевнувший непременно перекрестил рот.

Ряд фраз произносится, по-видимому, для того, чтобы создать в неудобной ситуации зевания комический эффект: *Слепухин засватался! Вчерашнего захотелось? Пятки увидел?* В основе реплики *Слепухин засватался!* лежит олицетворение: персонифицируется представление о сне как о живом персонаже. *Вчерашнего захотелось?* – в этой реплике имплицитно выражается идея: <Хочешь так уснуть, как это было вчера?>. Формула *Пятки увидел?* равнозначна смыслу <Неприлично зевать, широко раскрывая рот>. Возникающий при употреблении этой формулы двойной смысл – действительно намёк на то, что неприлично, не принято зевать, широко открывая рот.

Ворона (муха) залетит! Проглотишь! Обзевашь, дак и кашу не хлебаешь! – это шуточные угрозы. Как представляется, эти фразы чаще произносят в адрес детей или тех людей, социальный статус которых ниже, чем у говорящего. <Тебе (вам) при зевании в рот ворона (муха) залетит>; <Широко раскрыв рот, проглотишь то, что может в рот залететь>; <Если прозеваешь (обыгрывается полисемия), тебе не достанется каши>.

Фразы с поговорочным характером (*Один рот, а на два дерёт; Один рот, да и тот дерёт. Было бы семь – разодрало бы совсем; Один рот, да и тот дерёт, а было бы восемь, задрало бы вовсе*) не имеют определённого жанрового статуса. Это, как представляется, не фразеологизмы, но и не какие-либо единицы малых жанров фольклора [Романов 2010]. Тем не менее сущность их должна быть определённо рассмотрена в плане лингвистических подходов. Особенность их состоит в том, что к финальному слову первой части подбирается, рифмуясь, вторая часть. Однако, в отличие от прибауток, присловий, она произносится всё тем же человеком, адресантом, а не адресатом, не каким-либо другим участником коммуникации.

Таким образом, ситуация зевания – возможно, в силу её особой интимности – оказалась менее продуктивной в плане создания бла-

гопожеланий, зато породила некоторые формулы насмешки, шуточной угрозы, проявив тем самым традицию народной смеховой культуры. Использование этой традиции вполне вписывается в число средств создания стратегии благоприятного, вежливого общения.

3. Благопожелания при борьбе с педикулёзом

Обратимся к благопожеланиям, функционирующим в весьма пикантной ситуации, когда человек стремится избавить себя или кого-либо из членов своей семьи от педикулёза, проще говоря – от вшивости. Об этой ситуации, может быть, и не стоило бы говорить, если бы не некоторые серьёзные обстоятельства.

Во-первых, педикулёз даже в XXI веке – весьма распространённое заболевание человечества [Андреева 2010: 167–168]. Понятие *вошь* входит под номером 48 в базовый и универсальный для всех языков список Сводеша [<http://ru.wiktionary.org/wiki>]. Во-вторых, в народной культуре с этим явлением связаны многочисленные представления, суеверия, пословицы и поговорки (*Вши – к деньгам, отсутствие вшей – перед скорой смертью, Богата как вошь рогата, Есть вошь, так будет и грош* и др.). В-третьих, отнюдь не симпатичная ситуация интенсивного вычёсывания насекомых из волос в народном языке породила вполне эстетичные, лингвистически совершенные этикетные формулы.

В беседах с диалектоносителями нами зафиксировано несколько благопожеланий в этой ситуации. Благопожелания *Чтоб волосики росли!* и *Быть здоровой головушке!* записаны в говоре деревни Наволок Кичменгско-Городецкого района, где в течение ряда лет работала диалектологическая экспедиция под нашим руководством. Два благопожелания – *Мор на ўши!* и *Конь на ўши!* – записаны в говоре села Ферапонтово Кирилловского района, там также в течение нескольких сезонов работала наша диалектологическая экспедиция. Об этих благопожеланиях и пойдёт речь ниже.

Чтоб волосики росли! – это благопожелание выражает идею сохранения длинных волос, которые легко и удобно укладываются в традиционную причёску. В деревенской традиции женщины не делали стрижки, а отращивали длинные волосы (ср.: *девичья коса – русская краса*). Иметь длинные волосы было возможно только при

соблюдении определённых гигиенических навыков и отсутствии педикулёза. Напомним, что в течение военного времени типичной причёской для детей была лишь очень короткая чёлка. В грамматическом отношении формула представляет собой придаточное цели при отсутствующем главном предложении <Я желаю тебе>.

Быть здоровой головушке! – это благопожелание представляет собой пожелание здоровья человеку, ибо педикулёз в образованных слоях общества и воспринимался как серьёзное, трудноизлечимое заболевание. Если в этом отношении здорова *головашка*, то здоров и сам человек. Грамматически формула сочетает в себе значения опативности и императивности, выражаются они инфинитивом *быть*, т.е. <Пусть так и будет>.

Мор на ўши! Да и вот заведётся мо́шка – медикаментами начнут кормить. А раньше увидят, что ўшишт вошей, так и скажут: Мór на ўши! (Кир. Ферап.). Приведённая формула – это пожелание говорящего, чтобы вши у адресата исчезли, пропали: *мор* – ‘повальная смерть, эпидемия’ [МАС 2: 298]. Произношение *на [ў]ши* объясняется фонетическими особенностями вологодских говоров: фонема <в> в слабой позиции перед глухим согласным [ш] реализуется в звуке [ў]-неслоговом. Форма *на ўши* равнозначна словоформе *на вшей*: слово ведёт себя как существительное неодушевлённое (ср. аналогичное употребление одушевлённого существительного – *мор на бабочек*). Таким образом, *на вшей* призывается *мор, погибель, смерть*.

Обращает на себя внимание текстовая организация записанной иллюстрации к анализируемой формуле: подразумеваемое *сейчас* противопоставляется известному *а раньше*. *Сейчас* при борьбе с насекомыми в волосах назначат медикаменты, *а раньше* скажут **Мор на ўши!** Предполагается, что в этой ситуации слово (в данном случае – фразеологическое выражение, этикетная формула) равнозначно действию. Так, по-видимому, проявляется вера людей в действенную силу сказанного слова. Произнесение благопожелания воспринимается как помощь, средство, действие, приравнивается к ним.

В грамматическом отношении благопожелание представляет собой модальную фразеологическую единицу с общим значением <Пусть вши исчезнут> или, конкретнее, <Смерть на вшей>. Эту формулу, но в несколько другом варианте произнесла в 2012 году в

устной беседе Л.А. Ивашко, большой знаток русской народной фразеологии: «Смерть вшам вашим!» Этих формул, как и многих других известных нам крестьянских, народных благопожеланий, в СРРЭ [СРРЭ 2001] нет.

В этой формуле пожелание выражено конкретно, прагматично, слова формулы употреблены в своих прямых значениях. По наличию образности этой единице прямо противопоставлена следующая формула:

Конь на ўши! Когда кто-нибудь придет, а я в голове у тебя ишиш, дак так и говорят: Конь на ўши! (Кир. Ферап.). Эта формула тоже представляет собой пожелание, чтобы вши исчезли, пропали. Однако она, в отличие от предыдущей, имеет метафорическую, образную основу.

Семантику слова *конь* в этой формуле разгадать отнюдь не просто. Возможно, оно символизирует ту силу, которая давит, уничтожает насекомых. В Словаре вологодских говоров фиксируем многочисленные контексты, в которых отражается народное представление о давящей силе этого животного: *конь затопчет, лошадь задавит, конь замнёт* и др. [СВГ]. Такая же идея фиксируется и в других говорах: *Раньше народ крепчей был. Я думала, что не состарюсь, меня конь не истопчет, а нет – стоптал, смял* [СОВНГ: 131]. Фраза в СОВНГ даётся в качестве иллюстрации при значении слова *конь* – ‘судьба, время, жизнь, символом которых выступает конь’. Таким образом, употребление слова *конь* в этом значении, как и в нашем случае, – это речевая метафора.

В народном речевом этикете образные средства представлены весьма широко. Так, *Лебеди тебе на бук!* – пожелание при стирке белья: *лебедь* – символ чистоты. *Пух под ножницы!* – пожелание мягкой шерсти при стрижке овцы: *пух* – символ мягкости. *Шёлк на руки!* – пожелание не повредить руки во время трепания льна: *шёлк* – символ мягкого, не колющего руки льноволокна. *Малина в рот!* – благопожелание при зевании: *малина* – символ сладости. *Море под корову!* – пожелание большого количества молока: *море* – символ большого количества жидкости и др. В этот ряд вписывается и формула *Конь на ўши!* – пожелание избавления от вшей: *конь* – символ большой давящей силы, способствующей умерщвлению паразитирующих на человеке насекомых.

Приведённое истолкование формулы *Конь на ўши!* не является единственно возможным. Нельзя исключить и намеренное сокрытие смысла говорящим, т.е. сознательное смягчение задуманного пожелания, эвфемистическое маскирование смысла [Сеничкина 2006]. Факты эвфемистического характера наблюдались нами и в формулах, рождённых другими прагматическими ситуациями. Сравним и этой связи аналогичное явление в этикетной формуле, произнесённой мной при замешивании теста: *Спорина в квашню!* вместо *Спорина и квашню!* Эвфемизация смысла приводит к затемнению этимологии, создаёт определённую трудность при объяснении смысла формулы, однако делает пожелание более тактичным, деликатным.

В грамматическом отношении благопожелание представляет собой несколько иную, чем в предыдущем случае, формулу: <Пусть найдётся средство от вшей>.

Эти благопожелания так же, как и другие, ранее уже охарактеризованные нами формулы, могут осложняться вокативами (*Мор на ўши, Мария!*), указаниями адресата (*Конь на ўши вам!*) или др.

Формулы *Мор на ўши!* и *Конь на ўши!* обладают значительным сходством. Помимо идентичной второй части, первые части представляют собой односложные слова с однотипным составом трёх звуков: *согласный, гласный, согласный*. Один и тот же гласный звук [о] усиливает сходство слов, ассоциируя их с возгласом *о-о-о!* Акцент в синтагме падает на предлог, и именно это, как представляется, делает формулы очень энергичными.

Казалось бы, неудобное положение, в котором застали человека, вычёсывающего вшей у себя или у ребёнка, в речевом отношении должно было табуироваться, обходиться молчанием. Однако частотная, обыденная ситуация оказывается открытой для визуального наблюдения, из неё нужно найти достойный выход, и она обставляется специально выработанными формулами. Речевым средством, помогающим выйти из неудобной ситуации, смягчить возникшую неловкость, вызвать смех, улыбку являлись стандартные, клишированные выражения. Они произносились только в конкретной ситуации. Люди их знали, употребляли соответственно ситуации, произносили почти автоматически. Народ хотел таким образом установить определённые правила поведения на все случаи жизни. Так проявлялась вера в магическую силу слов: думалось, что благопожелание поможет человеку. Сейчас же известно,

что в описанной ситуации требуется соблюдение определённых гигиенических условий в быту, наличие необходимых моющих и дезинфицирующих средств и достаточное для сохранения у человека иммунитета питание.

В просмотренных нами словарях нет подобных благопожеланий. Возможно, собиратели просто не попадали в такую ситуацию или информанты не доверяли им настолько, чтобы говорить о таких интимных вещах. Впрочем, и в живых говорах Вологодской области, кроме говоров Кирилловского и Кичменгско-Городецкого районов, такие благопожелания тоже пока не зафиксированы. Самый полный словарь диалектной лексики и фразеологии, СРНГ, этих формул также не приводит. Но универсальная идея – обозначать насекомое однокоренным словом *конёк* – в СРНГ отражена: *конёк* – ‘кузнечик’ (Волог., Арх., Яросл., Костр., Свердл., Уральск.), ‘стрекоза’ (Арх., Костр., Иркут., Волог.) [СРНГ 14: 251–252]. Отсутствие зафиксированных нами благопожеланий в названном словаре и в картотеке Лексического атласа русских народных говоров (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург) свидетельствует либо в пользу их весьма узкого ареала, либо в пользу их сохранения как архаических единиц лишь на вологодской территории.

Приведённые нами благопожелания выполняют, как представляется, несколько разных функций. Этими формулами удавалось приветствовать людей; проявляя понимание ситуации, заставить их не сконфузиться, не устыдиться производимой работы (дело-то для всех – обычное!); пожелать успеха в деле (это всё же работа!). Кроме того, названными фразеологическими оборотами насекомое конкретно не называется, а обозначается эвфемистически. Наименование *вошь* – это конкретное, бытовое наименование насекомого. Произнесение в этой ситуации слова *конь* представлялось, быть может, даже возвышенным, не исключено – поэтичным или юмористическим. Так здесь проявляется ассоциативный, образный характер народного мышления.

В диалектной лексикологии образность, согласно концепции, разработанной составителями Вершининского словаря, рассматривается как «свойство слова, характеризующееся двуплановой семантикой, выраженной посредством метафорической внутренней формы» [СОВНГ 2001: 6]. В нашем случае было зафиксировано одно безобразное (*Мор на уши!*) и другое, возникшее, возможно, на

базе этого же безобразного, но уже образное выражение (*Конь на уши!*). Как и в этом случае, в других прагматических ситуациях система вологодских диалектных благопожеланий демонстрирует использование и безобразных, и ассоциативно-образных формул.

Итак, в народной культуре северян всё было очень детализированно, всякая ситуация – будь то чихание, икота, зевание или др. – порождает специфические благопожелания. Ни одна ситуация — вплоть до неприличных – не оставалась без этикетного оформления. И если манипуляции с волосами человека в каждой этнической культуре воплощаются в присущую только ей картину [Володина 2011: 74], то мы имели возможность на материале записей вологодской диалектной речи проследить, каковы особенности этой картины у севернорусского крестьянина.

§ 8. Благопожелания в ситуации дороги

С проводами человека в дорогу и пребыванием его в пути связаны многочисленные диалектные речевые формулы. При отсутствии на Русском Севере развитой транспортной системы сама эта ситуация до сравнительно недавнего времени была осложнена многими неудобствами и вызывала у людей вполне оправданные опасения.

Дорожная семантика в русской культуре многопланова, многослойна по отражению в ней различных временных и территориальных культурных смыслов [Ефимов 1975; Черепанова 1999; Щепанская 1992]. Даже являясь почти полными синонимами, слова *путь* и *дорога* в русском языке тем не менее существенно различаются по манифестируемым ими символам. Обобщая свои наблюдения над употреблением этих слов, О.А. Черепанова заключает, что «... в славянской культурной традиции символика *пути* связана с христианско-религиозным взглядом на мир, символика *дороги* — с языческим мировоззрением и мироощущением» [Черепанова 1999] (курсив наш. – Л.З.). Рассмотрим далее, как актуализированы такие представления в современных речевых актах.

Главное, что обращает на себя внимание в зафиксированном нами весьма обширном материале, – это связь с христианскими представлениями о дороге. Обычным для человека является желание получить перед дорогой благословение Бога: *Благослови, Господи, на дальнюю дорогу!* (К-Г. Навол.). *Сохрани, Господи, в пути-*

дороге! (К-Г. Навол.). Отсюда происходит и частое использование молитв, ибо в дорожной ситуации люди обращаются к Богу с просьбой, просят его о милости, о благе для человека. Упомянем ниже некоторые зафиксированные нами молитвы.

*Царь небесный, царь земной,
Спаси нас в путях и в дорогах!*

*Бог мой, иду в путь Твой.
Передо мной Божья мать,
Впереди Иисус Христос,
Надо мной дух святой,
И вся небесная сила со мной.*

*Святой дух впереди,
Мы посередине,
Ангелы-хранители позади.
Господи милостивый,
Спаси и сохрани!*

Целый ряд стандартных благопожеланий, зафиксированных в анализируемой ситуации, связан именно с такими молитвами: *С Богом (поди/те, поезжай/те)! Бог впереди, я позади! Бог в помощь! Бог по пути! Бог по пути – Бог и товарищ. В добрый и во святой час!*

С Богом! Бог в помощь! Бог впереди, я позади! – пожелания хорошей дороги: *Храни, Господь! Иди с Богом!* (Кир. Ферап.). *Ну, поезжай с Богом!* (Вож. Бекет.). *Вот, дитяtko, пойдешь когда из дому-то, скажешь себе: Бог впереди, я позади* (Тарн.). *По пути Бог в помощь!* (В-У. Горбач.).

Бог по пути! – приветствие тому, кого догоняют в пути: *Бог по пути, Мária!* (Кир. Колк.), а также – пожелание лёгкой, удачной дороги отправляющемуся в путь: *Вы за деревню-то выйдите, а там и Бог по пути, здесь грязное место только* (Вож. Мих.).

Бог по пути – Бог и товарищ. Благопожелание отправляющемуся в дорогу: *Моя мать всегда говорила: Бог по пути – Бог и товарищ* (Тотьма). Возможно, это расширение предыдущего благопожелания, своеобразная констатация: <Если Бог с тобой идёт по пути, то именно Бог, а не кто-либо иной тебе и товарищ>.

В вологодских говорах частотно употребление наречных сочетаний *в путь* в значении 'удачно, не напрасно' и *не в путь* 'напрасно, зря': *В путь сходили: и дождь не замочил, и документы оформили* (Кир. Борб.); *Пришёл за хлебом, да и хлеба нет. Опять не в путь* (Кир. Ферап.).

В добрый и во святой час! – пожелание, отправляющемуся в дорогу: *Перед отправкой в путь засвечивают перед иконой Спасителя восковую свечку, все присутствующие садятся по местам, стараясь сесть вдоль пола, потом встают и молятся Богу, а при прощании и говорят остающиеся дома: «В добрый и во святой час!»* Обычай, бесспорно, хороший (Влгд.). В варианте *В добрый час и во святой!* это пожелание человеку, отправляющемуся в дорогу, фиксируется и в говорах других районов: *А вот коли поедешь, дак и говорят: «В добрый час и во святой!»* (Кир., Тот.).

Прочие зафиксированные в вологодских диалектах благопожелания не обнаруживают явной связи с молитвами: *Рóвной доро́ги! Мир доро́жке (доро́жкой)! Ска́тертью доро́га (доро́жка)! Пу́тём доро́гой! (Пу́тём-дорожкой!). Пу́ть да доро́женька! Не пёнь, не коло́да, а пúть да доро́га. Вётер в похóд! Счастли́вой пúть! (Сцясли́вая пúть!). На лёгкую но́жку! На крёпкую но́жку!* Полагаем, что они также должны быть прокомментированы.

Рóвной доро́ги! Благопожелание человеку, отправляющемуся в дорогу. (В-У. Устюг). Формально говорящие желают, чтобы дорога была ровной для уходящего, отъезжающего: <Я желаю тебе ровной дороги>. Но семантика благопожелания образная: конечно, так говорят не о колдобинах и рытвинах на дороге, а – метонимически ... о самой поездке, чтобы она прошла без осложнений, ровно и спокойно. Следовательно, если будет ровная дорога, будет и поездка удачной.

Мир доро́жке (доро́жкой)! – приветствие встречному человеку, а также тому, кого догоняют в пути. *По доро́ге, когда куда́-нибудь идёшь, когó встрéтишь, так и ска́жешь: «Мир доро́жке!»* Это чтобы доро́га тiхая да споко́йная была́. Да и тому́, когó встрéтила, пожелáние хорошó да споко́йно дойти́ (Гряз. Запр.). *Бывáло, покуда́ в гóрод из дерéвни идёшь (а ведь тогда́ всегда́ пешкóм ходили́, авто́бусов-то нé было), так и когó-нибудь догони́шь, так всегда́ и говори́шь: «Мир доро́жкой!»* – чтобы доро́га была́ мiрной и споко́йной, да и те́, кто встрéтились, не поругáлись

(Гряз. Запр.). Слово *мир* здесь употребляется в значении 'отсутствие войны'. Формулы *Мир дорожке!* и *Мир дорожкой!* при внешнем сходстве грамматически различны. Первая формула (ср. *Мир вашему дому!* или *Мир беседе вашей!*) – это ответ на вопросы *кому? чему?* Дорога, по представлениям говорящих, должна быть спокойной, мирной. Вторая формула – это ответ на обстоятельственный вопрос – *где? когда?* Поясняя, акцентируем: людям в дороге должно вести себя терпимо, миролюбиво.

Скáтертью доро́га! (Скáтертью доро́жка!) – благопожелание человеку, отправляющемуся в путь. *Кто куда́-то отпра́вляется, так тому́ говоря́т: «Скáтертью доро́жка!»* – *чтоб и доро́га была́ споко́йной, безо́ вся́ких при́ключе́ний, да что́бы бы́стрее она́ за́кóнчилась, э́та доро́га* (Гряз. Запр.). *И сказа́ла я ему́: «Скáтертью доро́га!»* – *и́шоби до́бра́усе́ сцесли́во* (Тотьма). В современном русском литературном языке выражение *Скaтертью дорога!*

Скaтертью дорожка!

произносится в адрес того человека, которого не удерживают, в присутствии которого не нуждаются [МАС 4: 104]. В диалектах, по-видимому, сохраняется первоначальное, архаическое значение – ‘пусть дорога будет гладкой, как скатерть, т.е. удобной, лёгкой’. В этом случае в истории русского языка произошло энантиосемическое развитие значений: от указанного выше положительного значения до отрицательного смысла ‘адресата речи не удерживают, в его присутствии не нуждаются’ [МАС 4: 104]. Варьирование формулы за счёт диминутива *дорожка* не вносит существенных оттенков в смысловое наполнение самой формулы. Однако, полагая, оно придаёт особую стилистику всей коммуникации, подчеркивая её доброжелательный, приветливый характер (ср. *Сто стен на сновалочку! Масло желто да в крупиночку!*, а также *ведёрко, дождичек* и др.).

Путём-дорбгой! (Путём-дорбжской!) – приветствие человеку, встретившемуся в пути. Формулы зафиксированы в говорах Междуреченского и Сямженского районов. Здесь используется тесное смысловое единство: *путь-дорога (путь-дорожка)*. Ср. также и в молитвах: *спаси нас в путях и в дорогах!*

Этимологи возводят корень *дорог-* к и.-е. **dorgh-*. Слово связано с глаголом *дёргать* и означает ‘продранное в лесу пространство’ [Фасмер 1: 530]. Элементы древнего значения и.-е. **pont-*, к которому восходит слово *путь*, – ‘преодоление; дорога, изобилующая опасностями’ [Фасмер 3: 413]. Отсюда, по-видимому, и сама необходимость в этой ситуации выражать человеку благие пожелания.

Не пень, не колода, а путь да дорога! – пожелание отправляющемуся в путь лёгкой, удачной дороги. *А пожелаю я вам: не пень, не колода, а путь да дорога* (Тот.). Семантика выражения сводится к тому, что человеку желают ровной, гладкой дороги – без пней, без ухабов на ней, такой, чтобы ехать, идти было легко, удобно – *путь да дорога*.

Как видим, в молитвах, где упоминается *путь Твой*, отражается христианско-религиозный взгляд на мир, а вот упоминаемые в благопожеланиях *пути и дороги* – это уже некое объединение, расширение смысла, выражение единства сакрально-возвышенного – *путь* – и прагматично-бытового – *дорога*.

Базовой, основной в этой формуле является вторая часть – *путь да дорога*. Именно эта часть расширяется за счёт первой части –

не пень, не колода. Каламбур строится на антитезе, попарном противопоставлении упоминаемых реалий: *пень* – возвышающееся над уровнем земли препятствие, *колода* – в обобщённом смысле ‘бревно с выдолбленным в нём углублением’ [СРНГ 14: 152–154] или, что здесь конкретнее с учётом «дорожной» ситуации, – ‘яма, углубление’. Вместе же эти слова – знаки дефектов в дорожном полотне. Любопытно, что единство *пень и колода* используется и в малых фольклорных жанрах, например, в детской игре, подобной той, где «сорока кашу варила»: *«тут пень, тут колода, тут холодная креничка»* [СРНГ 25: 345]. Судя по контексту, эта фраза не что иное, как предупреждение о различных опасностях. Сопоставление первой части анализируемого благопожелания со второй частью – *путь да дорога* – выводит, напротив, на представление о гладкой, ровной, в идеале удобной для проезда дороге. На эту идею работает и ритмическая организация формулы. Количество слогов в формуле одинаково, располагаются они в одинаковой последовательности. Но компонент *не пень, не колода* произносится отрывисто, пунктирно, а компонент *путь да дорога* звучит плавно, с повышением тона в предударных слогах, с возникновением на стыке слов благозвучного сочетания [пуд’дадорóга].

Вéтер в похóд! – благопожелание отправляющемуся в дорогу: *Вéтер в похóд!* – *желáли провожáющие* (В-У. Мяс.). Благопожелание *Ветер в поход!* означает ‘пусть ветер дует в том направлении, в котором идёт человек, т.е. в спину идущему’. Наречное сочетание *в поход* ‘по ходу движения чего-либо, по пути’ фиксируется Словарём русских народных говоров. Оно, скорее всего, диалектное, зафиксировано лишь в архангельских шенкурских говорах [СРНГ 30: 354]. Благопожелание не может не вызывать приятные эмоции: оно равносильно выражению *Попутного ветра!* Последнее, как правило, традиционно употребляется как пожелание удачи, успеха отплывающим рыбакам.

Обращает на себя внимание употребление в вологодских говорах слова *путь*: *Счастли́вой путь!* *Сцяслíвая путь!* *По путé Бог в помощь!* Судя по этим фактам, в говорах наблюдается переход существительного *путь* в категорию слов женского рода (*Сцяслíвая путь!*). В ряде падежных форм слово, исконно имевшее *i-основу, приобретает окончания, характерные для склонения существительных с *а-основами (*по путе, в путе*). Эта грамматическая осо-

бенность слова *путь* представлена в говорах на широкой территории распространения русского языка (в русских говорах республик Коми и Карелии, в архангельских, вятских, рязанских, донских, сибирских и других говорах) [СРНГ 33: 158]. Таким образом, книжное слово *путь* сохраняет особенности своего склонения лишь в литературном языке, а в диалектах последовательно идёт, сообразуясь с общими тенденциями унификации грамматической системы языка, преобразование его грамматической природы.

В одном говоре и даже в устах одного информанта можно услышать несколько формульных благопожеланий. Так, жительница д. Великий Двор Тотемского района Ю.В. Селиванова, информант диалектологической экспедиции 2011 года, любезно провожала диалектологов в дорогу целым рядом благопожеланий: *Царь небесный, царь земной, спаси нас в путях и в дорогах! Поди́ть с Богом! Поезжайте с Богом! Счастливой путь! Счастливая путь вам! На лёгкую ножку! Чтобы вы вступили на крепкую ножку!* От неё же, помимо этих этикетных формул, диалектологи узнали и о свято чтимых старинных обычаях, связанных с проводами человека в дорогу. Так, человека, гостившего в доме, следует снабдить на предстоящую дорогу чем-нибудь съестным: *Чтобы его не опустить с голой сумочкой, обязательно нужно положить что-нибудь в дорогу.* Отправиться в путь можно, по традиции, лишь с *местечка*, то есть ненадолго присев перед дальней дорогой всем отъезжающим и провожающим.

Традиционные высказывания в ситуации дороги в принципе различны. Наблюдается целый спектр оттенков смысла: уходящий человек, прощаясь, желает добра остающимся дома (*Дай Бог вам здоровья – семье вашей и скотинке!*); сам человек, отправляющийся в путь, желает себя обезопасить (*Бог впереди, я позади!*); идущий человек приветствует встречного (*Далёко ли без хлеба?*); идущий человек приветствует того, кого догоняет в пути (*Бог по пути, Мάρья!*). Как видим, в этой системе выражений наблюдается весьма тонкая детализация смыслов.

Анализ показывает, что структурные типы благопожеланий в анализируемой ситуации различны. Выделяется группа реплик, соотносительных с фразеологизмами (*Скатертью дорога! Ветер в поход!*), а также группа формул, соотносительных с предложениями (*Чтобы вы вступили на крепкую ножку! На лёгкую ножку!*).

Все они, однако, позволяют произвести «развёртывание» до структурных схем <Пусть ...> и <Я желаю, чтобы...>. Применение благопожеланий в живой речи сопровождается сжатием, эллипсисом структуры формул. При этом может наблюдаться пропуск сказуемого в простом предложении (<Пусть будет> счастливая путь вам!); пропуск подлежащего и сказуемого в простом предложении (Далёко ли <ты / вы идёшь / идёте> без хлеба?); пропуск целого главного в сложноподчинённом предложении (<Я желаю> чтобы вы вступили на крепкую ножку!); пропуск главного и части придаточного предложений (<Я желаю, чтобы вы вступили> на лёгкую ножку!).

По имеющимся у нас сведениям, некоторые из таких благопожеланий фиксируются и в соседних с вологодскими костромских говорах. Так, по данным Н.С. Ганцовой, если случится, что один человек другого догоняет в пути, то обязательно крикнет: «*Мир доро-о-о-гой!*» Отстающий ответит: «*Здорóво живёшь!*» (Буйск.). Подмеченное Н.С. Ганцовой растянутое произношение [о] вовсе не случайно. Действительно, такие выражения произносятся с особой силой, с особой интонацией, так как идущий должен услышать говорящего, расслышать сказанное им и, конечно, особым образом отреагировать на реплику собеседника.

По данным Ярославского областного словаря, в говорах бытуют формулы *Мир дорогой!* [1987: 47], *Мир в пути (по пути)!* [ЯОС 1989: 108] – пожелание доброго пути, а также пожелание доброго пути при встрече на дороге, произносимое «от противного»: *Кувиль по дороге!* [ЯОС 1986: 100].

Материалы Словаря русских народных говоров в их полном объёме учесть пока не удалось, но несколько благопожеланий интересующей нас тематики уже выявлено: *Путём-дорогой!* (Арх. 1847), *Путём-дорожкой!* (Ср. Урал), *Добрый путь (кому-либо)!* (Ленингр.) [СРНГ 33:158]. В словарной статье *дорога* этого словаря формулы пожелания не зарегистрированы.

В Словаре русского речевого этикета А.Г. Балакая ситуация дороги представлена целым рядом благопожеланий, среди которых, разумеется, много литературных формул: *Путь (вам) чистый!* *Путь да дорога!* *Путь-дорога (дорожка)!* *Путём-дорогой!* *Путём-дорожкой!* *Путём-дорогой здравствуйте!* *Доброго пути!* *Добрый путь!* *В добрый путь!* *Скатертью дорога, лентой ровный*

путь! Счастливого пути! (Счастливый путь!) Широкий путь! Широкий путь – вольная дорожка! Буераком путь! Бог на дороге – Никола в путь! Никола в путь – Христос по дорожке! Попутного ветра! Ветра в паруса! [СРРЭ 2001: 70, 78, 435]. Наличие основательного комментария к этим формулам в названном словаре избавляет нас от необходимости приводить здесь относительно них историко-этимологические и иные сведения.

Анализируя благопожелания в «дорожной» ситуации, нельзя обойти вниманием и ещё некоторые связанные с ней стандартные фразы. Несмотря на то, что собственно благопожеланиями они не являются, употребление их содержит в себе любопытную информацию.

Так, при встрече с человеком в дороге люди нередко произносят *Далёко ли без хлеба?* (Влгд. Сев.). Это шутливое приветствие человеку, идущему навстречу. Употребление такой фразы связано с обычаем брать в дальнюю дорогу хлеб, пироги, а также – по возможности – и другие продукты питания. Нашим современникам известно, что сейчас от Вологды до Череповца лишь два часа езды на автомобиле, а в недавние ещё послевоенные годы, по рассказам нашего земляка-фронтовика, этот путь на грузовике преодолевался только за трое суток. Поэтому *без хлеба*, т.е. без запаса провианта, на далёкое расстояние никто бы и не отправился.

При нежелании поддерживать беседу с встречным знакомым человеком употребляется диалоговое единство: – *Куда (или: куды) пошёл?* – *На кудыкину гору!* (В-У. Мяк.). Использование подобных фраз в ситуации дороги можно попытаться объяснить проявлением народной смеховой культуры, карнавализацией довольно тягостных представлений о трудностях, встречающихся в дороге. Однако фразеологизм *на кудыкину гору* использовался в основном тогда, когда нельзя было открытым текстом сказать «*Не скажу куда*». Так, например, в русской культуре запрещённым был вопрос охотнику, куда он идёт на охоту. По поверью, нельзя было раскрывать излюбленные охотничьи места, иначе удачи не будет. С этим же выражением связана поговорка *Не кудыкай – счастья не будет*. Само же поверье о том, что слово *куда / куды* неуместно произносить в сложной дорожной ситуации, связывают с созвучием его со словами *куд* ‘злой дух’, *кудесить* ‘колдовать’.

Необходимость подобающего этикетного общения в дороге нередко менторски, нравоучительно подчёркивается в народной культуре: – *Куда пошёл?* – *Не обкудыкивай, а говори: далёко ли?* – звучит при встрече двух знакомых (В-У. Мяк.). Формула *Далёко ли?* представлялась, по-видимому, более приемлемой, деликатной, культурной.

В настоящее время можно констатировать устаревание в сознании наших современников многих формул и самой потребности столь трепетно относиться к описываемой ситуации. Но в речи представителей старшего поколения и сама культурная традиция, и выражающие её языковые формулы по-прежнему живы. Об этом, в частности, свидетельствуют фразы, произнесённые в момент прощания с диалектологами нашим информантом по тарногской экспедиция 2012 года А.Ф. Поповой, 1924 года рождения: *Ну дак по-езджайте с Бóгом! Спасі вас, Гóсподи, помілуй!* *Стáну за вас за дорóгу моліцце. Зáвтра пойдіте уж домóй? Ну дак... Пу́ть да дорóженька! Ну дак вот... Спасі вас, Гóсподи!*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Приведённая выше характеристика тематического состава и анализ этнокультурного содержания вологодских народных благопожеланий позволяют далее остановиться на некоторых особенностях лингвистической организации этих благопожеланий.

§ 1. Благопожелания как средство выражения оптимистичности в вологодских говорах

Из многочисленных записей образцов диалектной речи, имеющих в нашем распоряжении, весьма показательной в плане рассмотрения средств выражения желательности оказалась запись беседы с коренной жительницей села Великий Двор Тотемского района Вологодской области Юлией Васильевной Селивановой (см. Приложение 3). Наша собеседница 1928 года рождения, имеет восьмилетнее образование, однако оно, как представляется, не трансформировало унаследованный ею традиционный строй родного диалекта.

Если градуировать коммуникативную манеру информантов по степени проявления вежливости, характеризуя эту степень как низкую, среднюю или высокую, то необходимо констатировать, что речевая манера Ю.В. Селивановой определённо соответствует высокой степени вежливости. Наблюдается открытое, эмоциональное, даже несколько избыточное, демонстративное выражение информантом своей учтивости. Тем не менее прозвучавшие пожелания показали нам очень искренними. Они касаются важных для людей «вечных» ценностей – состояния здоровья, положения в обществе, профессиональных достижений.

Наблюдения показывают, что оптиматива как специального наклонения с присущими ему морфологическими средствами выражения в вологодских диалектах, как и в русском литературном языке, нет. Однако значение желательности в речи информанта определённо выражается – как эксплицитно (*Штобы вами все-ти*

гордились-то! Штобы вас всё-ти ждали-то, штобы вас всё-ти любили-то!), так и имплицитно (*Знайтё: кажный день помяну и ка́жно день вам здоровья помолю...*).

Желательная модальность, или оптативность, находит в диалекте разные средства своего грамматического выражения. Это придаточные предложения цели (*штобы вы были всё-ти на высоте-то, штобы вами всё-ти гордились-то, вас бы всё-ти любили-то, штобы вас ждали-то везде!*), формы повелительного наклонения со значением пожелания (*Да ницем не ма́йтёсь, да и худыми делами-то вы не занимайтёсь!*), формы будущего времени со значением пожелания (*Знайтё: кажный день помяну и ка́жно день вам здоровья помолю*), инфинитивы, выражающие желаемое: *Вам богатеть да радоваться!* Как явствует из текста полилога, последний из названных способов выражения поддержан в беседе и одним из интервьюеров: *И вам не хворать!* (Ис). На лексико-фразеологическом уровне наблюдаем использование устойчивых формул (*Вам богатеть да радоваться!*; *Дай Бог здоровья-то!*).

В речи информанта отмечается варьирование языковых средств (*Дай Бог здоровья-то тебе; Дай Господи всем вам!; Вам-то дай Бог здоро́вьице!*). Диалектоносителем в основном используются общисезвестные средства русского языка, однако в целом ряде случаев применены диалектные лексемы (*Ка́жный день помяну и ка́жно день вам здоровья помолю*) и предложно-падежные сочетания с наречным значением 'большое количество, много' (*Дай Бог вам всем здоровья-то большого, через верх-от; А здоро́вьица-то вам какого – дак вот эдак, через го́ловы!*).

В ряде случаев в формах и конструкциях анализируемого текста проявляется синкретичность значения. Так, семантику оптатива и императива видим во фразах: *А кто неладно делает, дак лучше от него отойди; А са́моё гла́вное – худыми делами не занимайтёсь.* В некоторых случаях используется форма императива, а значение её только оптативное, так как лексическое значение глагола *живите* (*Живйтё дольше, не болийтё*) и формулы *Дай Бог* (*Дай Бог вам здоро́вьице, поступь хорошую*) не может сочетаться с императивной семантикой. Семантика оптатива и значения цели проявляется во фразах: *Да и по́ступи-то хоро́шой, штобы вы были всё-ти на высоте-то, штобы вами всё-ти гордились-то, вас бы всё-ти любили-то, штобы вас ждали-то везде!* Семантика оптатива со-

четається со значенням майбутнього часу в фразі *Зна́йте: ка́ждий день помяну́ и ка́ждо день вам здоро́вья помолю́.*

Особенність використання Ю.В. Селиванової побажань стоїть в нанизуванні, ампліфікації формул і конструкцій: *Да́й Бог вам здоро́в'яцё, по́ступь хоро́шую, жи́віть до́льше, не бо́лійтё. А са́моё гла́вноё – худо́ми дела́ми не занима́йтёсь!* или: *што́бы вы были́ все́-ти на высоте́-то, што́бы вами́ все́-ти горди́лись-то, вас бы́ все́-ти люби́ли-то, што́бы вас ждали́-то вездё!* Ампліфікація стоїть в розпорядженні благопобажань по принципу наростаючої їх значимості, сили їх емоціонального впливу. Відзначаються в тексті повторення цілих фрагментів, блоків – це середство ще більшого посилення впливовості мови інформанта. Таким чином, в наведеному полілозі ми маємо справу не з щоденною побутовою мовою, а з підливно народним красномов'ям.

Наряду з ампліфікацією в записаному тексті спостережуємо і властиві для усної розмовної мови еліптичні структури. Порівняємо далі парно наступні репліки: *Да́й Бог здоро́в'я-то тебе́ большо́ё-то, хоро́шоё, ся́сливую-то жи́знь!* и *Да́й Госпо́ди всем вам!* По передіснуючому контексту відновлюємо еліптизовану частину структури: *Да́й Госпо́ди всем вам <здоровье́-то большо́ё-то, хоро́шоё, ся́сливую-то жи́знь!>.* *Да́й Бог здоро́в'яца́ вам, жи́вите до́льше, не бо́ле́йтё* и *И по́ступь хоро́шую, што́б здоро́в'я ва́ше было́ – э-э-э! Вы́соко́!* Відновлюючи пропущене, отримуємо: *Да́й Бог <И по́ступь хоро́шую!>*

В зв'язній мові інформанта переважають вільні структури. Однак при нагадуваннях, викликаємих питаннями інтерв'юєри, при конкретизації комунікативної ситуації в свідомості інформанта актуалізуються і відомі йому клішизовані формули. Фактів формульного вираження побажання в мові дуже багато: *В до́рогу лю́дяма́ говори́ли: Ся́сливо́ю пу́ть! – говори́ли, На лёгку́ю но́жку! Ся́сливо́ю пу́ть! На лёгку́ю но́жку! Не забу́вайтё! – говори́ли. Ко́гда скотину́ ре́жуть? По́стой! Мясо́ – саха́р! Во, не забу́вайте. А не знаю́, ка́ко́й отве́т, ни́чого́ не ска́жут. Мясо́ – саха́р! А мясо́ – саха́р – да́к тук отре́жуют во́ ка́ко́й! Ту́к-от. На́режут э́даки-ти по́лосы, на́кладут. Да́к вот при́дут, да́к и гово́рят: Мясо́ – саха́р! Вот. Вот говори́ли ка́к: Мясо́ – саха́р!*

В цілому ряду випадків на питання програми інтерв'юєри отримували від свого інформанта тільки відрицательні відповіді: *До́ит*

корову? Вот этого дак не скажу, не знаю; И тесто замѣшивали – тѳжѣ не знаю, ницего этого не знаю; Мельнику? Ницего не говорили мельнику. Мельник мелет, дак што? Он намелет, дак ему придут, принесут на стол-от, всего тут накладывают дак. По-видимому, эти звенья единой, некогда существовавшей системы благопожеланий памятью информанта утрачены, тогда как другими носителями того же говора они обычно воспроизводятся.

Исследуемое функционально-семантическое поле желательности представлено в речи Ю.В. Селивановой в данной коммуникативной ситуации лишь добрыми пожеланиями – пожеланиями добра, добра. Негативных, антиэтикетных пожеланий в речи информанта не выявлено, что, по-видимому, объясняется особенностями самой ситуации (гости находятся в доме информанта), а также особенностями личности Ю.В. Селивановой (это благовоспитанная, достойная, уважаемая женщина, проживающая в семье сына, возвращающаяся в социально благополучной, традиционно сложившейся среде).

Лексико-фразеологические средства выражения оптимистичности в говоре многочисленны: *Дай Бог здоровья-то тебе большоё-то, хорошоё, сясливую-то жизнь. Дай Господи всем вам!; поди со Христом, поди!; Дай Бог вам всем ... и поступи-то хорошой; долше живите да не болейте!; Подите со Христом со истинным; Вам богатеть да радоваться!; Сясливой путь!; На лёгкую ножку!; Не забывайте!; Мясо – сахар!* и др. В диалекте весьма замкнутого социума тотемской глубинки они представляют собой отнюдь не периферию этого функционального поля. Многочисленность благопожеланий, частота их использования и достигаемый с их помощью коммуникативный эффект позволяют предполагать, что эти средства составляют специфику выражения оптимистичности в народной разговорной речи.

§ 2. Фоносемантические явления в кругу благопожеланий

Проводимый нами анализ значительного корпуса крестьянских благопожеланий в вологодских народных говорах приводит к мысли о том, что многое в этих благопожеланиях организовано, упорядочено отнюдь не случайно. В диалектах действуют определённые закономерности, в том числе и закономерности фоносемантиче-

ские. Сосредоточим здесь наши наблюдения над тем, как звуки и их сочетания содействуют созданию «музыки слов», а через неё – достижению воздейственности языка.

По степени своей звукоизобразительности благопожелания образуют определённые группы фактов. Отдельные группы формул не имеют фоносемантических особенностей, другие же буквально пронизаны ими. Так, на наш взгляд, лишены фоносемантических ассоциаций благопожелания печнику при кладке печи: *Чтобы печка-матушка и согревала, и готовила, и лечила, и радовала! Чтобы печка ладом топилась и не дымила! Чтоб дым пошёл! Тепло в дом! Тепла в избу! Дым в трубу! Дым в небо! Дым решетом! Хорошего дыму! Лёгкого дыму! С дымоходом! Ни дыму ни огня! Глины горсть! Глина в камень! Хороших пирогов!*

Отсутствие звуковых образов в этой ситуации связано, по-видимому, с важностью, серьёзностью самой работы. Здесь важен не звук производимого действия, а его качество, обстоятельность. Но: славянское [д] соответствует звуку [ф] в латинском языке: *futius, i t* – это ‘дым, чад’. Можно полагать, таким образом, что исконно основа наименования тоже звукоизобразительная: выражается тяжесть от ощущения вдыхания чадного, дымного воздуха.

На наш взгляд, звукоизобразительными ассоциациями наполнена группа благопожеланий, зафиксированных в ситуации стирки / полоскания белья: *Белёнько! Белёнько мыть! Белёнько на бельё! Набелёнько! Набелёнько Бог в по́мощь! Белó бучить! Белó мыть (намы́вать)! Белó мыть да стира́ть! Белó полоска́ть! Белó руба́хи мыть! Белó на пла́тье (пла́тьице)! Белó на воде́! Дава́й белó! Бо́г в по́мощь! Набелó Бо́г (в) по́мощь! Ле́беди летя́т (летéли)! Ле́беди на бук! Ле́беда на б́ук! Гу́си-ле́беди летя́т! Ча́йки летя́т! Начис-тёнько!*

Благопожелание *Бело мыть!* имеет смысл призыва стирать чисто, качественно. Это благопожелание опорное, исходное для ряда других приветствий (*Бело стирать! Бело полоскать!*). Для полного раскрытия смысла можно его трансформировать следующим образом: *Бело мыть <бельё>!* Слово *белó* созвучно слову *бельё*, их различия минимальны. Они заключаются, во-первых, в наличии или отсутствии звука [j] [б’елó] – [б’ел’jó]; во-вторых – в твёрдости или мягкости сонорных звуков [л] и [л’]. *Бело на бельё!* – звуки [л] и [л’] передают в благопожелании при полоскании звук

люющей воды. Наличие указанных звуков, а также губных [б'] и [м], сонорного согласного в слове *мыть* (это диалектный глагол, обозначающий понятие 'стирать' [СВГ 5: 13]), делает это благопожелание благозвучным, приятным для слуха.

В слове *лебеди*, а оно используется в нескольких формулах, встречаются те же звуки: сонорный [л'] и губной [б']. В благопожеланиях *Чайки летят! Начистенько!* звук [ч'] имитирует, можно полагать, звуки, издаваемые в процессе ручной стирки, ср.: *чисто-чисто*.

В ситуации стирки / полоскания белья зарегистрировано и недоброе пожелание – *Жуки на буки!* (Сямж.). Так, по-видимому, желают, чтобы не чистота и белизна снизошли на *буки*, т.е. специальные чаны для тепловой обработки белья, а *жуки* – т.е., возможно, то, что заводится в белье, – вши, клопы, но в обобщённом смысле – *жуки*. Степень формульности этого выражения, как представляется, даже выше, чем в прокомментированных ранее благопожеланиях. Формульность находит своё выражение в «гладкословии», в ритмизованности фразы. Оба слова двусложные, оба имеют ударение на первом слоге, различаются только первыми звуками [ж] и [б], причём важнее в фоносемантическом отношении, образительнее звук [ж]. Он имитирует жужжание жука, портящего белоснежное бельё. Особую роль, скорее всего, играют и передаваемые этими звуками цветовые ассоциации: *бельё белое – жуки чёрные*. Негативное пожелание, таким образом, строится на подразумевании контраста. Заметим, что благопожелательная основа всех прочих формул в рассматриваемой ситуации иная: в них силён либо прагматический мотив (*Мыло в корыто! Бело мыть!*), либо ассоциативный эффект (*Лебедя на бук! Гуси-лебеди летят! Чайки летят!*).

Не могла не породить специальных оборотов речи и ситуация сбивания коровьего масла, т.е. ситуация энергичного взбивания сметаны. В этой группе благопожеланий, если рассматривать её целиком, обращают на себя внимание звуки и их комплексы *ма – па – р*: *Ком масла! Пуд масла! Ушат масла! Разлив масла! На'хтус маслом! Масло – пахтус! Толстой пахтус тебе! На толстый пахтус! На густой пахтус! Масляная голова! Сыр да масло! Добро на масле! Масло желто да в крупиночку! Гусни, хрясни! Сбивать не пересбивать! На здоровье!* В словарях русского литературного языка большинство таких этикетных формул не зафик-

сировано. В народной традиции их употребление – установленное нормой, привычное, даже обязательное дело. СРРЭ А.Г. Балакая также предоставляет в распоряжение наблюдателей два убедительных доказательства, что ситуация сбивания масла действительно оформлена этикетными выражениями с этими звуками: *Масло (маслице) комом! Масло на мутовку (мутовочку)!* [СРРЭ 2001: 255]. Акустически, можно полагать, этими звуками выражается идея *мазать масло*.

Ситуация приготовления теста представлена множеством различных в структурном и семантическом отношениях формул: *Спóрый хлеб! Спорина́ хлéбу! Спорина́ в квашни́ю! Спорина́ на квашни́ю! Оспори́на в квашни́ю! Спорина́ в пироги́! Спорина́ в стряпнэ́ (в стряпни́ю)! Спорина́ на квашни́ю! Спорина́ стряпать (обряжа́ться)! Спóрая стряпня́! Спорынья́ в квашни́ю! Споры́нья в квашни́ю! Споры́нья в крiнке! Спорынья́ стряпать! Поспори́, Го́споди! Поспóрье в квашнэ́! Поспóрье мукé! Поспóрье мукé! В́ыше трóнется! Добро́ в ночовках! Пух в ночóвки! Марья, иди, кирпичо́м торгую́т! Са́хар в тэ́сто! Скúсного пирога́! Пусть <пирогí> вы́соко поднимáются, румяно́ налива́ются! Не красна́ избá угла́ми, а красна́ пирога́ми!* Если посмотреть на эти формулы с точки зрения преимущественно используемых звуков, то обратят на себя внимание звуки [п] и [р]. Звук [п] – звук, ассоциирующийся, возможно, с представлением о хорошо выбродившем, пышном, даже пузырящемся при брожении тесте. А звук [р], быть может, содействует наилучшему выражению оклика, адресованного работающему человеку.

Звуки [бу], [пу], [пе], [по], а также [ш] используются при выражении доброго пожелания в ситуации стрижки овцы: *Бурак шерсти! Готовь три короба! Дай Бог шубу (шубку)! Корзину шерсти! Короб шерсти! На большое (полное) руно! Пуд шерсти! Пестерь шерсти! Полного руна! Полные короба шерсти! Пух под ножницы! Руно шерсти! Тёплые валенки да рукавицы! Шелкова волоса! Шерсти угол! Шёрстка к шерстке! Шёрстки гора встречу! Шерсть на шерсть! Шерсть – нитки!* и др.

В лаконичном благопожелании *Серебро в ведро!*, используемом при наборе воды из источника, отмечаем созвучие *-бро* и *-дро*. Тройное повторение, аллитерация звука [р] живописует звон чистого, светлого, приятного металла. Вода и такие её ассоциации с серебром убедительно представлены также в русской народной

сказке «Мороз Иванович» и в произведениях других жанров фольклора (см. подробнее на с. 121).

Многие этикетные формулы представляют собой фразеологические выражения, т.е. сгустки народной мудрости, информативности и выразительности. Эстетическое совершенство формулам часто придаётся аллитерацией: *Вёдро на грабли!* Звукопись производится не просто повтором одинаковых звуков, а повторением симметричных комплексов звуков: взрывной [д] + вибрант [р] / взрывной [г] + тот же вибрант [р]. Эти звуки ассоциируются в сознании коммуникантов с определённым, уже известным каждому из них образом-впечатлением: *ведренное сено сухое, зелёное, так и гремит (шабарчит, шеркотит, шеркотится, шоршит)*. В описанной ситуации звук [р] в сочетании с взрывными согласными [д] и [г] создает яркий образ даже не просто шуршащего, а буквально гремящего сена. *Серебро в ведро! Вёдро на грабли!* – в благопожеланиях чистой воды из колодца и солнечной погоды во время сенокоса звукосочетания [бр], [др] и [гр] ассоциируются со звуком интенсивного действия. Подобный звуковой символизм весьма характерен для формул крестьянского речевого этикета, ср., например: *Здравствуй, нос красный, кокова как зарево!* – шутливое приветствие встречному в морозный день; *Серебро в ведро!* – благопожелание при черпании воды из источника; *Лук – лук, репка – тик!* – благопожелание при посадке лука и др.

В ситуации забоя домашнего животного на мясо используется специфическая группа благопожеланий: *Мясо – сахар! Сахар – мясо! Мясо сахарное! Сахар да мясо (вам)! Мясо – сало! Репка – сало! Ведро сала! Спорина в мясо! Со свежиной! Со коровушкой! Со скоромьем! Без греха на ноже! Лыткой по загривку!* Нетрудно заметить, что частотными являются звуки [с], [з] и [р]. Какие образы они передают? Какие ассоциации вызывают? Оказывается, это не всегда удаётся выявить. По-видимому, требуется более длительное и пристальное наблюдение.

В группе благопожеланий в ситуации черпания воды из источника (*Чистой водицы (водички)! Тихой воды! Живая водица тебе, молодица! Сладкая водица тебе, молодица! Водица – мёдовица! Водица как слезинка, а вёдра как пушинка! Свеженько тебе! На свеженько! На светленько! Дай Бог, водичка колодезна студена да вкусна! Чтоб водичка была чистенька, как божья роса! Чин да*

коромысло!) на себя обращает внимание частое использование свистящих звуков [ч'], [ц'], [з'], [з] и зубных [т'], [д']. Набор формул с такими звуками можно субъективно осмыслить как средство передачи ощущения на зубах от холодной колодезной воды.

Лук – пук, репка – пик! В наших материалах это выражение зафиксировано как пожелание женщине хорошего урожая лука, но благопожелание энантиосемическое, пожелание «от противного». Деревенские жители поясняют, что оно предрекает плохой урожай: желают, чтобы зелени было много, пук, а луковица была мелкая, плохо сформировавшаяся, – *пишук*, ничто. Принято было желать неурожая, чтобы, напротив, получить хороший урожай. В благопожелании при посадке лука звуки [у] и [и], [п] и [п'] передают, как представляется, идею противопоставления большого (пук зелени) и малого (сама луковица).

Форма *пик* современными наблюдателями может быть, как уже говорилось, воспринята по-разному: *ника – пик, пик – пик, пикать – пик*. Но крестьяне, по-видимому, традиционно вкладывают в эту форму вполне конкретное, всем понятное содержание. Анализируемое нами вологодское благопожелание при посадке лука следует буквально воспринимать так: 'пусть растение лука даст цветонные побеги, а луковица будет плохой', т.е. пусть не будет урожая. В литературном языке соответствующая «мелкая» семантика выражается разговорным словом *пишук* – 'нечто мелкое, ничтожное; ничто' [БАС 11: 1785].

Пук, пик, пишук – всё это односложные, энергично произносимые слова. В противоположность им в благопожелании *Дежень да каша!*, используемом при жатве зерновых, слова *дежень, каша* двусложные, плавно и протяжно произносимые. Звуки [ж] и [ш] ассоциируются с представлением о жевании, разжёвывании пищи и т.д.

Фоносемантические свойства этикетных формул проявляются в характере отбора и позиции используемых в них средств синтаксической связи: *Белую да чистую трубу полотна!* – при ткачестве; *Масло желто да в крупиночку!* – при сбивании сливочного масла. Типичны конструкции с однородными членами, посредством которых людям желают изобилия: *Сыр да масло! Дежень да каша!* (ср. в русском литературном языке: *Совет да любовь!*). Средством соединения однородных членов является обычно не союз *и*, выра-

женный самым узким и напряжённым из всех русских гласных звуков, к тому же после твёрдого согласного переходящим в менее акустически приятный звук [ы], а более полновесный союз *да* с широким гласным красивого тембра. С учётом синтаксических особенностей вологодских говоров уместно предположить и употребление этих благопожеланий с частицей *да* в постпозиции с закрепительно-утвердительным значением: *Сыр да масло да! Дежень да каша да!* (ср.: в народной речи: *она придёт да вякает да вякает да*. Гряз.).

Формулы благопожелания в ситуации борьбы с педикулёзом – *Мор на́ уши!* и *Конь на́ уши!* – обладают значительным сходством. Помимо идентичной второй части, первые части представляют собой односложные слова с однотипным составом трёх звуков: *согласный, гласный, согласный*. Один и тот же гласный звук [о] усиливает сходство слов, ассоциируя их с возгласом *о-о-о!* Акцент в синтагме падает на предлог, и именно это, как представляется, делает формулы очень энергичными.

Таким образом, эстетические свойства благопожеланий, как нам удалось это показать, находят своё выражение и на фоносемантическом уровне. Это содействует благозвучности регистра народной вежливости.

§ 3. Риторические приёмы организации благопожеланий

Важным свойством исследуемого материала является интенсификация в нём средств художественной выразительности [Байбурин 1993; Блинова 2002]. По сравнению с повседневным использованием возможностей языка в благопожеланиях чрезвычайно широк набор образных средств. Это метафора (*Масляная голова! Море молока, озеро сметаны, гора творога!*), метонимия (*Ни хвоста ни чешуи! Глины горсть!*), сравнение (*Водица как слезинка! Вёдра как пушинка!*), ритмизованность фраз (*Водица – мёдовица!*), использование деминутивов (*Водица, беленько, светленько*), эллипсис (*Пух <тебе, вам> <пусть попадает, стелется> под ножницы!*; *<Пусть будет> карто́вница с огло́блю, карто́шка с колесо́!*) и др.

На уровне средств художественной выразительности эстетические задачи использования благопожеланий часто решаются по-

средством синтаксического параллелизма (*Возами не вывозить, ношами не выносить!* – благопожелание при уборке урожая; *Карто́вница с оглоблю, карто́шка с колесо́!* – благопожелание при уборке урожая картофеля), гиперболизацией желаемых реалий крестьянской жизни (*Картовница с оглоблю, картошка с колесо!* – благопожелание при уборке урожая картофеля), антитезы (*Сади крохами, а убирай ворохами!* – благопожелание при весенних полевых работах), лексического повтора (*Садом садить, возом возить!* – благопожелание в той же ситуации) и др.

Сравним два благопожелания, произнесённые в одной и той же ситуации кладки печи: *Чтобы печка хорошо топилась и грелась и дым в трубу!* и *Дым в трубу!* По-видимому, здесь уже в первой формуле имеет место особый вид парцелляции: используются два придаточных предложения при отсутствующем главном: <Я желаю, чтобы печка хорошо топилась и грелась и дым <шёл> в трубу! >. От этого весьма развёрнутого благопожелания во второй формуле, где парцелляция ещё заметнее, остаётся лишь главное – сама идея: *Дым в трубу!* Но зато это пожелание энергичнее, доходчивее, к тому же оно вписывается в целый ряд формул такого же объёма: *Совет да любовь! Пух под ножницы! Скатертью дорога! Спорынья в кашню!* и др.

Благопожелания могут употребляться изолированно (*Дым в трубу!* и *Дым в небо!*), а могут, при желании говорящего, нанизываться, амплифицироваться для создания большего эффекта, как в формуле *Чтоб дым шёл в трубу, а из трубы в небо!* Не исключено, что выбор объёма формулы зависит от конкретных условий общения – времени, обстановки и др.

В образной структуре ряда благопожеланий прослеживается синекдоха. Так, в благопожеланиях плотнику *Клин да гвоздь!* и печнику *Глины горсть!* содержится указание на самые необходимые для осуществления профессиональных действий предметы: плотнику необходимы *клин да гвоздь*, печнику – *глины горсть*. Обращает на себя внимание, что работнику желают минимальное количество чего-то необходимого (названы единичные предметы *клин да гвоздь*, а также малая единица измерения количества глины – *горсть*), тогда как мастеру требуется большое количество желаемого.

Это лишь самый общий, краткий обзор представленных в анализируемом материале средств художественной выразительности. Но и их перечень свидетельствует о том, что в использовании таких средств проявляется высокая народная речевая культура. «Традиционно фигуры речи рассматриваются, – пишет О.И. Блинова, – в работах, посвящённых языку художественных произведений, которые, как и литературный язык, выражают элитарную культуру» [Блинова 2002:233–234]. Правомерность их изучения в рамках народной культуры, выразителем которой является местный диалект, теперь уже вполне осознана. Она обусловлена тем, что эти средства широко представлены в диалектной речи, исторически первичной по отношению к литературному языку, органически связанной на протяжении столетий с языком фольклора, где «шлифовались» эстетически значимые средства диалекта, имеющего высокий, народно-поэтический, стиль, возникновению которого способствовало эстетическое сознание носителей говоров [Мартынова 1992].

§ 4. Процессы символизации ключевых слов в благопожеланиях

Актуальность обращения к неисследованной проблематике образности в формулах русского речевого этикета постоянно подчёркивается в новейших работах [Балакай 2007: 26; Козельская 2004: 24 и др.]. Этикетные формулы, вербализующие ментальный опыт коллектива диалектоносителей, ориентированного на применение стратегии вежливости [Иссерс 2008], – это «целый удивительный мир, загадочная сокровищница духовной культуры человечества, в которой заключены не только вся мудрость поколений, но и ещё не раскрытые таинства» [Сикирич].

Наши наблюдения над функционированием в народной речи диалектных благопожеланий привели к необходимости осмыслить отразившиеся в них процессы символизации ключевых слов. Под ключевыми словами в данном случае понимаются наиболее значимые в плане создания образности лексемы.

В современной науке существует несколько различных подходов к пониманию сути символа и, следовательно, процесса символизации. Не вдаваясь в анализ разногласий, существующих у предста-

вителей разных наук, под *символизацией* будем в дальнейшем, вслед за Словарём русского языка [МАС 4: 93], понимать ‘обозначение чего-либо при помощи символов’. *Символом* будем называть ‘предмет, действие и т.д., служащие условным обозначением какого-либо понятия, идеи’. Глагол *символизировать*, таким образом, употребляется в значении ‘явиться (являться), послужить (служить) символом чего-либо’. Процессы символизации слов нередко происходят, по нашим наблюдениям, именно в структуре благопожеланий.

Ввиду ограниченности объёма публикации возьмём для иллюстрации материала лишь некоторую группу фактов, с наибольшей очевидностью демонстрирующих явление символизации, и представим эту группу благопожеланий в виде нижеследующей таблицы.

Благопожелание	Выражаемая идея	Символ
<i>Вёдра как пушинка!</i>	Пусть вёдра покажутся лёгкими	<i>Пух</i> – символ невесомости
<i>Вёдро на грабли!</i>	Пусть устойчивой будет ясная погода	<i>Вёдро на граблях</i> – знак того, что человек может управлять погодой
<i>Водича как слезинка!</i>	Пусть колодезная вода будет чистой	<i>Слеза</i> – символ прозрачности
<i>Водича – мёдовица!</i>	Пусть колодезная вода будет вкусной	<i>Мёд</i> – символ сладости
<i>Глина в камень!</i>	Пусть будет прочной возводимая печь	<i>Камень</i> – символ монолитности
<i>Глины горсть!</i>	Пусть будет достаточно необходимого строительного материала	<i>Горсть глины</i> – символ помощи, участия в строительстве
<i>Греби лопатой!</i>	Пусть будет удачным сбор грибов и ягод	<i>Лопата</i> – символ большого количества и быстрого сбора

Благопожелание	Выражаемая идея	Символ
<i>Дежень да каша!</i>	Пусть будет успешным окончание полевых работ	<i>Каша</i> – символ обыденной пищи; <i>дежень</i> – символ праздничной еды
<i>Конь на уши!</i>	Пусть вши будут выведены	<i>Конь</i> – символ уничтожающей, давящей силы
<i>Лебеди на бук!</i>	Пусть будет чистым стираемое бельё	<i>Лебедь</i> – символ белизны
<i>Летели голуби!</i>	Пусть будет чистым вымытый пол	<i>Голубь</i> – символ чистоты
<i>Малина в рот!</i>	Пусть зевание будет приятным	<i>Малина</i> – символ сладости
<i>Масляная голова!</i>	Пусть будет много коровьего масла	<i>Голова</i> , т.е. ком масла, – символ большого количества продукта
<i>Молоко мёдом!</i>	Пусть молоко покажется сладким	<i>Мёд</i> – символ сладости
<i>Море под корову!</i>	Пусть будет много коровьего молока.	<i>Море</i> – символ большого количества жидкости
<i>Мясо – сахар!</i>	Пусть будет хорошим вкус мяса	<i>Сахар</i> – символ хорошего качества мяса
<i>На толстой пахтус!</i>	Пусть будет удачным взбитое масло	<i>Пахтус</i> – символ плотного, хорошо сбитого коровьего масла

Благопожелание	Выражаемая идея	Символ
<i>Ни хвоста ни чешуи!</i>	Пусть будет удачной рыбалка	<i>Хвост, чешуя</i> – символическое обозначение целой рыбы
<i>Пух под ножницы!</i>	Пусть овечья шерсть будет мягкой при стрижке	<i>Пух</i> – символ мягкости шерсти
<i>Рена – сало!</i>	Пусть будет хорошим качество сала	<i>Рена</i> – символ плотности, твёрдости
<i>Ровной кромки!</i>	Пусть ровным будет вытканное полотно	<i>Кромка</i> – ровный край как признак мастерства ткачихи
<i>Руно шерсти!</i>	Пусть будет много настриженной овечьей шерсти	<i>Руно</i> – со времён античности символ качественной овечьей шерсти
<i>Спица в нос!</i>	Пусть чиханье пойдёт на пользу	<i>Спица</i> – символ той силы, которая способна пробудить необходимую энергию
<i>Спорина в квашню!</i>	Пусть удачно поднимается тесто	<i>Спорина</i> – символ удачи
<i>Сыр да масло!</i>	Пусть в хозяйстве будут сытные продукты	<i>Сыр, масло</i> – символ насыщающей пищи
<i>У печеюшки ручки белые!</i>	Пусть удачной будет выпечка у хозяйки	<i>Белые ручки</i> – символ чистоплотности хозяйки
<i>Чайки летят!</i>	Пусть будет чистым вымытый пол	<i>Чайка</i> – символ чистоты

Благопожелание	Выражаемая идея	Символ
<i>Чин да коромысло!</i>	Пусть будет всё необходимое для набора и доставки воды	<i>Коромысло</i> – символ равновесия, удобства
<i>Шёлк на руки!</i>	Пусть обработка льна не повредит рук	<i>Шёлк</i> – символ мягкости, податливости
<i>Шелкова волоса!</i>	Пусть овечья шерсть будет при стрижке мягкой	<i>Шёлк</i> – символ мягкости, податливости
<i>Шерсти угол!</i>	Пусть будет много настриженной овечьей шерсти	«Угол» как часть крестьянского жилища – символ большого вместилища

Отметим, что набор таких фактов состоит из значительного множества благопожеланий. По предварительным подсчётам, их около пятисот. Все благопожелания зафиксированы в живой речи крестьянского населения Вологодской области в процессе составления Словаря вологодских говоров или записаны лично автором в полевых условиях.

В приведённых фактах символы заключают в себе яркую эстетическую информацию, которую воспринимать человеку, слышащему приветствие, радостно. Обратим внимание на поставленные в благопожеланиях восклицательные знаки. Они дают возможность передать тонкие оттенки смысла. Пунктуация в данном случае отражает особую экспрессию, эмоциональность подобных благопожеланий. Стратегия вежливости требует и особой тактики коммуникативного поведения [Иссерс 2008]. Тактика говорящего должна учитывать разные интенции: необходимо окликнуть человека, занятого работой, привлечь к себе его внимание, пожелать успеха в выполняемом действии, возможно, и развеселить, заставить улыбнуться. Всё это осуществляется на ассоциативной основе. Эти ассоциации выработаны многовековым опытом челове-

ского коллектива. Большинство из них изо дня в день повторяется диалектоносителями и сегодня.

С чем же, по данным благопожеланий, ассоциируются в народном сознании реальные ситуации? Как видим в правой графе таблицы, ассоциации выражаются словами *малина, слеза, мёд, пух, угол* 'помещение', *камень, горсть, лебедь, чайка, голубь, спорина, сахар, репа, голова* 'большой ком', *море, шёлк, каша, дежень, сыр, масло, пахтус, лопата, коромысло, хвост, чешуя, конь, ухо, спица, руно, белые ручки*. В приведённом перечне ассоциатов можно увидеть и определённую упорядоченность. Так, встретились разные обозначения для одной и той же идеи: *лебедь, чайка, голубь* – символы для обозначения чистоты, белизны, *пух, шёлк* – для обозначения мягкости. Для выражения ассоциативных ходов используются наименования красивых птиц с белым оперением (*лебедь, чайка, голубь*), наименования продуктов питания с приятным вкусом (*мёд, пахтус, сахар, репа, сыр, масло, малина*), наименования важных орудий труда (*спица, лопата, коромысло*), названия значимых природных объектов (*море, камень*), наименования единиц измерения (*горсть, стена, локоть, руно*) и, что вполне естественно, наименования-соматизмы (*голова, слеза*).

В целом ряде случаев (*Шерсти угол! Гребни лопатой!* и др.) нет возможности определённо утверждать, что то или иное слово символизирует именно то или иное представление. По-видимому, символическое значение в таких случаях ещё не вполне выкристаллизовалось. Однако очевидно, что приятное, красивое, значимое, что окружает человека, приобретает в благопожеланиях особый статус. Происходит, по мнению А.К. Байбурина, «семиотическое удвоение мира, точнее, переключение с одного вида реальности на другой, основным признаком которого является знаковость» [Байбурин 1993: 202]. Суть удвоения состоит в данном случае в том, что всякая из анализируемых фраз воспринимается и в реально-жизненном, и в эмоционально-образном ракурсе: *Малина в рот* – это приятное ощущение от ягоды и *Малина в рот!* – благопожелание при зевании.

Частое применение символизации в благопожеланиях обусловлено их жанровым своеобразием. Все они порождены традицией устной народной коммуникации. Задача говорящего – привлечь внимание адресата, а для этого необходимо сказать ярко, образно,

эмоционально. Эмоциональное состояние передаётся именно благодаря символизации смыслов. «Символ всегда предполагает, – считают психологи, – что выбранное выражение является наилучшим обозначением или формулой для сравнительно неизвестного фактического обстояния, наличие которого, однако, признаётся или требуется» [Юнг].

Рассмотрим подробнее протекание символизации в отдельном благопожелании, произносимом в коммуникативной ситуации замешивания теста. Вышеприведённое благопожелание *Спорина в квашню!* означает ‘пусть хорошо, удачно поднимается в квашне замешенное хозяйкой тесто’. Таким образом, некая *спорина* – это символ удачи. Благопожелания с этим словом (или со словами с этим корнем) и составляют основу группы реплик, произносимых в этой ситуации: *Спóрый хлеб! Спорина́ хлѐбу! Спорина́ в квашню́! Спорина́ на квашню́! Оспорина́ в квашню́! Спорина́ в пироги́! Спорина́ в стряпнё́ (в стряпню́)! Спорина́ на квашню́! Спорина́ стряпать (ображаться)! Спóрая стряпня́! Спорынья́ в квашню́! Спорынья́ в квашню́! Спорынья́ в крѝнке! Спорынья́ стряпать! Спорыш тебе в квашню! Поспори́, Гóсподи! Поспóрье в квашне́!*

Слова *спорина*, *спорынья* и другие, которые варьируются в этих благопожеланиях, – это диалектные слова. Они имеют севернорусский ареал и выражают понятия ‘удача’, ‘успех’, ‘выгода’, ‘прибыль’. Применительно к этому слову существуют две не исключаящее друг друга этимологические версии. Согласно одной из них, *спорынья* – ‘чёрный знак больного хлебного растения’ [Фасм. 3: 738]. В таком случае можно полагать, что наименование носит эвфемистический характер. Согласно второй версии, слово восходит к имени древнего славянского бог *Спорыш* у восточных славян – это божество изобилия, воплощение плодородия, дух жатвы, живущий в двойном колосе, бог достатка, урожая, богатства. Это божество представляли в виде кудрявого белого человека, который ходит по полю. В Белоруссии после жатвы плели венок, приносили на хозяйский двор и пели «*спорышевы песни*». В Псковской области из сдвоенных колосьев изготавливалась особая кукла – *спорынья*. Считалось, что, кого Спорыш любит, у того дом будет всегда полной чашей. Об этом мифическом персонаже находим информацию в произведениях А.М. Ремизова, по-видимому, хорошо знакомого с работами фольклористов своего времени: «*Так и есть, это Спо-*

рыш. Там – в колосьях-двойчатках! Как он вырос: как колос! А в майских полях его незаметно – от земли не видать, когда скачет он скоки по целой версте. – А ты не пугайся: он венок вьёт. Колосяной венок, золотой – жатвенный. А кладут венок в засек, чтобы было всё споро,хватило зерна надолго» [Розанов 2008: 196].

Вызывают определённый интерес факты, позволяющие говорить о затемнении внутренней формы слова *спорина*. Во-первых, по данным М. Фасмера, на другой ступени чередования это слово соотносится, что осознаётся не всегда, с глаголом *спеть* ‘созревать’. Во-вторых, нам встретилась формула приветствия *Оспорина в кашню!* Ни материалы словарей В.И. Даля и М. Фасмера, ни факты СРНГ слово *оспорина* не подтверждают. Следовательно, у современных диалектоносителей утрачивается представление о связях употребляемого диалектного слова с названным символом удачи.

Действительно, в функционировании благопожеланий время от времени происходят определённые сдвиги. Случается и смена символов. Так, она произошла, например, в ситуации с благопожеланиями *Бог в помощь! Божья помощь!* Им на смену пришло, однако задержалось лишь на определённый исторический отрезок времени выражение *Труд на пользу!* В настоящее время, пока почти «безъязыкое» в этом отношении, и благопожелание *Труд на пользу!* малоактуально. «Пока символ сохраняет жизненность, – считают психологи, – он является выражением предмета, который иначе не может быть лучше обозначен. Символ сохраняет жизненность только до тех пор, пока он чреват значением. Но как только ... найдено выражение, формулирующее искомый, ожидаемый или чаемый предмет ещё лучше, чем это делал прежний символ, так символ мёртв, то есть он имеет уже только историческое значение. Поэтому о нём всё ещё можно говорить как о символе, допуская про себя, что в нём имеется в виду то, что было, когда он ещё не породил из себя своего лучшего выражения» [Юнг].

Итак, повседневная жизнь человека «наполнена символами и знаками, они регулируют его поведение, что-то разрешая или запрещая, олицетворяя и наполняя смыслом» [Сикирич]. И думается, именно благопожелания являются особым благодатным материалом для формирования народных символов.

§ 5. Функции благопожеланий в диалектном дискурсе

В последние десятилетия в отечественном языкознании всё интенсивнее изучаются социальные диалекты [Коровушкин 2003; Кошелева 2010]. Не меньший исследовательский интерес направлен на диалекты территориальные, т.е. русские народные говоры, которые по-прежнему остаются живой реальностью наших дней. Однако специалисты всё чаще говорят о том, что статус русских диалектов в современной ситуации заметно меняется, само понятие территориального диалекта трансформируется: теперь, как полагают некоторые исследователи [Крысин 2000: 63–91], русские народные говоры превращаются в диалекты социальные.

Всё, чем характеризуются территориальные диалекты, ещё недавно жёстко выносилось за пределы литературной нормы [Текучев 1974]. Однако в народных диалектах есть совершенно бесценные категории единиц, которые при должном их изучении и описании могут изменить свой внелитературный статус и даже могут быть взяты на вооружение всей нацией [Калнынь 1991; Касаткин 1993]. К числу таких образований мы относим формулы крестьянского речевого этикета.

В процессе состоявшихся под нашим руководством диалектологических экспедиций в общении сельского населения Вологодской области отмечен особый тип коммуникации – изысканно вежливое, этикетное общение [СВГ]. Оно характеризуется наличием в диалектах особых средств выражения вежливости: обращений, приветствий, формул извинения, благопожеланий и т.д. Зафиксированный материал в функциональном отношении весьма однороден, что позволяет определённо говорить о комплексе выполняемых его единицами функций. Более того, речевой этикет как социально-лингвистическое явление детерминировано именно с функциональной стороны: в основе выделения этого феномена как раз и лежат его специализированные функции.

Понятие *функция* в лингвистической литературе трактуется по-разному. Это, во-первых, назначение, роль, выполняемая единицей языка при его воспроизведении в речи; во-вторых – цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы; в-третьих – обобщённое обозначение разных сторон языка и его элементов с точки зрения их назначения, применения, использования [Ахмано-

ва 1969: 505–506]. Толкование этого многозначного термина даёт возможность выделить главное: *функция* – это назначение, роль, выполняемая единицей или целым ярусом единиц языка в речи, предназначенность каких-либо элементов языка для выполнения ими определённой роли.

Оставляя за пределами данной публикации рассмотрение кон­тактоустанавливающей, регулирующей, культурно-кумулятивной и некоторых других функций народного речевого этикета, перей­дём к рассмотрению одной конкретной – эстетической – функции благопожеланий, в которой, как представляется, в наибольшей ме­ре реализуется особенность всего поля этикетных благопожеланий.

Эстетика – это область знаний, представлений социума о кра­сивом, прекрасном. Целью эстетики как области знаний является осознание и объяснение красоты явлений, предметов человеческой деятельности, творений природы или иных материальных и нема­териальных вещей. Под эстетической функцией языка возможно понимать отражение средствами языка (в нашем случае – диалек­та) окружающей действительности и отдельных её явлений с позитивной, эстетичной, привлекательной стороны. Эстетическая функция языка теснейшим образом связана с эмоциональной, или эмотивной, функцией, т.е. с назначением языка быть одним из средств выражения чувств и эмоций людей. Следовательно, эсте­тическая функция – это частная реализация базовой эмоциональ­ной функции языка. С эмоциональной функцией связана также мо­дальная функция и соотносимо выражение творческих потенций, которое обычно наиболее полно реализуется в художественном творчестве [ЛЭС 1990: 565].

В речевом общении сельских коммуникантов эстетическая функция реализуется, в первую очередь, самым набором очень яр­ких благопожеланий: *Лебеди летят! Лебеди на бук! Гуси-лебеди летят! Чайки летят!* – благопожелания в ситуации полоскания белья; *Пух под ножницы!* – благопожелание при стрижке овцы; *Мясо – сахар!* – в ситуации забоя животного на мясо; *Водица медо­вица!*, *Водица как слезинка, вёдра как пушинка!* – в ситуации чер­пания воды; *Молоко мёдом!* – в ситуации доения коровы; *Малина в рот!* – в ситуации зевания, *Спица в нос!* – в ситуации чихания и т.д. Как видим, всё это местные, диалектные благопожелания, не зафиксированные в словарях русского литературного языка и не

описанные в современной литературе [Прохоров, Стернин 2006; Сергеева 2008 и др.]. Но эти формулы суть подлинные драгоценности в системе народной речи. Каждая из них (а их, напомним, значительное множество) характеризуется комплексом эстетических признаков, являет собой средоточие связей, ведущих в семантику языка, историю и культуру народа. В каждом из таких благопожеланий срабатывает скрытое, но очень яркое сравнение. Именно оно создает впечатление красоты, эстетичности, придаёт этим выражениям незабываемый возвышенный колорит.

Изучаемый материал позволяет наблюдать, каким образом реализуется в языке функция выражения эмоций коммуникантов. В благопожеланиях отражается хорошее настроение людей (*Гуси-лебеди летят!*), радость общения (*Бело мыть! Здравствуйте! – Помогай Бог!*), удовлетворение от качества производимого труда (*Ни сучка ни задоринки!* – благопожелание плотнику), добрые пожелания (*Мыло в корыто! Белую тебе да чистую тебе трубу полотна!, Спорина обрядиться!*), чувство юмора говорящих (*Дым кузовом!* – благопожелание печнику; *Марья, иди! Кирпичом торгуют!* – пожелание хозяйке удачной выпечки пирогов) и т.д.

Современному человеку, привыкшему к универсальному общенародному благопожеланию-приветствию *Здравствуйте!*, возможно, даже удивительно знакомиться с подобными текстами. Но родившийся в деревне и наблюдавший в своё время ещё не испытавшую воздействия индустриализации деревню поэт С.А. Есенин замечательно передал добрые чувства народа по отношению к многообразному каждодневному крестьянскому труду [Есенин 1970: 206]:

Каждый труд благослови, удача!
Рыбаку – чтоб с рыбой невода,
Пахарю – чтоб плуг его и кляча
Доставали хлеба на года.
<...>
Коростели свищут... коростели...
Потому так и светлы всегда
Те, что в жизни сердцем опростели
Под весёлой ношею труда.
<...>

Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.

Анализируемая система благопожеланий запечатлена в поэтических строках: *Каждый труд благослови, удача! Рыбаку – чтоб с рыбой невода, Пахарю – чтоб плуг его и кляча Доставали хлеба ни года.* Поэт отметил и эмоциональную реакцию крестьян на многообразные трудовые процессы: *Потому так и светлы всегда Те, что в жизни сердцем опростели Под весёлой ношею труда* [Есенин 1970: 206].

В единицах речевого этикета очень заметно проявляется тенденция к символизации слов. Так, в благопожеланиях *Сто локот на пришивцу! Сто стен на сновалочку!* реализуется идея преумножения результатов труда *сторицей, стократно*. В благопожелании *Море, река молока!* проявляется символическое значение слов *море, река*. В формуле *Пух в ночовки!* при приготовлении теста словом *пух* обозначается пышное, хорошо выходявшее тесто, каким оно и должно быть в *ночвах*, или *ночовках*. То, что отбирается в ходе каждодневного использования, откладывается в формульном запасе народа. В дальнейшем отобранное клишируется, используется уже в готовом виде, избавляя коммуникантов от необходимости каждый раз изобретать новое словесное выражение вежливости. Креативно-инновационный подход коммуникантов, т.е. попытки внести в общение какие-то изменения, обеспечивает накопление в лексиконе тех фактов, которые впоследствии становятся значимыми в культурном отношении (ср.: *Бог в помощь! – Труд на пользу! – Это вас трут!*).

Эстетическая функция реализуется не только самим набором единиц, но и особенностями их применения в речи. Обычно эти единицы функционируют в диалоговых единствах: *Море под короной! – Река молока!* (в ситуации доения коровы); *Море под короной! – Спасибо!* (в той же ситуации); *Молочная река! – Кисельные берега!* (в той же ситуации); *Сахар – мясо! – Давай отведай!* (в ситуации забоя скотины на мясо). *Сахар – мясо! – Цапай горстью!* (в той же ситуации); *Дым кузовом! – К чёрту!* (в ситуации кладки печи). Как видим, ответные реплики сигнализируют о том,

что адресат вступает в общение, поддерживает его. Так выражается согласие человека вести общение или даже совместно участвовать в производимом действии. Ответные реплики выстраиваются в той же стилистике доброжелательного общения – даже в последнем случае, где благопожелание даётся «от противного»: желают плохого, смешного, нелепого, чтобы получилось хорошее, нужное, правильное (ср.: *Ни пуха ни пера! – К чёрту!*). Обращает на себя внимание возможность выбора средства для благопожелания, предоставляемая диалектом: при возможности выбора в процессе коммуникации реализуется лингвокреативный потенциал личности.

Эстетичность благопожеланий проявляется и на морфемном уровне составляющих их лексем: *Со коровушкой! Сто стен на сновалочку! Беленько! На свеженько! Шёрстка к шёрстке! Масло желто да в крупиночку! Водица – медовица!* Как видим, слова с суффиксами *-ушк-*, *-очк-*, *еньк-*, *-к-*, *-иц-* привносят в тональность общения оттенок теплоты, доброты, ласкательности. Суффиксы со значением увеличительности, уничижительности, пренебрежительности в анализируемом материале не отмечены вообще.

Эстетические свойства благопожеланий находят своё выражение на уровне звукоизобразительности. *Бело на бельё!* – звуки [л] и [л'] передают в благопожелании при полоскании звук льющейся воды. *Лук – пук, репка – пик!* – в благопожелании при посадке лука звуки [у] и [и], [п] и [п'] передают идею противопоставления большого и малого. *Серебро в ведро!, Ведро на грабли!* – в благопожеланиях чистой воды из колодца и солнечной погоды во время сенокоса звуко сочетание [бр], [др] и [гр] ассоциируются со звуком интенсивного действия. *Дежень да каша!* – в благопожелании при жатве зерновых звуки [ж] и [ш] ассоциируются с представлением о приёме пищи, жевании и т.д.

Выражением эстетически ценного в средствах вежливости является ритмическая организация текстов: *Пусть <пирог> высоко поднимаются, румяно наливаются!* – при замешивании теста; *Белую тебе да чистую тебе трубу полотна!* – при ткачестве; *Водица – медовица!, Водица как слезинка, ведра как пушинка!* – в ситуации черпания воды и т.д.

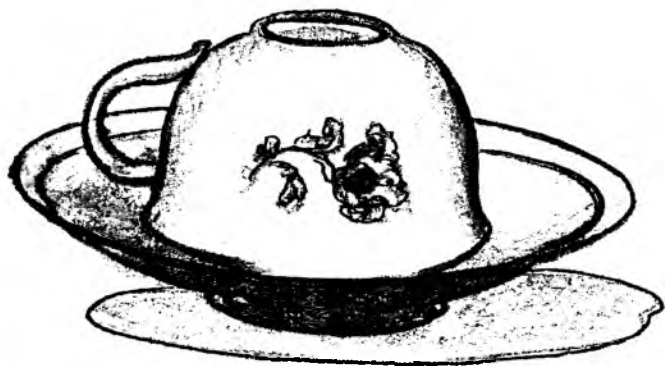
На синтаксическом уровне эстетические свойства этикетных формул проявляются в характере отбора и позиции определений: *Шелкова волоса! Тёплые валенки да рукавицы!* – при стрижке овцы;

Мясо сахарное! – при забое животного на мясо; *Белую тебе да чистую тебе трубу полотна!* – при ткачестве; *Масло желто да в крутиночку!* – при сбивании сливочного масла. В благопожеланиях *Мясо сахарное*, *Масло желто...* прилагательные находятся в постпозиции, а это позволяет сделать на них смысловой акцент. *Масло желто...*, *Шелкова волоса!* – используются краткие формы прилагательных, что придаёт выражениям оттенок архаичности, старинности.

Для синтаксической организации благопожеланий типичны конструкции с однородными членами, посредством которых людям желают изобилия: *Сыр да масло! Дежень да каша!* (ср. в русском литературном языке: *Совет да любовь!*). Средством соединения однородных членов является обычно не союз *и*, выраженный самым узким и напряжённым из всех русских гласных звуков, к тому же после твёрдого согласного переходящим в звук [ы], а более полновесный союз *да* с широким гласным красивого тембра.

На уровне специфических средств художественной выразительности эстетические задачи использования благопожеланий решаются посредством многих разнообразных приёмов, о которых уже шла речь выше (см. с. 169–171).

Итак, вопреки стереотипным представлениям о подмеченной коммуникативной сдержанности, даже суровости русских людей [Ларина 2009: 363], вырисовывается, по нашим наблюдениям, образ людей приветливых, характеризующихся широкой гаммой чувств и имеющих в своём распоряжении многочисленные совершенные в эстетическом отношении средства для их выражения.

Душа – мера!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские говоры Вологодского края формировались в далёком прошлом в процессе взаимодействия новгородских и ростово-суздальских колонизационных потоков. Удалённость от основных центров развития русской нации, контакты с финно-угорскими племенами края содействовали формированию на этой территории своеобразных диалектов. До 60-х годов XX века изучаемый регион оставался по преимуществу аграрным и говоры этого края не подвергались серьёзным трансформациям. События XX века (индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, распространение всеобщей грамотности, радио, телевидения и др.) привели к значительным изменениям традиционно сложившихся говоров. Однако большая удалённость вологодских территорий от центра государства, изолированность их в условиях протяжённых лесов и многокилометровых болот, слабо развитое транспортное сообщение и прочие факторы экстралингвистического характера содействовали длительному сохранению диалектных особенностей вплоть до настоящего времени.

Работа по сбору лексического материала для составления Словаря вологодских говоров интенсивно проводилась с 60-х годов XX века по первое десятилетие XXI века включительно. В итоге создан уникальный источник материала по народной культуре и народному лексикону. Корпус словаря составляет около 160 учетно-издательских листов текста и включает в себя более 26 тысяч словарных статей. Материалы СВГ, дифференциального толкового словаря говоров Вологодской группы, рисуют выразительную картину, позволяющую судить о духовной и материальной жизни народа на данной территории и системе его ценностей.

В Словаре вологодских говоров представлено значительное количество диалектных фразеологизмов, отражающих образность мировидения крестьян: *все жданики съест* 'потерять надежду дождаться кого-, чего-либо', *выйти с лóжками на тóр* 'допустив какую-либо оплошность, оказаться в невыгодном или смешном положении', *едá на лóжке оседáет* 'о невкусной пище', *тjóк о крjóк не стúкнет* 'о ленивом человеке', *тýчь тýчью* 'вплотную', *понесú жúхарь* 'недоброе пожелание', *ум отъест* 'о чём-либо очень вкусном' и др.

Особую группу фразеологизмов составляют этикетные, благопожелательные выражения: *Хлеб на́ под!* – тому, кто печёт хлеб; *Мо́ре под корми́лицей!* – тому, кто доит корову; *Мы́ло в коры́то!* – тому, кто стирает бельё; *Ле́беди на б́ук!* – тому, кто полощет бельё; *Ни ры́бы ни моля́!* – тому, кто идёт на рыбалку; *Ре́на са́ло!* – тому, кто режет скотину на мясо; *Пух под но́жницы!* – тому, кто стрижёт овцу; *На толсто́й па́хтус!* – тому, кто сбивает масло, и мн. др.

В составленной нами картотеке содержатся сотни стереотипных формул, зафиксированных в живой народной речи в период диалектологических практик и экспедиций с 1981 по 2012 г. Такие формулы отличаются устойчивостью, стереотипностью, ритмизованностью, многие из них характеризуются яркой метафоричностью. Значительное количество подобных благопожеланий в СВГ, не зафиксированных пока ещё словарями других территорий, образует детализированную систему народного речевого этикета, свидетельствующую о соблюдении населением в процессе общения коммуникативного принципа вежливости.

Крестьянский речевой этикет Вологодского края формировался, начиная с далёкого прошлого, на протяжении веков, но вплоть до настоящего времени он функционирует как живая динамическая, изменчивая система. В этой системе особое место занимают застывшие диалектные формулы благопожеланий. Если в литературном русском языке такие формулы находятся на периферии способов выражения значения оптатива, то в диалектах, по нашим наблюдениям, именно они составляют формализованный набор средств выражения категории вежливости.

В истоках многих благопожелательных формул лежат сказочные сюжеты (*Серебро в ведро!* – при черпании воды), старинные колядные песнопения (*Дежень да каша!* – при уборке зерновых культур), архаические ритуальные фразы (*Гусни, хрясни, дай Бог масла!*), пословицы и поговорки русского народа (*Не красна изба углами!* – при замешивании теста) и др.

Многие функционирующие в настоящее время благопожелания имеют яркий образный характер, создаваемый использованием таких средств художественной выразительности, как амплификация (*Река молока, озеро сметаны, гора творога!*), синтаксический параллелизм (*Пусть высоко поднимаются, румяно наливаются!*), метафора (*Ведро на грабли!*), метонимия (*Глина в камень!*), сравне-

ние (*Чтоб водичка была чистенька, как божья роса!*). Всё это демонстрирует отражение в речи талантливых в языковом отношении коммуникантов традиций подлинного народного красноречия, подчёркивает его генетическую связь именно с устным творчеством русского народа.

В анализируемой системе этикета прослеживаются и универсальные коммуникативные свойства (так, обнаруживаются параллели с вепсской, коми культурой и культурами прочих соседних народов).

Существующая до настоящего времени система этикетных благопожеланий сохраняет в крестьянской среде многочисленные архаические лексемы и формы (*Сто локот на пришивицу! Сто стен на сновалочку!*), иллюстрирует дестимологизацию, затемнение исконных семантических связей (*Оспорина в квашню!*), отражает происходящие сдвиги в сознании коммуникантов нового времени (например, на смену благопожеланию *Бог в помощь!* в связи со сменой идеологических установок приходят пожелания *Слава труду!*, *Труд на пользу!*, а затем, однако, их снова сменяет проверенная веками формула *Бог в помощь!*).

Проведённый нами анализ благопожеланий в диалектах Вологодской группы севернорусского наречия, выявленные закономерности и тенденции речевого поведения населения свидетельствуют вовсе не о том, что в диалектах получают выражение преимущественно отрицательные, негативные явления (формульных злопожеланий несравненно меньше), а о том, что в диалектах и, соответственно, в народных представлениях о том, как должна быть устроена, организована жизнь, много красоты, совершенства, эстетики.

Выявленный круг благопожелательных формул и использованные нами приёмы их анализа могут в дальнейшем послужить своеобразной матрицей при проведении исследований народного речевого этикета и на других территориях распространения русского языка.

Популяризация материалов такого рода, педагогическая пропаганда их в образовательной сфере будут, как представляется, способствовать сохранению в народной памяти знаний о многогранных особенностях культуры русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2012. – 824 с.

Агапкина Т.А. Благопожелание: Ритуал и текст / Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: верования, текст, ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. – М., 1994. – С. 168–208.

Андреева Е.П. Ономатопы в вологодских говорах / Е.П. Андреева // Актуальные вопросы диалектологии. Тезисы межвузовской научной конференции, посвящённой 60-летию диалектологических исследований в ВГПУ. – Вологда, 2000. – С. 55–57.

Андреева Е.П. Системная организация рыболовецкой лексики старорусского языка и её лексикографическое описание (полевой подход) / Е.П. Андреева // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999. – С. 50–55.

Андреева Е.П. Фонетически мотивированные слова в вологодских говорах (на материале глаголов, обозначающих звуки живой природы) / Е.П. Андреева // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 46–59.

Андреева Т.А. Прощай, XX век! / Т.А. Андреева. – Вологда: Полиграф-Книга, 2010. – 272 с.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 191 с.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.

Балакай А.Г. Будь/те здоров/ы во времени и пространстве / А.Г. Балакай // К 60-летию профессора А.В. Жукова. Юбилейный сб. научных трудов. – В. Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – С. 20–28.

Басангова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика) / Т.Г. Басангова. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2007. – 450 с.

Белов В.И. Лад. Очерки о народной эстетике / В.И. Белов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 424 с.

Берестнев Г.И. О двух ключевых концептах, утраченных русским языковым сознанием: «спорина» и «благо» / Г.И. Берестнев, И.Ю. Вертелова // Структура текста и семантика языковых единиц. Сб. научных трудов. – Калининград: изд-во РГУ им. Канта, 2007. – Вып. 4. – С. 5–31.

Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. / Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1988. – 278 с.

Блинова О.И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры / О.И. Блинова // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII) / отв. ред. Л.Л. Касаткин. – М.: Наука, 2002. – С. 232–240.

Богданов К.А. Чихание: явление, суеверие, этикет / К.А. Богданов // Антропология религиозности. Альманах «Канун». – СПб., 1998. – Вып. 4. – С. 21–42.

Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб.: Искусство, 2001. – С. 181–241.

Богданова М.В. Поэтическая фразеология слова *печь* в творчестве Н. Клюева / М.В. Богданова // Проблемы лексикологии и лексикографии. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 13 – 15 октября 1998 года. – Вологда: ВГПУ, 1998. – С. 102–104.

Варламов А.Н. Тёплые острова в холодном море. Повести / А.Н. Варламов. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. – 456 с.

Вежливость как коммуникативная категория / ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 172 с.

Вендина Т.И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2010 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука, 2010. – С. 6–38.

Вендина Т.И. Категории народной этики в языке русской традиционной духовной культуры (добро и зло) / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2005 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука, 2005. – С. 20–39.

Вендина Т.И. Прекрасное и безобразное в русской традиционной духовной культуре / Т.И. Вендина // Логический анализ языка.

Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 143–161.

Волгина Е.В. Семантико-синтаксическая характеристика императивных форм диалектных глаголов / Е.В. Волгина. // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2011 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука, 2011. – С. 154–165.

Володина Т. Ещё раз о литовском *колтуне*, или мифосемантика болезни в межэтническом контексте / Т. Володина // Балты и славяне: пересечение духовных культур. Международная научная конференция, посвящённая академику В.Н. Топорову. – Вильнюс, 2011. – С. 74–75.

Вьюгина Е.А. Единицы речевого этикета с компонентами «бог» и «мир» в говорах юга Нижегородской области / Е.А. Вьюгина // Русское народное слово в языке и речи. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Арзамас; Саров, 2009. – С. 73–77.

Газизов Р.А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Р.А. Газизов. – Уфа, 2011. – 44 с.

Ганцовская Н.С. Материалы Словаря вологодских говоров как источник географической атрибуции говоров Костромского акающего острова / Н.С. Ганцовская // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 18–29.

Головкина С.Х. Доброе слово. Речевой этикет / С.Х. Головкина, Т.Г. Овсянникова. – Вологда, 2007. – 184 с.

Головкина С.Х. Доброе слово. Воспитание речевой культуры юношества / С.Х. Головкина, Т.Г. Овсянникова. – М.: Педагогическая литература, 2009. – 192 с.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / В.Е. Гольдин. – Саратов, 1997. – 52 с.

Гриценко П.Ю. Ареальне варіювання лексики / П.Ю. Гриценко. – Київ: Наукова думка, 1990. – 270 с.

Гришанова В.Н. Обращение в говоре как отражение менталитета его носителей // Славянский альманах 1998. – М.: Индрик, 1999. – С. 324–336.

Гришанова В.Н. Речевой этикет говора как элемент народной культуры / В.Н. Гришанова // Славянский альманах 1997. – М.: Индрик, 1998. – С. 307–311.

Гришанова В.Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора / В.Н. Гришанова // Славянский альманах 2000. – М.: Индрик, 2001. – С. 467–471.

Громыко М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 269 с.

Ефимов А.И. О фразеологических контекстах слова *путь* / А.И. Ефимов // Учёные записки МГПИ. – Т. 56. – Вып. 2. – М.: МГПИ, 1975. – С. 167–174.

Ехалов А.К. Универсальная деревня, или Энциклопедия забытых ремёсел / А.К. Ехалов // Вологодский ЛАД. – Ч. 1. – 2010. – № 3. – С. 160–192; Ч. 2. – 2010. – № 4. – С. 158–178.

Желнова И.Л. Проблемы и задачи лексикографирования этикетных обращений / И.Л. Желнова // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов / отв. ред. Г.В. Судаков: – Вологда: ВГПУ, 2010. – Ч. 4. – С. 24–28.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 1997. – 307 с.

Жуков К.А. От теории концепта к зарождению лингвоконцептологии? / К.А. Жуков // К 60-летию проф. А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. – В. Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – С. 54–59.

Зими́на В.А. Народные новости. Всё и сразу / В.А. Зими́на // Наша Вологда. – 2007. – 23–29 октября. – С. 4.

Зорина 2011а – Зорина Л.Ю. Влияние говоров родного края на письменную речь выпускников школ / Л.Ю. Зорина // Русский язык в школе. – 2011. – № 10. – С. 16–21.

Зорина 2010а – Зорина Л.Ю. Вологодские благопожелания в ситуации сенокосения / Л.Ю. Зорина // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней. Сборник научных статей. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. – Вып. 6. – С. 63–68.

Зорина 2010б – Зорина Л.Ю. Вологодские благопожелания при полевых работах / Л.Ю. Зорина // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Материалы Международной научной конференции. Псков, 22–24 апреля 2010 г. – Псков: ПГПУ, 2010. – Ч. 1. – С. 74–78.

Зорина 2012а – *Зорина Л.Ю.* Вологодские диалектные благопожелания в ситуации доения коровы / Л.Ю. Зорина // Севернорусские говоры / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: СПбГУ, 2012. – С. 134–149.

Зорина 2012б – *Зорина Л.Ю.* Вологодские диалектные благопожелания и источники их изучения / Л.Ю. Зорина // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. 2012. – № 1. – Т. 1. – С. 61–64.

Зорина Л.Ю. Вологодский народноречевой этикет как динамическая система / Л.Ю. Зорина // Актуальные проблемы диалектной и исторической лексикологии. – Вологда, 1995. – С. 68.

Зорина 2008в – *Зорина Л.Ю.* Вологодские народные благопожелания в ситуации кладки печи / Л.Ю. Зорина // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов / отв. ред. Г.В. Судаков. – Вологда : ВГПУ, 2008. – Ч. 2 – С. 55–61.

Зорина 2007а – *Зорина Л.Ю.* Вологодские народные благопожелания в ситуации приготовления теста / Л.Ю. Зорина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Научно-методический журнал. – Кострома, 2007. – Т. 13. – С. 112–116.

Зорина Л.Ю. Вологодские народные благопожелания в ситуации стрижки овцы / Л.Ю. Зорина // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции. – М.: ИРЯ РАН, 2006. – С. 64–66.

Зорина 1993а – *Зорина Л.Ю.* Где порошки белы / Л.Ю. Зорина // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал [Вологда]. – 1993. – № 5. – С. 47–48.

Зорина 2008а – *Зорина Л.Ю.* Диалектная лексика говоров Вологодского края: Методические материалы и научно-популярные очерки / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 144 с.

Зорина 2011б – *Зорина Л.Ю.* К вопросу об эстетической функции благопожеланий в крестьянской речи / Л.Ю. Зорина // Социальные варианты языка – VII. Материалы международной научной конференции. 14–15 апреля 2011 года. – Нижний Новгород: НГЛУ. – С. 103–107.

Зорина 2011в – *Зорина Л.Ю.* К изучению народного речевого этикета в вологодских говорах / Л.Ю. Зорина // Вестник Волго-

градского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – № 1 (13). – С. 72–78.

Зорина 2012в – *Зорина Л.Ю.* Картошка с колесо! Вологодские народные благопожелания при огородных работах / Л.Ю. Зорина // Русская речь. – 2012. – № 2. – С. 100–104.

Зорина 1992в – *Зорина Л.Ю.* Лебеди тебе на бук! / Л.Ю. Зорина // Лад. Журнал для семейного чтения [Вологда]. – 1992. – № 1. – С. 62–63.

Зорина 1993в – *Зорина Л.Ю.* Море, река молока! / Л.Ю. Зорина // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал [Вологда]. – 1993. – № 4. – С. 23–25.

Зорина 2011г – *Зорина Л.Ю.* Отзвуки старинного ремесла в вологодских благопожеланиях ткачихе / Л.Ю. Зорина // И сладкий вкус родимой речи. Сборник научных трудов, посвящённый юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / отв. ред. Е.Ю. Любова. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 2011. – С. 211–218.

Зорина 1992в – *Зорина Л.Ю.* С малиновой речью / Л.Ю. Зорина // Русская речь. – 1992. – № 1. – С. 91–95.

Зорина 2004а – *Зорина Л.Ю.* *Славёны и славутники* в традиционной и современной культуре Вологодского края / Л.Ю. Зорина // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи. – Вологда: ВГПУ, 2004. – С. 78–87.

Зорина Л.Ю. Словарь вологодских говоров как сокровищница архаических фактов / Л.Ю. Зорина // Актуальные вопросы диалектологии. Тезисы межвузовской научной конференции, посвящённой 60-летию диалектологических исследований в ВГПУ. – Вологда, 2000. – С. 26–27.

Зорина 2012г – *Зорина Л.Ю.* Средства выражения оптативности в вологодских диалектах / Л.Ю. Зорина // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2012. – № 2 (39). Т. 2. – С. 81–84.

Зорина 2004б – *Зорина Л.Ю.* Так говорят харовчане / Л.Ю. Зорина // Харовск. Краеведческий альманах / отв. ред. Н.И. Голикова. – Вологда, 2004. – С. 330–346.

Зорина 2008б – *Зорина Л.Ю.* Тексты. Записи диалектной речи в разных районах Вологодской области / Л.Ю. Зорина // Говоры Во-

логодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда, 2008. – С. 213–227.

Зорина 2007б – *Зорина Л.Ю.* Традиции народного речевого этикета в говорах Вологодской области (трудовые благопожелания в ситуации сбивания масла) / Л.Ю. Зорина // Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. – Петрозаводск, 2007. – С. 220–222.

Зорина 2011д – *Зорина Л.Ю.* Традиции речевого поведения жителей Тотемского района Вологодской области (по материалам диалектологической экспедиции 2011 года) // Л.Ю. Зорина / Слово и текст в культурном сознании эпохи. Сборник научных трудов / отв. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2011. – Ч. 7 – С. 159–163.

Зорина 2011е – *Зорина Л.Ю.* Фольклорные истоки вологодского народноречевого этикета / Л.Ю. Зорина // IX Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / редколл. В.А. Тишков и др. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 501.

Зорина 2011ж – *Зорина Л.Ю.* Храня язык родного края / Л.Ю. Зорина // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – 2011. – № 2. – Вологда: ВГПУ, 2011. – С. 70–77.

Зорина 2011з – *Зорина Л.Ю.* Чин да коромысло! Вологодские благопожелания в коммуникативной ситуации черпания воды / Л.Ю. Зорина // Русская речь. – 2011. – № 2. – С. 94–100.

Зорина 2008в – *Зорина Л.Ю.* Этикет по-вологодски, или *Мясо – сахар!* / Л.Ю. Зорина // Вологодский ЛАД [Вологда]. – 2008. – № 2. – С. 216–219.

Зорина 2011и – *Зорина Л.Ю.* Язык родного края / Л.Ю. Зорина // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2011. – № 3. – Т. 1. – С. 45–49.

Зорина Л.Ю. Красота по-вологодски / Л.Ю. Зорина, Л.Г. Ящевич // Вологодский ЛАД [Вологда]. – 2009. – № 1 (13). – С. 209–216.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. Изд. 5. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии / Л.Э. Калнынь // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития

русистики. Доклады Всесоюзной научной конференции. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 229–236.

Касаткин Л.Л. Русские диалекты и языковая политика / Л.Л. Касаткин // Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 82–90.

Кацман Н.Л. Латинский язык: учебник для лицеев и гимназий / Н.Л. Кацман, И.Л. Ульянова. – М.: Владос, 1999. – 456 с.

Киселёва Г.В. Русская печь как явление духовной культуры / Г.В. Киселёва // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 1995 / ред. И.А. Попов. – СПб.: ИЛИ РАН, 1998. – С. 73–76.

Кобелева И.А. О фразеологии вологодских говоров // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 41–46.

Кобелева И.А. Русская диалектная фразеология: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера). – СПб.: Наука, 2007. – 200 с.

Кобелева И.А. Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / И.А. Кобелева. – Сыктывкар, 2011.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дисс. ... докт. филол. наук / М.Л. Ковшова. – М.: ИЯ РАН, 2009.

Козельская И.В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.В. Козельская. – Орел, 2004. – 25 с.

Кознева Л.М. История форм настоящего времени глагола *быть* в вологодских говорах / Л.М. Кознева // Актуальные проблемы диалектологии. Тезисы межвузовской научной конференции, посвящённой 60-летию диалектологических исследований в ВГПУ. – Вологда, 2000. – С. 29–31.

Колесова И.Е. Состав корневых алломорфов и лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда *лить* в современных вологодских говорах / И.Е. Колесова // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 181–190.

Корди Е.Е. Оптатив и императив во французском языке / Е.Е. Корди / отв. ред. В.С. Храковский. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 220 с.

Коренева А.В. Обращения в речи терских поморов / А.В. Коренева // Русская речь. – 2008. – № 1. – С. 89–92.

Коровушкин В.П. Английский и русский военные подъязыки и социолекты как социально-коммуникативные системы (основные понятия и термины) / В.П. Коровушкин // Языки профессиональной коммуникации: Материалы международной научной конференции. Челябинск, 21 – 22 октября 2003. – Челябинск, 2003. С. 78–80.

Кошелева Т.И. Ассоциативно-вербальные связи в православном социолекте / Т.И. Кошелева // Русская речь в современных парадигмах лингвистики. Материалы Международной научной конференции Псков, 23–24 апреля 2010. – Псков: ПГПУ, 2010. – Т. 1. С. 220–224.

Кряжева М.Н. Словарь вологодских говоров: типология, словарь, опыт использования: выпускная квалификационная работа (хранится на кафедре русского языка ВГПУ) / М.Н. Кряжева. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 84 с.

Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики: песни и причитания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.В. Кургузова. – Орёл, 2007.

Лапорт Элен. Античная мифология. Культура и традиции / Элен Лапорт, Колетт Эстен / пер. с франц. Ж. Антонов. – М.: Махаон, 2007. – 260 с.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

Лукичев В.Ф. Слава русской печи / В.Ф. Лукичев // В.Ф. Лукичев. На жизненном пути. – Вологда: Полиграфист, 2008. – С. 64–68.

Мамонтова М.Г. Учение о поздравительной речи Софрония Лихуда / М.Г. Мамонтова // Русская речь. – 2012. – № 2. – С. 73–79.

Мартынова С.Э. Народно-поэтический стиль диалекта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / С.Э. Мартынова. – Томск: ТГУ, 1992.

Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

Михайлова Л.П. Лексикализация несистемных фонетических явлений в вологодских говорах / Л.П. Михайлова // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 29–40.

Михалёв А.Б. Теория фоносемантического поля: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / А.Б. Михалёв. – Пятигорск: ПГЛУ, 1995.

Молотков А.И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики фразеологических единиц русского языка / А.И. Молотков // Русское языкознание. – Киев, 1985. № 9. – С. 3–9.

Москвин В.П. К истокам теории трёх стилей / В.П. Москвин // Русская речь. – 2012. – № 2. – С. 39–45.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры. – М., 2006. – 512 с.

Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982.

Народное слово Вологодского края в записях XVIII–XIX веков: хрестоматия по вологодской диалектологии / сост. Л.М. Кознева. – Вологда: ИЦ ВИРО, 2011. – Ч. 1. – 240 с.

Овсянникова Т.Г. Наблюдения над словом *сулема* в вологодских говорах / Т.Г. Овсянникова // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи. – Вологда: ВГПУ, 2004. – С. 54–58.

Паликова О.Н. Этикет в речи старообрядцев и в словаре говора / О.Н. Паликова // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования 2010 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Наука, 2010. – С. 424–434.

Палкин А.Д. Этические наименования в русской и японской лингвокультурах: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / А.Д. Палкин. – М., 2011.

Паникаровская Т.Г. Названия русской печи и её частей в вологодских говорах / Т.Г. Паникаровская // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка / отв. ред. Ю.И. Чайкина. – Вологда: изд-во ВГПУ, 1983. – С. 74–76.

Парменова Т.В. О модальности диалектной речи (на материале Словаря вологодских говоров) / Т.В. Парменова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Е.Н. Шаброва. – Вологда, 2009. – Ч. 3 – С. 5–13.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише / Г.Л. Пермяков. – М.: Наука, 1970. – 240 с.

Плешакова В.В. О происхождении древнерусских благопожеланий / В.В. Плешакова // Исследования по русскому языку: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.А. Кононенко. Рязань, 2000. – С. 153–158.

Плешакова В.В. Русские благопожелания (Опыт типологии и истории): автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В.В. Плешакова. М., 1997.

Плешакова В.В. Русские традиционные благопожелания (К вопросу о традиционных высказываниях) / В.В. Плешакова // Филологические науки. – 2006. – № 4. – С. 50–60.

Плешакова В.В. Традиционные русские благопожелания как аксиологические высказывания / В.В. Плешакова // Россия и славянский мир: история, язык, культура: сб. науч. тр. / ред.-сост. В.А. Викторovich, А.Б. Мазуров. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 355–361.

Плешакова В.В. Традиционные формы русской речи как национальное достояние / В.В. Плешакова // Русский язык: прошлое и настоящее: Тезисы докладов международной научно-практической конференции 22–25 мая 2000. – Рязань: РГПУ им. С.А. Есенина, 2000. – С. 224–226.

Попов А.А. Названия насекомых и пресмыкающихся в вологодских говорах / А.А. Попов // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 112–121.

Попова А.Р. Реализация слово- и фразеобразовательного потенциала соматизма *рука* в вологодских говорах / А.Р. Попова // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 88–102.

Прохоров Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Изд. 2. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 328 с.

Ратмайр Ренате. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / Р. Ратмайр / пер. с нем. Е. Араловой. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 272 с.

Розанов Ю.В. Фольклоризм А.М. Ремизова: Источники, генезис, поэтика / Ю.В. Розанов. – Вологда, 2008. – 267 с.

Романов А.А. Теория речевых актов в парадигме психо-семиосоциального конструктивизма / А.А. Романов, Л.А. Романова // К 60-летию проф. А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов. – В. Новгород: изд-во НГУ им. Ярослава Мудрого, 2007. – С. 121–135.

Романов А.А. Рифмованные фразы-присловия в паремиологии (из наблюдений над тульскими говорами) / А.А. Романов // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов / отв. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010. – Ч. 5. – С. 135–141.

Ручимская Е.М. О терминах семиотика, информация, коммуникация, знак, язык / Е.М. Ручимская // Русская речь. – 2012. – № 1. – С. 26–32.

Свиридова Г.Ф. Об особенностях речевого этикета носителей современных русских народных говоров (на материале диалекта сёл Хохольского р-на Воронежской области) / Г.Ф. Свиридова // Изучение и преподавание русского языка как национально-культурной ценности: материалы научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 1997. – С. 35–37.

Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. Спецкурс / Е.П. Сеничкина. – М.: Высшая школа, 2006. – 151 с.

Сергеева А.В. Русские. Стереотипы поведения. Традиции. Ментальность / А.В. Сергеева. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 320 с.

Смирнова И.В. Диалектологическая практика как коммуникативный процесс / И.В. Смирнова, Е.Н. Шаброва // Русское слово вчера и сегодня. – Архангельск: КИРА: Поморский государственный университет, 2005. – С. 209–212.

Соколова А.А. Лексико-географический метод изучения ландшафта: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Соколова. – СПб., 1996.

Соломеина Д.С. Трудовые ситуации в русской традиционной картине мира: семантико-словообразовательный словарь / Д.С. Соломеина // Современная русская лексикография: сборник статей / отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Инт-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2010. – С. 257–265.

Стернин И.А. Вежливость как коммуникативная категория / И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 172 с.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И.А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 97–112.

Стернин И.А. Русский речевой этикет / И.А. Стернин. – Воронеж: ВОИГКРО, 1996. – 128 с.

Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – М.: Восток – Запад, 2006. – 300 с.

Текучев А.В. Преподавание русского языка в диалектных условиях / А.В. Текучев. – М.: Просвещение, 1974. – 456 с.

Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.

Текотев Г.М. Серафима / Г.М. Текотев. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. – 176 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М., 1995. – 512 с.

Топорков А.Л. Печь / А.Л. Топорков // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. В.Я. Петрухина [и др.]. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 310–312.

Угрюмов А.А. Кокшеньга. Историко-этнографические очерки / А.А. Угрюмов. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1992. – 175 с.

Урманчеева И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.С. Урманчеева. – Вологда, 2002.

Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – М.; Л.: Наука, 1961. – 240 с.

Формановская Н.И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н.И. Формановская // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2011. – Вып. 12 (20). – С. 69–76.

Черепанова О.А. Общепородные и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения / О.А. Черепанова // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: сборник научных трудов / отв. ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 1995. – С. 169–176.

Чжэн Тао. Концепт «вода» в русской культуре // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 3. – С. 104–107.

Шаброва Е.Н. Диалектное корневое гнездо: проблемы и принципы описания: учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Шаброва. – СПб.: СПбГУ; Вологда: ВГПУ, 2002. – 86 с.

Шаброва Е.Н. Лексика и фразеология народной медицины в современных говорах Вологодской области / Е.Н. Шаброва // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи. – Вологда: ВГПУ, 2004. – С. 72–78.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола: монография / Е.Н. Шаброва. – СПб.: СПбГУ, 2003. – 220 с.

Шаброва Е.Н. Морфемика русских говоров: учебное пособие к спецкурсу / Е.Н. Шаброва. – Вологда, 2006. – 108 с.

Шаброва Е.Н. Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах: монография / Е.Н. Шаброва. – Вологда: ВГПУ, 2004. – 98 с.

Шаброва Е.Н. «Словарь вологодских говоров» как источник изучения диалектной морфемики / Е.Н. Шаброва // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2005 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб., 2005. – С. 143–146.

Шатилова Л.М. Типологическое сопоставление имплицитных пожеланий успеха, удачи (на материале немецкого и русского языков) / Л.М. Шатилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 149–154.

Шелкова И.А. Вежливость в сказке Леонида Филатова / И.А. Шелкова // Русская речь. – 2012. – № 1. – С. 106–113.

Шемарова В.Н. Концептосфера «Встреча / приветствие – прощание / расставание» в русском языке: системно-структурный и функционально-когнитивный аспекты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В.Н. Шемарова. – Уфа, 2004.

Щепанская Т.Б. Культура дороги на Русском Севере: Странник / Т.Б. Щепанская // Русский Север: Ареалы и культурные традиции / ред. Т.А. Бернштам [и др.]. – СПб.: Наука, 1992. – С. 102–126.

Яцкевич Л.Г. Грамматические факторы эволюции морфемной структуры глаголов в вологодских говорах / Л.Г. Яцкевич // Диалектное словообразование, морфемика, морфология / научн. ред. Е.Н. Шаброва. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 216–240.

Яцкевич Л.Г. Мутационные словообразовательные типы отсубстантивных суффиксальных имён существительных в вологодских говорах / Л.Г. Яцкевич // Словообразовательные и грамматические

категории в языке и речи / научн. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 170–184.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами *-рез-* / *-реж-* / *-раз-* / *-раж-* / *-роз-* / *-рож-* в вологодских говорах / Л.Г. Яцкевич // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 168–181.

Электронные ресурсы

Андреева Т.Б. Пиво в обрядах и обычаях севернорусских крестьян в XIX веке / Т.Б. Андреева // Этнографическое обозрение. 2004. – № 1. – С. 77–88. Режим доступа: <http://www.ec-dejavu.ru/b/Beer.html> (дата обращения – 18.09.2012).

Зевание – гимнастика души // Режим доступа: <http://www.medportal.md> (дата обращения – 4.09.2012).

Каратов С. Малина в рот / С. Каратов // Режим доступа: <http://www.karaton.ru> (дата обращения – 4.09.2012).

Крысин Л.П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л.П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – №5. – Сеул, 2000. – С. 63–91. Режим доступа: <http://www.phylogology.ru/linguistics2/krysin-00.htm> (дата обращения – 4.04.2010).

Михайлова Л.П. Письмо Л.Ю. Зориной / Л.П. Михайлова. – Петрозаводск, 2008. – 1 с. Режим доступа: lyudmila.zorina@gmail.com

Ольман Арье. На всякий чих не наздравствуешься // ЛЕХАИМ. Февраль 2008. Режим доступа – <http://www.lechaim.ru/ARNIV/190/olman.htm> (дата обращения – 8.09.2012).

Русская ведунья. Православные молитвы, особые заговоры, магические обряды и ритуалы // Режим доступа: <http://www.znaiev.narod.ru> (дата обращения – 12.05.2012).

Сикирич Е. Язык символов – язык вечности // Режим доступа: http://www/newacropolis.ru/magazines/1_1998/Yazik_simvolov (дата обращения – 12.04.2011).

Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Рябининские чтения. – 1999. Режим доступа: kizhi.karelia.ru/library/ryabinin_1999/213.html (дата обращения – 2.07.2012).

Юнг – Юнг, Карл Густав. Человек и его символы // Режим доступа: <http://www/jungland.ru/node/1907/>. <http://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения – 22.03.2012).

Nason – Словарь старинных слов // Режим доступа: <http://www.nason.ru/slovar> (дата обращения – 18.09.2012).

Словари

Акчим – Словарь говора деревни Акчим Пермской области / под ред. Ф.Л. Скитовой. – Вып. 1–7. – Пермь, 1984–2011.

Алексеенко – Алексеенко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. – М., 2004.

Ахманова – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., 1948–1965.

Ганц. – Ганцовская Н.С. Костромское народное слово. – Кострома, 2003.

Громов – Громов А.В. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Словарь. – Ярославль, 1992.

Гури И. Благословения и проклятия в идише. Словарь. – СПб.: Мосты культуры, 2007.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – М., 1955.

Дилякт. – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006.

Костр. – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. – Кострома, 2006.

ЛРС – *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. 3 изд. – М.: Русский язык, 1986.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990.

МАС – Словарь русского языка: в 4 тт. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – 2-е изд. – М., 1981–1984.

Миф. – Словарь славянской мифологии / авт.-сост. В.В. Адамчик. – Минск, 2008.

Народное слово в произведениях В.И. Белова. Словарь / Л.Г. Яцкевич / научн. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: ВИРО, 2004. 216 с.

Программа – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – Ч. 1–2. – СПб.: ИЛИ РАН, 1994.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Вып. 1–6 / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вып. 7–12 / под ред. Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / отв. ред. В.А. Бердыньских, В.Г. Долгушев, З.В. Сметанина. – Вып. 1–7. – Киров: КГУ / ВГГУ, 1996–2012.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. – Вып. 1–4. – Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2001–2009. –

Символ – Словарь символов. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/on-line>.

Слов. – Вологодское словечко: Школьный словарь диалектных слов / отв. ред. Л.Ю. Зорина. Изд. 1. – Вологда: ВГПУ, 2010. – Изд. 2, исправл. и доп. – Вологда: ВГПУ, 2011.

СОГ – Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–15. – Орел, 1989–2007. –

СОСНГ – Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А. Словарь образных слов и выражений народного говора. – Томск: изд-во ТГУ, 2001.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии. А – Я / под ред. З.Н. Здобновой. – Уфа: Гилем, 2008.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1–6. – СПб.: СПГУ, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–24 / гл. ред. Ф.П. Филин / ред. Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.: Наука, 1965–1989. – Вып. 25–43. / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1990–2010. –

СРРЭ – Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – Изд. 2. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. – М., 1948–1965.

СРФ – *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.Н.* Словарь русской фразеологии. Историко-фразеологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999. – 704 с.

ССЯ – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – 2 изд. – М.: Русский язык, 1994.

Степанов – *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 3. – М.: Академический Проект, 2004.

СЭТ – Словарь по этике // Режим доступа: <http://moralphilosophy.ru/pg/ekzistencializm.htm> (дата обращения – 12.04.2012).

ТСРРЭ – *Балакай А.Г.* Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель, 2004. – 681 с.

Фасм. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Т. 1–4. – М., 1986–1987.

ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Фёдорова. – Новосибирск, 1983.

ЯОС – Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. – Вып. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.

DL – *Pei A. Mario, Gaynor, Frank.* Dictionary of linguistics. – New York: Wisdom library, 1954.

Принятые сокращения

Сокращённые обозначения районов

Архангельская область

Вельск. – Вельский

Вологодская область

Блз. – Белозерский

Вашик. – Вашкинский

Верх. – Верховажский

В-У. – Великоустюгский

Вож. – Вожегодский

Влгд. – Вологодский

Выт. – Вытегорский

Гряз. – Грязовецкий

К-Г. – Кичменгско-Городецкий

Кад. – Кадуйский

Кири. – Кирилловский

Межд. – Междуреченский

Ник. – Никольский

Сямж. – Сямженский

Тарн. – Тарногский

Тот. – Тотемский

У-К. – Усть-Кубинский

Уст. – Устюженский

Хар. – Харовский

Шексн. – Шекснинский

Сокращённые обозначения населённых пунктов

Алекс. – Усть-Алексеево

Бекет. – Бекетовская

Борб. – Борбушино

Аргун. – Аргуново

В. Двор – Великий Двор

Весёл. – Весёлая

Верх. – Верховье

Ворон. – Воронино

Горбач. – Горбачёво
Грид. – Гридино
Ежез. – Ежезеро
Запр. – Запрудново
Кам. – Камешник
Коварз. – Коварзино
Колк. – Колкино
Кун. – Куность
Мард. – Марденга
Мих. – Михайловская
Монаст. – Монастырская
Мос. – Мосеево
Мяк. – Мякиницыно
Навол. – Наволок
Никиф. – Никифоровская
Пер. – Перьево
Погор. – Погорелово
Рам. – Раменье
Сев. – Севастьяново
Сельм. – Сельменга
Скочк. – Скочково
Татар. – Татарово
Троф. – Трофимовская
Ферап. – Ферапонтово
Филим. – Филимоново
Хавд. – Хавденицы
Юрк. – Юркино
Якур. – Якурино

Приложения

1. Вопросник для сбора материала по народному речевому этикету¹

В русской деревенской культуре сохраняются традиции вежливого общения. Надеемся, что Вам удастся собрать интересный материал. Чрезвычайно важно получить ответы в ходе беседы со старшими жителями Вашей местности. Расспросите своих родителей о том, как общались их старшие родственники. Ответы фиксируйте в рабочей тетради, по возможности записывайте широкие, убедительные примеры. Фиксируйте район, деревню, год записи, фамилии информанта и собирателя материала.

Обращения

- К старшей по возрасту женщине
- К старшему по возрасту мужчине
- К младшим по возрасту
- К ребёнку
- К группе лиц

Формулы приветствия

- Общее приветствие
- В дороге
- Встречному
- Попутчику

Трудовые благопожелания

- Общее приветствие – при любом виде работы
- Тому, кто стирает бельё
- Тому, кто полощет бельё
- Тому, кто моет пол в избе
- Тому, кто доит корову
- Тому, кто стрижёт овцу
- Тому, кто режет скотину

¹ Вопросник разработан в ходе проводимого Л.Ю. Зориной исследования, апробирован в процессе проведения диалектологической практики студентов филологического факультета ВГУ.

Тому, кто плетёт лапти
Тому, кто сбивает масло
Тому, кто замешивает тесто
Тому, кто копает картофель
Тому, кто в старину жал колосья в поле
Тому, кто везёт воз с чем-либо
Тому, кто вычёсывает голову ребёнку
Тому, кто черпает воду из колодца
Тому, кто идёт в баню; вышел из бани
Хозяину при появлении приплода у скота
Кузнецу
Мельнику
Рыболову
Охотнику
Плотнику
Печнику
Пасечнику
Каковы прочие трудовые пожелания?

Бытовые пожелания

чихнувшему
зевающему
тому, кто ложится спать
тому, кто проснулся

Событийные благопожелания

В связи с рождением ребёнка
В связи с созданием семьи
В связи с постройкой дома
В связи с покупкой чего-либо

Формулы прощания в разных ситуациях

Перед дальней дорогой

Формулы благодарности

За помощь, внимание
За угощение

Формулы похвалы за что-либо
Формулы извинения
Формулы этикета в ситуации, когда навещают больного человека

Формулы поведения за столом

Что говорит вошедший в дом,
если хозяева едят?

Что отвечают хозяева?

Как предлагают гостю угощение?

Как гость отказывается от угощения?

Как хвалят хозяйку за вкусную еду?

Как дают знать, что человек сыт?

Жесты, поклоны, мимика в разных ситуациях

Антиэтикет

Недобрые пожелания

Бранные пожелания

Проклятия

Что ещё наблюдали Вы в сфере общения?

2. Вопросник, заполненный информантом К.И. Шамониной

Примечания:

К.И. Шамонина – коренная жительница д. Великая Верховского поселения Тарногского района Вологодской области. Родилась в 1932 году, образование 4 класса. Дата записи – 11 августа 2012 года. Отсутствие записанного ответа означает, что он не был получен.

Оби́чались <в деревне>, как же не оби́чались! Попро́ход оби́чались!

Обращения

К старшей по возрасту женщине: *Даκ ведь как? Не за де́лом, даκ прóсто поздорóваются. Только скáжут «Здрáвствуйте!» – да и всё. По и́мени, по óтчеству не назовóт <в>едь. Молодые идóт, даκ скáжут: «Здрáвствуйте, бáбушка!» – вот и всё.*

К старшему по возрасту мужчине: *Здрáвствуй, дядя Тóля! Здрáвствуй, деду́шко! – как бо́льно ста́рый даκ. Здрáвствуй, дядя! – молодые-те скáжут. А как во́зраст около одно́го, даκ назовóт по и́мени.*

К младшим по возрасту: *Ой, я́годки! Це́тыри клáсса закóнчила!*
К ребёнку: *Бывáет... Токо вот сиди́шь це́лой день – по дере́вне-то никто́ не пройде́т, даκ я́годкой и не́кого назва́ть.*

К группе лиц: *Даκ скáжут: «Здрáвствуйте!» Не то́ даκ – «Здорóво живите́!» Молоде́нькие даκ скáжут «Здрáвствуйте!», а пожи́лые даκ – «Здорóво живите́!» – А что отве́тят? – А та́к же, э́к же.*

Формулы приветствия

Общее приветствие

В дороге

Встречному – *<Ми́р-то доро́жкой> не говори́ли? – Нет, не слы́хала, э́такого-то не говори́т. А ведь то́же, как знако́мы, даκ поздорóваются, да и всё. Э́того-то я не слы́хала.*

Попугчику: *Скрича́т, что подожди́те, даκ вме́сте поде́м. Вот и всё. Ра́ньше-то мно́го ходи́ли, а на́м-то не́кому ходи́ть ста́ло, на́до э́хать, не иди́.*

Трудовые благопожелания

Общее – при любом виде работы: – *Бо́г-то в по́мошь! – говори́т, коуды́ говори́т. Труд на по́льзу! – говори́т обяза́тельно. Цево́*

делаёшь, идут, бывало, – раньше ведь на полях, што ли, дак Труд на пользу! – это говорят. – <А слава труду!> – Этово не знаю, не слыхала.

Тому, кто стирает бельё: *Лёбеди летят!* А раньше-то бильё-то бучили ештё. Ведь мыла-то не было. А одёжда-то портяная вся была, домотканая. Ведь рубáхи-то портяные бёлые. А проно́сяще, дак ведь их разве простираёшь без мыла-то? Дак возьмёт этот... кадоцька деревянная, внизу гвозь... <Неужели зимой бучили в доме?> Обязательно... Ведь сейцáс возьми-ко... Портяная-то одёжда... Што снимёшь-то... И у мужиков были кальсоны бёлы, и рубáхи большинство – ведь ни краски, нице́о не было. Да так-то ведь не простираёшь. Да без мыла-то ешто при том. Ак вот золой-то всё пробуют да выполощут...

Тому, кто полощет бельё: А раньше-то у нас полоскали бельё-то далёко. Вон как в ту деревню идти, дак под угóром. Полоскали и там и воду для питья брали. Нигде́ ближе не было, в колодцах воды не было. Копали, сколько пытались да... У мян отёць-от копал там, под угóром, колодец, дак и то воды не было. Всё вот тут с рíцьки – назывáли, што с рíцьки носили воду-ту. Там и полоскали. – <Дак ведь не одна баба полощет. А кто-то придёт, че скажут?> – Нице́ не скажут, не знаю. Не знаю, це́-то всё забыла. – <А Белó-то мыть! Говорят?> – Нет. – <Белёнько?> – Нет. – <А Лёбеди летят!> – Это-то дак слыхала... Вот это-то слыхала. Да уж всё забыла. У мян то́лку зва́ния не ста́ло, дак уж всё на све́те забыла.

Тому, кто моет пол в избе: Не знаю этово. Никто́ мне не говаривал, и я не говаривала.

Тому, кто доит корову: Не знаю, це́о. Никто́ мне нице́ не говори́л.

Тому, кто стрижёт овцу: *Шёрсти бурáк!* Бурáк-то ведь большо́й. Дак ведь не однаки бураки́: большо́й да и ма́ленькой. Немáло войдёт шёрсти, в бурáк окласть дак.

Тому, кто режет скотину: Не знаю. У мян ре́зали, дак я всё убега́ла, дак не видала никово́. <А Мясо – са́хар! – слышали? А Цáпай го́рстью?> – Не слыхала, этого не слыхала, не скажу́.

Тому, кто плетёт лапти

Тому, кто сбивает масло: А ведь ма́сло сбивáли – крiнка глинянна, как сейцáс горшóчек, ино́ сказа́ть – раньше-то крiнками

звали. Раньше и молоко-то не в стеклянки, а всё в кринки и делали. Да вон в Наумовской старики, кринки-те да всё покупали. А мутовка. Смешали. Положат да в кринке-то всё и мешают. <Сметана> густая обязательно. <Какого цвета?> А маленько эка жёлтеньково. Ну! Мало ведь сметаны найдёшь, што рукой-то снимёшь. У мяя деревянная лóжка была, дак всё деревянной лóжкой. Горьсь одна... А только сседеце, дак масло скúсное и сметана. – <На толстой пахтус! говорили?> – Нет. <А слово пахтус говорят?> – Нет. <А Масло комом!?!> – Не знаю.

Тому, кто замешивает тесто: Никто́ мне ницё не говаривал, и я не говаривала.

Тому, кто копает картофель: Ну, как это делаешь – не то что на картошке, а цевó – Бог в помошчь!

Тому, кто в старину жал колосья в поле: Бог на помошчь!

Тому, кто везёт воз с чем-либо

Тому, кто вычёсывает голову ребёнку: Нет, я ак не помлю. Нет. Наша семья не людная была. Баня своя была. Раньше и бань-то мало было. Дак не помлю, што были вошки.

Тому, кто черпает воду из колодца

Тому, кто идёт в баню; вышел из бани: С лёгким паром!

Хозяину при появлении приплода у скота

Кузнецу

Мельнику

Рыболову: Рыбак в воду, а рыба в гóру!

Охотнику: А вот не знаю. У мяя охотников не бывало. Дак цём говорили?

Плотнику

Печнику

Пасечнику

Каковы прочие трудовые пожелания?

Бытовые пожелания

Чихнувшему: Будь здоров!

Зевающему

Тому, кто ложится спать: Покóйной нóчи! Спи с Бóгом! Маленьким дётям уж всё время скажут: Спи́те с Бóгом! Пóдьте с Бóгом! И гости́ли дак, пойдúт спáть дак...

Тому, кто проснулся: С дóбрым у́тром!

Событийные благопожелания
В связи с рождением ребёнка
В связи с созданием семьи: *Счастливой жизни! Всего хорошего!* Говорят: *Совет да любовь!*

В связи с постройкой дома: *С новым домом!*
В связи с покупкой чего-либо
Формулы прощания в разных ситуациях
Перед дальней дорогой: *Не знаю, как прощались. Никто не уезжал далеко.*

Формулы благодарности
За помощь, внимание: *Спасибо! скажут. Ешьте когда Спаси, Господи!* – как пожилые, скажут.

За угощение: *Тот же Спасибо!*
Формулы похвалы за что-либо: *Хорошо всё сделал.*
Формулы извинения: *Некак. Конечно, никак.*
Формулы этикета в ситуации, когда навещают больного человека: *Скоряя выздороветь!*

Формулы поведения за столом
Что говорит вошедший в дом,
если хозяева едят? *Нехто, кажись, нищё не говори.*
Что отвечают хозяева? *Предложат, конечно: Садись с нами чаю пить (завтракать).*

Как предлагают гостю угощение? *Садись да угощайся!*
Как гость отказывается от угощения?
Как хвалят хозяйку за вкусную еду? *Скажут: Спасибо! Очень вкусно! – Вот и всё, думаю.*

Как дают знать, что человек сыт?
Жесты, поклоны, мимика в разных ситуациях
Антиэтикет
Недобрые пожелания: *Не знаю. Век свой недоброго никому не желала.*

Бранные пожелания: *Ни от кого не слышала, дак всё забыла.*
Проклятия: *Не знаю. Век свой робыли в колхозе, робыли бригадами. Ни с кем не ругалась, и меня никто не ругал.*
Что ещё наблюдали Вы в сфере общения?

3. Образец текста для наблюдений над средствами выражения оптативности в вологодских диалектах

Ниже приводится текст беседы с жительницей с. Великий Двор Тотемского района Вологодской области Ю.В. Селивановой, 1928 года рождения, имеющей восьмилетнее образование. Текст представляет собой полилог. В нём участвуют глава местной администрации Т.И. Зимакина (Зи), диалектологи Л.Ю. Зорина (Зо) и И.И. Исаев (Ис). Ведущая роль принадлежит информанту, Ю.В. Селивановой (Се). Запись беседы произведена в 2011 году. Воспроизведение избранного фрагмента полное, купюры касаются лишь некоторых неясных или совершенно несущественных мест.

Се: Дорогая ты моя!

Зи: Как живёте-то?

Се: Дай Бог здоровья-то тебе большоё-то, хорошоё, сцясливую-то жизнь. Дай Господи всем вам!

Зи: Я сёдня не одна к вам пришла.

Се: Дак я этих-то вот не знаю.

Зи: А они приехали к нам из Вологды, из Москвы, хотят послушать рассказы ваши. Про прошлую жизнь расскажете им? Расскажите, как раньше жили?

Се: Как раньше-то жили? Ляпушки-ти ели?

Зи: Так можно поговорить-то с вами?

Се: А как не можно? Можно! Пожалуста, пойдёмте туда. <> Давай садитесь! Давай садитесь! Садитёс! Садитёс! Садитёс! Батог-от у меня тут ишшо.

Зи: Бабушка Юля, поразговариваете с ними? Они люди все хорошие.

Се: А ты-то еще не забыла-то! Сердце ты моё! Сердце ты моё! Ох, как я жалию-то, как жалию-то тебя! Дак вот вы садитесь!

Зи: Бабушка Юля, я-то пойду. Вы не обидитесь на меня?

Се: Хорошо, хорошо, поди, поди, поди со Христом, поди! Сердце моё, поди! Дай Бог вам всем здоровья-то большого, через верхот. Да и поступи-то хорошой, штобы вы были всё-ти на высоте-то, штобы вами всё-ти гордились-то, вас бы всё-ти любили-то, штобы вас ждали-то везде!

Зо: Ой, золотые слова!

*Се: А здоровьица-то вам какого – дак вот эдак, через го́ловы!
<> Штобы вам здоровье-то было, штобы вы никогда не болели-то. А штобы были вы все о́х на какой высоте-то! Штобы вас все-ти любили-то, вами бы все гордились-то, какие вы люди-ти!*

Ис: И вам не хворать!

Се: Вот, какие вы люди-ти! Штобы вами все-ти гордились-то! Штобы вас все-ти ждали-то, штобы вас все-ти любили-то. Вот! <>

Люди-ти вы какие пришли! Ой-ё-ё-ёй! Ой, ведь вы люди-то вы пришли не из ни́ичих, а пришли уце́ные. Вот, видишь, учителя. Дак эишо́ дай Бог вам, штобы вы знали, уцили, штобы вам здоро́вьё-то было – ой, через го́лову, вот эдакоё! Вот эдакоё большу́шшее!

Вы уйидетё-то, дак я вас буду поминать. Знайтё: кажный день помяну и ка́жно день вам здоровья помолю...

Вот, дорогие, дак вам да эту жизнь, как мы жили-то, даже во́ сне не привиделось – во́ как мы жили! <> Вам-то дай Бог здоро́вь-ице́, долгие живи́тё да не боле́йтё! Да ницем не ма́йтёсь, да и худыми делами-то вы не занима́йтёсь! <> А кто неладно делает, дак лучше от него отойди.

Дай Бог вам здоро́вьице́, поступь хорошую, живи́тё долгие, не боли́йтё. А са́моё гла́вноё – худыми делами не занима́йтёсь! <>

Дай Бог здоровьица вам, живите долгие, не боле́йтё. И поступь хорошую, штоб здоровье ваше было – э-э-э! Высоко́! Поди́тё со Христом со истинным. А когды́ дак заходите! Вам богатеть да радоваться!

Л.Ю. Зорина

**ВОЛОГОДСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Монография

Художник – А.Н. Рябков

Редакторы – Л.И. Безнина, Ю.С. Кудрявцева

Подписано к печати 15.10.2012 г. Формат 60x84¹/₁₆. Печать – ризограф.
Бумага писчая. Уч.-изд. л. 11,2. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 100 экз.

160035, г. Вологда, ул. С. Орлова, 6, ВГПУ

Отпечатано: Филиал ФГУП «Рослесинфорг» «Севлеспроект»

160014, г. Вологда, ул. Некрасова, 51.